

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 38 СЕНТЯБРЬ 1986

ДИВО
ДИВНОЕ —
ЛЕС!

АЭРОГОРОДОК... ►
В КОЛХОЗЕ

ТЕРЕНТИЙ МАЛЬЦЕВ:
ГЕРМАНИЯ,
ГОД ДВАДЦАТЫЙ...

ВСПОМИНАЕТ
МАТЬ
ВЛАДИМИРА
ВЫСОЦКОГО

«ПОЧТОВАЯ
ПРОЗА».

ИЗ
НЕОПУБЛИКОВАННОЙ
ПЕРЕПИСКИ
ДЕКАБРИСТОВ.

Шумит щедрая яр-
марка...

...и тут, в рядах
«частников» товар
есть. Да покупателей
немного.

Возле Рижского рынка.

СЕЛЬСКИЙ ДЕСАНТ. КАК ЗАКРЕПИТЬ ЕГО В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ?

К. БАРЫКИН,
фото С. ПЕТРУХИНА

Шестнадцать тысяч отмеченных прочным южным загаром граждан вдруг поднялись с насиженных мест, которые они привычно занимали на московских рынках.

Их спугнула не милиция... Все проще и сложнее: впервые за многие годы организаторы московской торговли перешли от призывов и лозунгов к совершенно конкретному делу. И пригласили дальние и ближние колхозы, совхозы, а также кооператоров:

См. стр. 25

ОФОРМУЛА ДЕЛА

Яблоки, арбузы, пе-
рец, лук, вино-
град... Все отбор-
ное, словно только
что из сада-огоро-
да.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 38 (3087)

20—27 СЕНТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. БЕЛЕЦКАЯ,
И. В. ДОЛГОПОЛОВ
(главный художник),

Д. К. ИВАНОВ
(ответственный секретарь),

Н. А. ИВАНОВА,
Б. А. ЛЕОНОВ
(первый заместитель главного редактора),

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),

Ю. С. НОВИКОВ,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
Ю. П. ПОПОВ.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 01.09.86. Подписано к печати 16.09.86. А 00730. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2422. Заказ № 3450.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

событие недели

В Нью-Йорке начала свою работу 41-я сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Сессия Генеральной Ассамблеи ООН — самое представительное в мире собрание посланцев различных государств нашей планеты. Она обсудит целый ряд вопросов, связанных с укреплением мира на Земле, с избавлением от опасности ядерного безумия.

Вместе с тем в повестке дня участников этого международного форума будут стоять и другие важные проблемы. Народы мира надеются, что нынешняя сессия ООН найдет пути и средства для того, чтобы защитить интересы стран и народов, вставших на путь борьбы за укрепление национальной безопасности, против неоколониализма и расизма.

Здание Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

Фото ТАСС

качеству —
высшую
категорию

НАДЕЖНОСТЬ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
спец. корр. «Огонька»

— Пап, а что такое «надежный»? — спросил отца шестилетний Женя, внимательно прислушавшись к разговору родителей о заводских делах.

— Это значит: верный, внушающий доверие, если сказал, то сделает, не подведет.

— Значит, ты вчера был ненадежный? — оговорил отца логически мыслящий сын. — Сказал, что придешь пораньше и мы пойдем с тобой на тренировку, а не пришел...

— А, ты вот о чем... Работы было много, Женя. За день не управился, вот и задержался. Но мы с тобой сегодня наверстаем. Лады? Сегодня же выходной...

Рассказывая о столь остром диалоге, Александр Павлович Калинин пожал плечами:

— А что тут поделаешь? Сын в тот раз был прав. Он волейбол, как и я, любит. Но и я тоже прав. Куда от этих бумаг денешься?

Длинный стол посреди комнаты завален всевозможной документацией.

Калинин — старший инженер исследовательской лаборатории надежности, другими словами, качества на подмосковном производственном объединении «Электроизолит». Том самом, о котором в числе других шла речь на июньском (1986 года) Пленуме ЦК КПСС как об одном из тех предприятий, на которых резко сократились рекламации и изделия выпускаются в строгом соответствии с требованиями стандартов. Говорилось и о том, что достигнуто это без особых затрат, благодаря улучшению, строгому соблюдению технологии и добросовестной работе.

Продукция «Электроизолита» неброская и внешне невыигрышная: рулоны, ленты, листы, доски, полученные из картона, бумаги, ткани, пропитанных различными смолами. Текстолиты, слоистые пластики, лаки, намоточные изделия, миканиты и мекафолии из листочков слюды, то есть те самые электроизоляционные материалы, без которых не может обойтись ни одна электрическая машина — от гигантской турбины до крохотного, из детской игрушки моторчика. А также трансформаторы, различные провода, шнуры, кабели... Качество их должно быть безупречным по всем физическим, в зависимости от требований, и химическим параметрам. Иначе — вспышка и треск короткого замыкания, пожар, взрыв... Установлено: наибольшее количество аварий в электрических установках вызывается нарушениями электрической изоляции.

Спрашиваю главного инженера «Электроизолита» лауреата Государственной премии СССР Олега Васильевича Бобылева, а как у них обстоит дело с соблюдением этих самых параметров.

— Рекламаций в этом году и в восемьдесят пятом не было. Еще в прошлом году около половины всей выпускаемой нами продукции было аттестовано по высшей категории качества.

— Как удалось вам этого добиться?

— А вы знаете, как отвечают англичане, когда им задают вопрос, касающийся их великолепных газонов? «Очень просто: надо каждый день поливать и раз в неделю косить. И так в течение ста лет».

Главный инженер не один раз бывал в Англии на заводах аналогичного профиля, да и в других странах — ФРГ, Японии, Бельгии, Франции. Участвовал в симпозиумах. Да и другие специалисты завода частенько знакомятся с зарубежным опытом. Что же касается шуточной иронии, высказанной главным инженером, то ее глубину оценила позже, познакомившись с длительным и сложным процессом борьбы за качество продукции. А тогда мне ничего не оставалось, как подыграть ему:

— Да, но ведь вашему заводу не сто лет и даже не пятьдесят. Если не ошибаюсь, то только через два года ему исполнится полвека.

— Тем не менее у нас свои «секреты» найдены. Ими занимаются исследовательская лаборатория надежности, ОТК, отдел главного метролога, центральная заводская лаборатория, технологи, конструкторы, рабочие, правильное сказать, бригады, потому что восемьдесят процентов работающих объединены в хозяйственные коллективы.

Олег Васильевич сказал что-то своему секретарю. Через несколько минут в кабинет четко, по-физкультурному, печатая пружинистый шаг, вошел человек средних лет.

— Калинин — ведущий специалист по этим делам, — отрекомендовал главный инженер. — Александр Павлович, расскажите корреспонденту про имидофлекс. Как он вне плана, так сказать, сверх программы, был аттестован по ВКК — высшей категории качества, как участвовал в этом четвертый цех. Кстати, в этом цехе работает немало молодежи, умеющей не только хорошо работать, но и решать социальные и культурно-бытовые проблемы: за полтора года методом самостроя выстроили дом.

жатва-86

Идет в закрома Родины хлеб восточных степей. На Алтае хозяйства продали уже более двух миллионов тонн зерна. Рожь и сильная пшеница сверх того, что думали намолотить,— это радует. Спешат на жатве и в областях Северного Казахстана: зима все ближе! Здесь особенно дорога забота о сохранении намолоченного зерна.

На снимке: элеватор на станции Сороковая Целиноградской области. Сто тонн зерна в час—такова производительность автоматизированного комплекса.

Фото А. Павловского (ТАСС)

В нем поселились пятнадцать молодых семей. Что же касается имидофлекса, то с первого января он работает на нас. Прибавил еще 7,7 процента к продукции высшей категории качества.

— Так что же собой представляет этот материал с таким мудреным, сразу и не выразишь, названием? — спросила я, когда, побродив с Калининым по тенистым аллеям заводской рощи, иначе ее и не назовешь, вошли в пахнущий теплым паром и клеями светлый цех.

Мы стояли у стопы больших листов янтарного цвета в окружении женщин в белых халатах. Был час обеда, и многие уже вернулись из столовой, которая тут же, в цехе.

— Это композиционный многослойный материал,— отвечая как бы на мой вопрос, сказала одна из них, по-видимому, технолог.— Стоит из полиамидной теплостойкой пленки и стеклоткани, спрессованных вот на этих машинах и обработанных в этой шахте. Отличается особыми качествами: стойкой электрической прочностью, стабильностью по толщине, хотя и стал более тонким, чем раньше.

— Мы работаем с ним не так давно, шел первой категорией, а надо было довести до ВКК,— добавила другая, как выяснилось, бригадир Мария Ивановна Базылева.

Я чуть было не назвала эту молодежку, в светлых кудряшках женщину девушкой, а у нее, оказывается, как разговаривались, уже четверо внучат, хотя до пенсии еще далеко.

— На наших машинах много чего переделано,— продолжала свой рассказ эта ранняя бабушка.— Несколько узлов заменили. Технологию улучшили.

— Чтобы не было отходов, перемоточную машину перенастроили. По техническим условиям допускается десять процентов отходов, а у нас их вовсе нет. Материал-то дорогой: 190 рубликов один килограмм стоит,— обстоятельно поясняла мастер Л. П. Козлова.— Посмотрите, какая у него упаковочка! Не какие-нибудь, а резиновые прокладки. Бережем! Как с малым дитём возимся. Это же наш общий труд. Три года за этот имидофлекс бились! Александр Павлович об этом знает лучше всех.

А Калинин, когда возвращались, поведал о назначении имидофлекса. Он понадобился в улучшенном виде для электродвигателей, ра-

ботающих в особо тяжелых условиях—на металлургических заводах, в рудниках и шахтах. Уменьшение толщины материала благотворно сказалось и на габаритах электрических машин, они стали компактнее, снизился расход черного и цветного металлов.

По дороге заглянули в ЦЗЛ—центральную заводскую лабораторию, заставленную множеством приборов и аппаратов для разнообразных испытаний электроизоляционных материалов. Напротив ЦЗЛ—его лаборатория, лаборатория надежности, в которой Калинин работает уже двадцать с лишним лет. Первое время, когда его, начальника участка, перевели из цеха сюда, в лаборатории проверяли материалы главным образом на стойкость свойств в зависимости от срока их работы. Это были интересные исследования. Вот совсем недавно они изучали на прочность одну ткань, пропитанную лаком. Было замечено, что этот показатель падает. Стали выяснять, и цепочка протянулась от железнодорожной станции Хотьково аж до... Ташкента. Ткань поставляет Орехово-Зуевский хлопчатобумажный комбинат, а хлопок—Узбекистан, и очень мало в нем того, который обеспечивает прочность, длиноволокнистого. Надежность материала, разумеется, снизилась. Надо принимать меры, искать выход... Подключается головной институт...

— Однако исследовательская работа постепенно оттесняется на второй план той, что связана с аттестацией продукции на высшую категорию качества.—Калинин уселся, наконец, за свой стол с ЭВМ «Искра».—А это трудоемкое дело, много писанины и расчетов. У каждого материала своя длинная история.

— Интересно, из чего же она складывается?

— Коротко схема такая. Запрашиваем потребителей по каждому материалу, они ведь наши диктаторы, а их у нас тысячи и по всей стране, по одному имидофлексу—сто пятьдесят. Какие претензии, что нашим заказчикам хотелось бы иметь. Мы ведь работаем по договорам, участвуем в экономическом эксперименте. Собрав воедино отзывы, решаем, как быть: создавать новый материал или улучшить имеющийся. Технологи, конструкторы—привлекаем мастеров, бригадиров—решают конкретно, что модернизировать, что и чем заменить. Отдел нестандартного оборудования в жесткие сроки выполняет заказы. Наконец, вот они, образцы нового материала. Направляем их потребителям, и тогда начинается самый дли-

тельный, как ни странно, этап. Потребители молчат. Мы, это наша лаборатория, звоним, бомбардируем телеграммами. Тишина. Засылаем наконец гонцов.

— В результате из-за дополнительных расходов на командировки качество недорого обходится?

— А что делать? Иначе пока нельзя. Приходится мириться с недисциплинированностью заказчиков и отсутствием у них оперативности. Гарантированная надежность материала еще важнее. Но это уже в пользу государства и нашу пользу. Рабочему прибавка 30—40 рублей в месяц.

— А вам?

— И мне достается. Не обижаюсь... Ответы наконец получены. Собрали, изучили, составили карты технического уровня. Приглашаем комиссию на аттестацию. Вот какая история. Долгая. А еще каждый материал через каждые три года проходит переаттестацию. Работы хватает. В прошлом году разрабатывали к тому же программу «Качество» на всю двенадцатую пятилетку. Уже сейчас шестьдесят процентов изделий аттестовано на высшую категорию качества, к девяностому году должны довести до 74 процентов. До полуночи засиживались.

— И в один из таких дней оказались, как сказал Женя, ваш сынишка, ненадежным человеком...

Калинин рассмеялся.

— Он у меня молодец. Любит спорт. А я ведь и сам разрядник. По нескольким видам спорта. У нас такой прекрасный спортивный комплекс, совсем рядышком с проходной и от дома недалеко. Осенью пустим бассейн. Строится по высшей категории. Вот только где бы времени занять? Я ведь еще и учусь. Пятый курс Всесоюзного заочного политехнического института.

Калинин помолчал, прохаживаясь.

— А знаете, что больше всего нас удручает? Лаборатория ведь маленькая, всего семь человек. Бумаготворчество! Всевозможные «ЦУ», идущие потоком. И отчеты, которые от нас требуют. Вот считайте: ЦСУ, Госстандарт, ВНИИстандартэлектро, министерство, лаборатория госназора. Потребители. Внутриводовая переписка. Бумаги, бумаги! Да, чуть не забыл. Еще Загорский горком и обком партии подключились, стали требовать отчетность...

ХАРАРЕ

Юрий ПОПОВ

Мир наш меняется, и меняется очень быстро. Одним из самых значительных явлений последних десятилетий можно считать возникновение и организационное сплочение обширной, пожалуй, даже самой большой группы государств на земле, которые когда-то называли слаборазвитыми, а теперь зовут развивающимися. В политической терминологии они получили наименование стран «третьего мира» в отличие от социалистических стран и государств империалистического лагеря.

В эту группу развивающихся стран входят в основном бывшие колонии Англии, США, Франции и других империалистических держав, а также зависевшие от них страны, формально не являвшиеся колониями, но, по сути дела, не имевшие никакой самостоятельности. Подавляющее большинство этих стран сейчас уже добились политической независимости — одни раньше, другие позже. Но, как показывает время и опыт, даже те государства, которые избавились многие годы назад от колониального гнета, испытывают большие трудности в экономическом развитии. И что характерно — с течением времени разрыв в уровне и качестве жизни между развитыми в индустриальном отношении странами и развивающимися государствами Азии, Африки, Латинской Америки продолжал систематически увеличиваться. Если говорить о доле производимого национального продукта на душу населения в странах «третьего мира», то она, как правило, не только не растет, а снижается. Другими словами, число нищих, бездомных и безработных в них постоянно увеличивается. До сих пор эти страны являются объектом самой бессовестной эксплуатации со стороны империалистических монополий, наживающих баснословные барыши за счет грабежа их национальных ресурсов и дешевой рабочей силы. Все они запутались в сетях долговой кабалы и вынуждены платить огромные суммы в счет погашения процентов по долгам. Приведу хотя бы такой пример: в азиатско-тихоокеанских странах проживает в условиях абсолютной бедности 518 миллионов человек, что составляет 89 процентов бедняков всего мира. Это по данным Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана.

Выразителем интересов развивающихся стран, их организующим началом стало возникшее двадцать пять лет назад, в сентябре 1961 года, движение неприсоединения. Сейчас оно объединяет свыше ста стран. Движение превратилось во влиятельную политическую силу, и его голос на международной арене звучит громко и определенно. И это закономерно. Ведь их население составляет около двух миллиардов человек. В Организации Объединенных Наций им принадлежит большинство голосов, и современная мировая политика просто немыслима без их участия.

Начиная со времени своего возникновения движение неприсоединения оставало в истории нашего тревожного и бурного времени все более заметный след. Об этом свидетельствует и состоявшаяся в начале сентября этого года восьмая Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, происходившая в столице Зимбабве Хараре. Самым характерным, самым важным в оценке итогов конференции можно считать стремление всех ее участников к установлению прочного мира на нашей Земле. Это было видно и в ходе дискуссий на конференции, и в принятых на ней документах. Они продемонстрировали крепнущую решимость спасти мировую цивилизацию от ядерной угрозы, от военных бедствий и, конечно, стремление обеспечить законные права всех народов на свободное развитие. В политической декларации участники конференции приветствовали выдвинутую Советским Союзом всеобъемлющую программу ядерных разоружений. В ней говорится, что ее цели близки неприсоединившимся странам. Высокую оценку получил советский мораторий на ядерные взрывы. Участники конференции призвали Соединенные Штаты присоединиться к нему.

Как известно, представители движения неприсоединения обратились с воззванием в адрес руководителей СССР и США. В его основе лежит глубокая заинтересованность неприсоединившихся стран в том, чтобы как можно скорее были бы обеспечены договоренности, ставящие барьер на пути к ядерной войне. Сам факт одобрения советских инициатив, поддержки советского моратория говорит о том, что развивающиеся страны ждут и от Соединенных Штатов соответствующих шагов и конструктивных предложений.

В том, что развивающиеся страны так сплоченно демонстрируют свою приверженность к установлению прочного мира на Земле, к решению проблем разоружения и прекращению ядерных взрывов, проявляется также их стремление прекратить разбазаривание материальных средств на совершенно непроизводительные расходы. Ведь гонка вооружений пожирает огромные ресурсы, которые могли бы в ином случае быть использованы для их развития. Больше того, сама эта гонка вооружений осуществляется в значительной степени за счет средств, выкачиваемых из этих стран. Неудивительно, что политика нынешних правящих кругов США получила, даже по сообщениям американской печати, суровое осуждение на конференции в Хараре и привела к падению престижа США среди развивающихся стран.

Советские люди испытывают глубокое удовлетворение от той поддержки, которую получила в Хараре наша миролюбивая политика. Следует сказать, что между социалистическими государствами и развивающимися странами, движением неприсоединения установились с самого начала отношения сотрудничества с целью достижения прочного мира. В своем послании председателю Харарской конференции Р. Г. Мугабе, М. С. Горбачев отмечал: «Мы видим в движении неприсоединения — при всем разнообразии его участников — мощную силу, противостоящую войне и агрессии, империализму, колониализму и расизму, силу, увеличивающую потенциал мира, разума и доброй воли».

Конференция в Хараре показала, что движение неприсоединения выросло сейчас в мощную силу, показала, что новое политическое мышление, требующее кардинального решения всех проблем современности, получает все большее распространение и поддержку.

Телефото ТАСС

В городе Юрмала неподалеку от Риги встретились представители общественности СССР и США, чтобы содействовать дальнейшему поиску точек соприкосновения между народами обеих стран, определению тех путей, по которым могут и должны развиваться советско-американские отношения в наш ядерный век.

Состав участников разнообразен, среди собравшихся в Юрмале и бывший заместитель помощника государственного секретаря США М. Палмер, бывший сотрудник Совета национальной безопасности доктор Х. Сонненфельд, заместитель пресс-секретаря Белого дома Э. Джереджийян, академик Н. Блохин, заместитель министра иностранных дел СССР В. Петровский, начальник управления Министерства обороны СССР генерал-полковник Н. Червов и многие другие. Гонка ядерного вооружения и способы ее прекращения, проблемы урегулирования региональных конфликтов, роль средств массо-

ВСТРЕЧИ
И

Открытие встречи в Юрмале.

вой информации в формировании общественного мнения — вот лишь некоторые темы, для обсуждения которых встретились здесь, на побережье Балтийского моря, посланцы обеих стран.

— Мы прибыли сюда для того, чтобы ослабить те негативные тенденции, которые сложились в отношениях между США и СССР, — так формулирует цель встречи один из ее организаторов от американской стороны, Дж. Уоллок. — Мы не хотим упускать возможность в будущем лучше понимать друг друга, это откроет путь для более успешных переговоров наших официальных представителей.

Не упускать возможность. Эти слова вновь и вновь звучат в выступлениях участников встречи, как советских, так и американских. Они рождены сознанием общей опасности, нависшей над нами, наличием врага, который в равной степени угрожает всем. Этот враг — ядерное оружие.

Из выступлений на дискуссиях, из разговоров с нашими американскими гостями становится определенно ясно, что многих из них привела в нашу страну именно забота о дне сегодняшнем, тревога за день завтрашний, а также желание продемонстрировать возрос-

шие возможности широкого движения общественности влиять на выработку политических решений по ключевым проблемам современности.

К сожалению, позиция официальных американских представителей в Юрмале зачастую заключалась в том, чтобы с помощью демагогии и различных уловок увести встречу от обсуждения конструктивных вопросов. Усердно муссировались вопросы, далекие от проблем сотрудничества, в частности, дело агента ЦРУ Данилофа, а специальный помощник президента США Дж. Мэтлок вообще ушел от обсуждения серьезных проблем и занялся восхвалением американской внешней политики...

Что же, обсуждение вопросов, в которых точки зрения не совпадают, зачастую приобретает затяжной полемический характер; но успех возможен, если спор ведется честно, открыто. Хочется надеяться, что встреча в Юрмале сыграет свою роль в создании между нашими странами климата доверия. Во всяком случае, советские участники встречи все для этого делают.

А. СОКОЛОВ

Юрмала.
По телефону, 16 сентября.

Ударный рабочий ритм противопоставили трудящиеся Молдавии стихийному бедствию. Об обстановке в республике нашему корреспонденту рассказывает председатель правительственной комиссии по выявлению и ликвидации последствий землетрясения Председатель Совета Министров МССР И. П. Калин:

— Сегодня комиссия располагает полной картиной ущерба, причиненного сейсмическими ударами. Повреждено 4896 государственных жилых зданий, из них в аварийном состоянии — 966, 45 800 индивидуальных домов — аварийных 2830. Из 438 поврежденных школ нуждаются в срочном ремонте 85, из 461 поврежденного детского сада — 52, из 265 объектов здравоохранения — 51. Пострадало и много других социальных и производственных сооружений. Словом, бедствие принесло республике немалый материальный ущерб. Тем не менее оснований для паники и уныния нет. В этом убеждает самоотверженная работа людей, которые не только достойно перенесли подземные толчки, но и сразу после них принялись за ликвидацию повреждений.

удлиненный рабочий день, затем добровольно отправляются на стройки, помогают в ремонте, не требуя никакой оплаты. Выходные дни сентября были днями ударного безвозмездного труда на производственных и социальных объектах. Люди самоотверженно ликвидировали допущенные отставания в выполнении производственной программы, возникшие в результате стихийного бедствия. Сейчас трудовой ритм полностью восстановлен. Действуют заводы и фабрики, полным ходом идет на полях уборка.

Положение в Молдавии было бы, конечно, гораздо сложнее, если бы не помощь братских республик. Со всех концов страны к нам поступают лес, цемент, стекло, металлопрокат, палатки, сборные домики и другие жизненно необходимые материалы. Союз-

БЫТЬ СИЛЬНЕЕ СТИХИИ

В первую же неделю после землетрясения начался ремонт большей половины всего жилья, школ, больниц. К примеру, работники совхоза «Ларга» Кагульского района отремонтировали две восьмилетние школы на 450 учащихся. А жители села Авдарма Бессарабского района взялись безвозмездно отремонтировать два детских сада. Комсомольцы Кишинева организовали строительный отряд, бойцы которого в свободное от основной работы время ремонтируют квартиры инвалидов войны и труда.

Стихийное бедствие проверяет каждого человека, выявляет его душевные и деловые качества. Люди поднимаются всем миром против беды. Примеров тому немало. Один из самых показательных — почин бригады Героя Социалистического Труда, заслуженного строителя МССР Г. Селецкого из треста «Промстрой». Этот коллектив решил ускорить ликвидацию последствий землетрясения, удлив на час рабочий день и на день — рабочую неделю, объявив сентябрь месяцем ударного труда. Благодаря этому строители рассчитывают быстрее построить 216-квартирный дом.

Эта инициатива получила широкое распространение. Скажем, коллектив Кишиневской мебельной фабрики № 6, быстро устранив повреждения на своем предприятии и в подшефной школе, предложил безвозмездно отработать по двадцать часов каждый. Очень многие, завершив свой

ные министерства и ведомства помогают в ремонте предприятий своих отраслей.

В комиссию, в Совет Министров, ЦК КП Молдавии приходят со всей страны письма от тех, кто хочет участвовать в восстановлении хозяйства. На днях прибыло пять тысяч учащихся ПТУ — они начали работать на стройках и предприятиях. Этот большой строительный отряд носит название «Дружба народов».

Мы с благодарностью принимаем такую помощь. Невольно вспоминается тахкентское землетрясение двадцатилетней давности. Тогда вся страна помогала разрушенному городу. Сегодня в таком же положении оказалась Молдавия. И мы на себе ощущаем заботу нашего правительства, всего нашего многонационального народа. Сразу после землетрясения, когда еще не совсем ясной была картина разрушений, в государственные учреждения и общественные организации стали обращаться граждане, желающие внести свой сбережения в фонд восстановления поврежденных больниц, школ, детских садов. Теперь на эти цели открыт счет № 700. Взнос на ликвидацию последствий сейсмического бедствия можно внести в любом отделении госбанка или сберкассе. Средства на счет № 700 продолжают поступать. По обратным адресам можно сделать вывод: Молдавию поддерживает вся страна.

ДИСКУССИИ

В № 32 журнала «Огонек» в рубрике «Хочу спросить» мы предложили читателям, которые одновременно являются и телезрителями, задать вопросы первому заместителю председателя Гостелерадио СССР Л. П. КРАВЧЕНКО — он непосредственно отвечает за телевидение.

По поручению редакции на телевидение с пачкой читательских телеграмм отправился наш корреспондент Вл. ЛИНОВ.

Вопрос, вынесенный в заголовок, кажется мне правомерным. И впервые я усомнился в точности высказывания Козьмы Пруtkова (о том, что объять необъятное нельзя), когда начал беседу с Леонидом Петровичем Кравченко, ибо телевидение — это воистину необъятный мир, а мы пытались его объять — столь широк оказался круг вопросов, которые получила редакция.

Конечно, были отобраны не все, а только самые интересные и принципиальные, иначе беседа продлилась бы несколько дней.

Естественно, Л. П. Кравченко чрезвычайно занятый человек (он в эти дни, кроме всего прочего, исполнял обязанности председателя Гостелерадио А. Н. Аксенова, который был в отпуске), и я полагал, что непросто будет условиться о встрече.

— Верно, — ответила мне секретарь Леонида Петровича, — все дни недели расписаны по минутам, но вы оставьте свой телефон, а я все узнаю и вам сама позвоню через час-полтора.

Ровно через час раздался звонок: «Леонид Петрович ждет вас в субботу в 15.00. Пропуск будет заказан».

Итак, я в приемной, посматриваю на электронные часы. Вот уже 15.02. И тут раскрылись двери кабинета — вышел знакомый мне по телеэкрану Эдуард Сагалаев, главный редактор программ для молодежи. Можно зайти.

— Пожалуйста, простите, что заставил вас ждать. Затянулся разговор с Сагалаевым. Он интересный человек, тысяча любопытных идей и невероятный напор в их осуществлении!

Леонид Петрович увидел в моих руках пачку телеграмм.

— Так много вопросов? Да... Ну, что ж, давайте начнем, — сказал он, отключая три работающих телевизора (на каждом своя программа) и попросив секретаря не соединять его с городом.

Подробно рассказываю об этом, ибо хочу, чтобы читателю стали понятны тональность нашего разговора, атмосфера, ритм.

Ну, а потом самым сложным было отобрать, смонтировать, как говорят на телевидении, вопросы и ответы. Представляю не стенографический, а сокращенный, как бы телевизионный отчет о нашей встрече.

Любопытно складывается драматургия жизни. Сын сельских учителей (мать и отец живут в той же деревне, где более тридцати лет назад жил Л. П. Кравченко), он впервые увидел телевизор в семнадцать лет. Теперь от него во многом зависит, каким будет телевидение, что мы увидим на экранах. Он прошел вроде бы обычный путь — школьник, студент, занимался журналистикой, партийной работой, редактировал «Строительную газету», а затем «Труд». Написал книгу «Тайны голубого экрана», и вот теперь...

«Что вы любите смотреть как телезритель? Или устаеете от служебных просмотров, дома телевизор не включаете?» (Одна из последних телеграмм — Леонид Каминский из Якутска, — но с нее и началась беседа.)

— Сложный и неожиданный вопрос... — Леонид Петрович улыбнулся. — Трудно мне отделить служебный и личный интересы. Смотрю телевизор, естественно, больше, чем обычные телезрители, только редко дома... Радуюсь, когда мои служебные интересы совпадают с личными, зрительскими. Так бывает, когда вижу передачи «Время», «Что, где, когда?», «Мир и молодежь», телемосты, спортивные передачи. Как зритель люблю хорошие спектакли. Загружен так, что в театр редко выбираюсь, а по телевидению смотрю. С интересом принимаю музыкальные передачи, помогающие отдохнуть, отвлечься.

— Вы болельщик? Занимались спортом? — задаю вопрос, хотя такой телеграммы и не было. Могу же я воспользоваться своим правом журналиста!

— Да, когда учился в МГУ на факультете журналистики, жил в общежитии, был секретарем

комсомольской организации факультета, довольно серьезно увлекался спортом. Футбол, волейбол, шахматы. Получил даже звание кандидата в мастера спорта. И сейчас каждый день начинаю с зарядки. Как бы сделать передачу, способную увлечь и доказать всем, что нужно начинать день с зарядки, что все мы должны заниматься спортом для себя, для собственного развития? Мы пока не научились делать наши спортивные передачи так, чтобы ощущалась атмосфера спортивных состязаний, чтобы органично соединялись изображение, слово комментатора, были бы выразительными люди...

Что я еще смотрю? «Утреннюю почту». Знаю, многие ее ругают, я тоже отношусь к ней критически и как зритель, и как должностное лицо, но ведь смотрю, обязательно смотрю. Если бы знать, как ее сделать, чтобы она всем нравилась? Правда, любая передача кому-то нравится безоговорочно, а кого-то раздражает. Мало того: чем передача популярней, тем больше к ней претензий, тем противоречивее отклики. Так, какие у нас там еще телеграммы?

Леонид КРАВЧЕНКО,
первый заместитель
председателя
Гостелерадио СССР

об необъя

«Мечтаю стать теледиктором. Я красивая и обаятельная. Посоветуйте, как поступить?» (Маргарита Новикова, телефонистка.)

— Диктор — профессия интересная, но трудная. Мы постоянно проводим конкурсы. Берем людей только с высшим образованием, как правило, с актерским. Вот, пожалуй, весь ответ.

Еще одно отступление от запланированной беседы. А если сделать конкурсы теледикторов, комментаторов открытыми, то есть показывать их по телеэкрану? Жюри — зрители. Интересное зрелище могло бы получиться.

«Дайте больше сериалов, почему их мало?» (Андрей Емельянов, Москва, рабочий.)

— Пытаемся это делать. Трудно. Киностудии страны снимают в год 115—120 художественных фильмов. Около 120 фильмов делает телевидение. В год показываем более 900 лент. Конечно, снимать сериал дешевле. Скажем, фильм 10—12 серий в итоге обойдется дешевле, чем 10—12 односерийных картин. Но продолжительность съемок огромная. И запускать в производство одновременно несколько сериалов пока сложно. Пытаемся компенсировать это приобретением зарубежных фильмов. Так поступили с восьмисерийным фильмом о Словацком национальном восстании, показывали «Спрут», планируем приобрести шесть серий продолжения этой картины, а также, видимо, купим и третий цикл, который сейчас начали снимать в Италии. Готов для показа «Михайло Ломоносов» из 9 серий, в планах, самых ближайших, постановка 13 серий «Тихого Дона», которую предполагается поручить Сергею Бондарчуку.

Должен заметить, как правило, мы покупаем не сами фильмы, а только право показа. Про-

крутим один-два раза и обязаны картину вернуть. Жалею, что мы упустили возможность еще один раз показать «Сагу о Форсайтах». Могли, а не сделали. Попробуем еще одно новшество. Для кинопроката снимают хорошие фильмы. Режиссеры часто жалуются: сняли материала на три-четыре серии, а нужно только две. Монтируют и режут, что называется, по-живому. Мы предложили: делайте два варианта — для кинотеатра и для домашнего экрана. На домашний экран можно делать фильмы большей продолжительности. Телезритель выиграет — он увидит более подробное многосерийное кинодействие. Конечно, нужны не только киносериалы, но и сериалы-передачи: о жизни одной семьи, школы, больницы, жизнь колхоза в комплексе реальных проблем, сериалы типа «Следствие ведут знатоки» и другие. Мы ищем возможность увеличения серийности на голубом экране, ибо понимаем, что в этом своя специфика, особенность и преимущество телевидения.

Да, на эту тему было более двадцати телеграмм. Предложения, мнения, суждения, но все они сходились к одному — мало сериалов!

«Забывали о борьбе с пьянством. Можно делать смешно, зрелищно. Мой зять продолжает пить. Помогите, он телевизор смотрит». (Телеграмма из Саратова, правда, не подписана.)

— Критику принимаем. И мало, и не всегда так, как хотелось бы, говорим о борьбе с пьянством. Нужны не декларации «пьянство плохо», а отличные передачи. Чтобы всем хотелось ее смотреть, чтобы было убедительно. Обещаю

исправить положение. Одной передачи «Трезвость — норма жизни» явно мало. И с пьянством и с курением надо бороться, быть наступательным и делать это ярко, эмоционально, убедительно.

Телеграмм на эту тему было несколько. «Думает ли Гостелерадио о вступлении в общество трезвенников и некурящих, планы пропаганды?» — спрашивает Малюшенко из Челябинска. Сообщаем: телевидение — коллективный член этого общества.

«Мало юмора и сатиры. Неужели на телевидении работают скучные люди?» (Борисоглебск, Ольга Дмуховская.) «Смех — результат качественной работы передовиков веселого жанра. Почему в передачах участвуют в основном бракоделы?» (Орге, телезритель.) «Всем, всем, кто знает место захоронения украинским телевидением украинской классики, юмора, сатиры, прошу сообщить». (Чернигов, Ирина Либен.) «Что вырезается из выступлений сатириков и почему? Примеры из Жванецкого, Хазанова, Иванова, Арканова» (Ленинград, Крюкович.)

Много было подобных телеграмм. В них предложения сделать телевизионный «Фитиль» (Архангельский из Котласа), показывать сам «Фитиль» на телеэкране и другие.

— Читатели правы. Без сатиры, юмора жить нельзя. Чувство самоиронии необходимо каждому. Помогает в борьбе с трудностями. В ближайшее время у нас появится свой телевизионный «Фитиль». Передача пока условно называется «И в шутку и всерьез». Авторы мало. Очень узок круг интересных авторов. Из выступлений сатириков мы ничего не вырезаем. Если это талантливо, остро, умно, даем в эфир, а вот когда пошло, грубо, старо, мы ставим заслон. Нельзя тиражировать пошлость на сотни миллионов, нельзя. «Фитиль» не показывали по двум соображениям. До выхода журнала на экраны мы не имеем право этого де-

лать, а когда проходит время, учитываем: там есть критический документальный сюжет, может быть, человек давно исправил положение, а мы снова его ославим на весь Союз. Мы решили «Фитиль» показывать, но без документальных сюжетов.

Юмора, сатиры, комедий, согласен, должно быть на экране больше. Мы сейчас увеличиваем число мультфильмов, даем мультзаставки, способные вызвать у зрителя улыбку. Будем искать, будем пробовать, экспериментировать.

«Стали скучными передачи о цирке. Пусть Юрий Никулин будет ведущим таких передач. Ждем рассказа о гении Енгибарове. Цирк в загоне, почему?» (Игорь Машуков, Брянск.)

— Критику принимаем. Последняя отличная передача была «Прощай, старый цирк». Но это не значит: прощай цирк на экране, не значит. А мы что-то упустили. Поправим дело. В ближайшее время покажем несколько передач, которые будет вести Игорь Кио. В них сделана попытка создать зрелище на соединении эстрады и цирка.

«Хочу стать тележурналистом. Как быть?» (Николай Ожегов, Уфа.)

— Очень просто. Нужно поступать на факультет журналистики МГУ. Там есть телеотделение. Но можно получить профессию газетчика, а потом переходить на телевидение.

«Телевидение имеет свою историю. Расскажите об этом. Покажите, как делается передача. Это интересно» (Игорь Степанов, Омск.)

— Мы начали выпускать «Спутник телезри-

ных, почему мы заполняем экран одними и теми же исполнителями: Пугачева, Ротару, Лещенко, Кобзон, Толкунова... Алла Пугачева в рекламе не нуждается. Наша задача открывать новые имена, делать звезды. Первый шаг в этом направлении сделан: телевизионный фестиваль песни в Юрмале, о котором писал и ваш журнал. Тут другой аспект. Был месяц, когда почти каждый день в разных передачах песней, двумя песнями звучал Валерий Леонтьев. Но звучал как бы мимоходом. Мы плохую услугу оказываем талантливому артисту. Другое дело снять о нем яркий фильм, сделать сольный концерт, помочь новыми гранями раскрыться перед миллионной аудиторией. Я за это. И Валерий Леонтьев этого достоин вполне. А мелькать не нужно.

«Я пенсионерка. Создайте телеклуб «Скамейка у подъезда». О наших проблемах нужно говорить». (Малыгина, Москва.)

— «Скамейка у подъезда» — хорошее название. Нужно будет предложить нашим. Я могу понять пенсионеров. У них свои заботы, проблемы, интересы. Легко высмеивать, вспомните двух артистов, пародирующих жизнь пенсионеров, порой забывая о вкусе. Нет, нужен серьезный разговор. Частично мы затрагиваем это в передачах «Наш дом», «На чьей улице праздник», «Для всех и для каждого». Но о «Скамейке у подъезда» нужно подумать... Это особая категория зрителей. О малышах заботимся, а о старости забываем. Верно!

«Александр Масляков состарился. Не стоит ли ему сменить ампулу?» (Пермь. Школьники.)

— Юности свойственна категоричность. Обидная телеграмма — но по сути верно. Думаем над этим вопросом, ведь Масляков — из наших первых телезвезд, у него опыт огромный.

«Телевидение может разучить людей читать. Занимайтесь книгой!» (Ленинград. Криштаненко.) «Работники телевидения видимо, чрезвычайно заняты, иначе ничем не могу объяснить: почему так мало рассказывают о книгах, сотрудники телевидения мало читают?» (Виктор Шилов, Алушта.)

— Согласен с Виктором Шиловым. Со второй частью его вопроса спорю, а с первой — вполне согласен. Работники телевидения много читают. Телевидение требует большого кругозора, культуры. Без этого невозможно делать передачи. Но вот книга в какой-то мере ушла из нашего поля зрения. Я договорился недавно с председателем Госкомиздата М. Ф. Ненашевым, у нас запланирована большая, серьезная, обстоятельная беседа — как лучше представить на экране книгу. Премьеры книги, проблемы библиотек, помощь книголюбам, рассказ о личных библиотеках, диспуты о книгах, встречи с авторами. Я за это всей душой и сердцем. Книга была и есть лучший учебник жизни.

«Чтобы оперативно знать мнение зрителей о показываемых передачах, предлагаю еженедельнику «Говорит и показывает Москва» сделать отрезную анкету. В случае заинтересованности могу поделиться подробнее своими сообщениями». (Сергеев, Москва.)

— Я эту телеграмму с вашего позволения возьму и передам редактору еженедельника. Пусть пригласит автора. Журнал «Журналист» давно проводит подобное анкетирование, стоит, наверное, попробовать и нам. Предложение принимается.

«Телевидение может и должно стать законодателем моды. Есть не только Вячеслав Зайцев, есть и Раф Сардаров, другие интересные художники-модельеры. Дать им дорогу». (Селик Джанян, Ереван.)

— Мода нужна. В рубрике «Для всех и для каждого» сделала передачу о моде, посмотрим, как примут. Как одеваться, как причешься, как обставлять свою квартиру, обучение вязанию, шитью — все это интересно. Смотрите, какая популярность у журнала «Работница». А почему? Да потому, что журнал конкретно занимается бытом женщин, он их друг и советчик. В передаче «Наш дом» мы берем это направление. Согласен, что мало.

И в этом случае, как, впрочем, и во многих других, мы начинали вместе фантазировать, как интересно можно сделать эту передачу. Так было с возможными передачами о цирке, о книге, о кинопропаганде, так было с предложением о создании «ТИОМ» — телевизионного института общественного мнения или просьбой пенсионерки Хохловой из Ростова о проведении прямо у телеэкрана «всесоюзной спевки»... В Кравченко просыпался журналист с яркой фантазией, передо мной был человек с интересным режиссерским видением. Он и придумывал передачи, оценивал их как зритель, разрабатывал как редактор, планировал как организатор... Но, наюсь, как ни интересны были эти рассуждения, вынужден был прерывать собеседника, возвращаясь к телеграммам.

— Мы сейчас, — продолжал Леонид Петро-

вич, заканчивая все-таки ответ на предыдущий вопрос, — должны сделать резкий поворот к социальным проблемам: жилье, детские сады, пенсионное обеспечение, организация здравоохранения — нас касается все. Все многообразие жизни. Мы должны людям помогать жить, давать им настрой, умело организуя их отдых и быт.

«Хочу спросить: почему серые передачи идут в цветном изображении?» (Владимир Джариани, Тбилиси.) «Много ли бракуется передач? Создайте заслон серости». (Валерий Шульга.)

— Хорошие вопросы. Верные. Сурово. Пригласить бы авторов в нашу программную редакцию — дать им право решать, что пускать в эфир, а что положить на полку, боюсь, что они слишком многое забракует. Но, хотя в чем-то будут правы, телеэкран не может пустовать... Телевизионное время дорогое. Процесс создания передач сложный. Забракуешь передачу — авторы обижены, режиссеры огорчены, редактор в гневе, в редакциях траур. А как быть? Получать такие телеграммы и письма горько, признаюсь, горько. Причина появления серых передач в цветном изображении? Спешка. Слабая режиссура, отсутствие мысли у авторов, желание выехать на конъюнктуре, важности темы. На телецентре работает около восьми тысяч человек. Завод, фабрика! И вот продукция этой фабрики не получилась? Бывает!

В газетах, журналах есть корзина для плохих материалов. Не получилось — выброси и берись за новый вариант. Так работают настоящие журналисты, писатели. А на телевидении план. Не уложились в отведенное время, в отпущенную смету — это ваши проблемы, нам нужна передача, под нее оставлено время. Переснимать сложно — все студии, аппаратные заранее расписаны, монтажные заняты, как тут вклиниваться? Подвел ведущий, как быть? Представьте: выстроили дорогую декорацию. Пригласили знаменитых актеров — у них своя занятость, нужно было соединить их всех, скоординировать, каждый выкраивал время — пришли музыканты, операторы, художники по свету, одели большую группу в специально пошитые костюмы. Все готово к съемкам. Пришел ведущий, а на нем лица нет. Может, в семье что-то случилось. Управлять передачей он не в состоянии. Его бы отпустить. А нужно снимать. Режиссер рискнул. И в результате, увы, скованная речь ведущего, потеря ритм. Фон хороший, а передача никуда не годится. Вот и лежит снятый и смонтированный материал на полках. А деньги ушли немалые. Над каждой передачей работают десятки, иногда сотни человек. Сложно переснимать, сложно. Так и появляется брак в нашей работе. Но бывает, понимаем — передачу не дотянули, а показываем, идем на компромиссы, вроде бы и хуже бывали передачи в эфире. Это плохой критерий — «не хуже», но психологически он давит. Эфир, как мы говорим, не ждет, эфир — требует. А ответственность у нас общая. Виногато перед зрителями телевидение, а не конкретный исполнитель (у нас он и не работает, он приглашенный, с него, как говорится, и взятки гладки), нерадивый редактор, усталый режиссер. Мы постоянно об этом говорим в коллективе.

И тут он посмотрел на часы и спросил меня: «Вы не устали?» Спросил как бы мимоходом, то ли давая понять, что время беседы подходит к концу, то ли...

— Леонид Петрович, осталось еще много телеграмм, требующих ответа. Может быть, мы попробуем сделать это в стиле программы «Время» — коротко и исчерпывающе. Там ведь за две минуты могут и глобальную проблему поднять, такая у них специфика.

— Там работают асы. Но давайте попробуем... «Требуется действенность передач. Куда смотрит телевидение? Критикует, бичует, предлагает, а многое остается без изменений. Нужно следить за действенностью и положительного опыта. Вы согласны?» Это по телеграммам члена КПСС с 1926 года Артема Бадейнова из Дружковки, Харлагина Виктора из Свердловска (он прислал телеграмму в стихах). Фалеевой из Риги, Сычугова из Черского, Руденко из Киева...

— Правильная постановка вопроса. Важные позиции, важны наступательность и борьба за действенность. В прессе этот механизм отлажен, а мы сейчас ищем свои формы повышения действенности передач. Перед телезрителями отчитываются министры, по критическим выступлениям созываются коллеги министров, и они выливаются в обсуждения передач. Для передачи «Диалог» мы подключаем зрителей по телефону и напрямую, с помощью передвижных телевизионных станций. Определенные сдвиги в этом отношении есть, но пред-

ьять тное?

теля», ко Дню радио и телевидения молодежная редакция подготовила передачу «Как это делается». Мы возрождаем КВН. Он будет по форме таким, каким был много лет назад. Перед показом сложных фильмов, таких, например, как «Чучело», «Юнона» и «Авось», «Утиная охота», «Гараж» и других, будем давать вступительное слово, чтобы настроить зрителя на восприятие, попробуем проводить обсуждение интересных работ, то есть откроем как бы телеклуб дискуссий.

«Пусть телевидение даст людям сенсационную культуру» (Вайдес из Вильнюса.)

Леонид Петрович задумался, а потом улыбнулся. Тут зазвонил особый телефон — прямая связь с программой «Время», и Кравченко взял трубку. Пона он говорил, я припомнил анекдот: «Нужно ли говорить с детьми о половом воспитании? Безусловно, нужно, вы много узнаете нового!»

— Конечно, нужно говорить о половом воспитании. В одном из выпусков «Мир и молодежь» мы затронули — только затронули! — эту тему, и пошел поток писем, мнений, суждений, споров. Но тут есть проблема: телевидение смотрят и дети от четырех лет, и взрослые. Представьте картинку — вечернее время, мы показываем передачу для взрослых, а ее смотрит пятиклассник... На телевизор замочек не повесишь. Но в каких-то общих аспектах говорить все-таки надо. Хотя тема очень деликатная.

«Ваше мнение о звездах эстрады — Пугачева, Леонтьев, Паулс. Почему телевидение дает им мало места? Как делать телезвезд?» (Владимир Сафронов, Конанд.)

— Не согласен с постановкой вопроса. Грех жаловаться этим артистам на невнимание телевидения. Наоборот, много писем возмущен-

стоит еще немало поработать. Мы даем задания корреспондентам, обращаемся к зрителям — сообщайте, что изменилось после нашего выступления, планируем возвращаться к той или иной теме несколько раз, пока не добьемся результата.

«Почему бы не организовать цикл передач по программированию и информатике с привлечением лучших специалистов?» (Дедов, Калининград.)

— Такая передача есть. Мы ее держим под особым контролем. Все новое нуждается в поддержке и внимании. Следим, чтобы действительно лучшие силы, как со стороны телевидения, так и по линии специалистов, были привлечены для ее создания.

«Когда можно смотреть, слушать по телевизору певцов без микрофонов во рту?» (Тимохов, Калужская область.)

— Закономерный вопрос. Мы за то, чтобы человек пел не под фонограмму, изображая, что он поет, а, как говорится, живьем. Другое дело съемки на натуре, когда как бы иллюстрируется песня, там можно использовать фонограмму. Я правильно понял вопрос? А то ведь есть и другие претензии — уберите микрофоны, они закрывают половину лица любимых артистов.

«Почему не каждый выходной показываете нашего любимого друга Капицу?» (Семенова, Ленинград.)

— Да потому, что он тоже человек. Пусть и популярный, известный, но у него бывает отпуск, он может и приболеть, выезжает в командировки — у него же есть своя работа. Вот и бывают пропуски.

— Леонид Петрович, большое количество телеграмм о рок-музыке. Телеграммы простые — все просят давать рок-музыку на экране, удивляются, почему ее нет, спрашивают, нет ли тут запрета со стороны руководства телевидения. (Вартанян из Ленинграда, Гасилов из Свердловска, Лиепинь из Риги...)

— Запрета нет. Просто мало хороших, как нам кажется, рок-групп. Правда, мы в свое время как бы не замечали этого направления. Поотстали. Нужно, видимо, серьезно отнестись к этому. Собрать «круглый стол». Пригласить на него сотрудников Министерства культуры СССР, из ЦК ВЛКСМ, фирмы «Мелодия», Союза композиторов, авторов и исполнителей, поклонников рок-музыки, критиков, обязательно «Московский комсомолец» — эта редакция ведет интересно «Звуковую дорожку» уже много лет, постоянно поднимает проблемы развития рок-музыки. И совместно подумать, поспорить,

что давать, как давать, что сделать в этом направлении. С этого мы и начнем. Вот ответ на эти телеграммы. В то же время первый шаг уже сделан — мы показали передачу «Музыка и мы», где эти проблемы были затронуты. Эта передача не во всем нас, как, видимо, и зрителей, устраивала, но будем искать, пробовать, прибегать к советам телезрителей.

— Остались телеграммы о плохой работе некоторых республиканских студий.

— О республиканских студиях — вопрос сложный. Центр быстрее перестраивается. Есть хорошие студии — Грузия, Латвия, Ленинград. Нет телеграмм, — почему Ленинград мало выходит на союзный экран?

— Есть.

— Пока много технических проблем. Но будем их решать. Передачи «Ринг» завоевали популярность. Много интересного в Свердловске, Мурманске. Но местным телевидением будем серьезно заниматься, давать больше выхода на Центральном телевидении.

— Есть телеграммы, что редакция «Народное творчество» проходит мимо народных театров, кинолюбителей, фотостудий, ограничивается лишь фольклорными передачами...

— Это неверно. Эта редакция выпускает немало разнообразных программ. Ей поручено освещать Всесоюзный фестиваль самодеятельного искусства на всех этапах его проведения, здесь делают «Как мы отдыхаем?», «На чьей улице праздник?». Передачи любопытные, там есть поиск. Недавно мы рассматривали план работы этой редакции. План хороший, если он станет реальностью — а мы контролируем выполнение планов, — то зрители увидят немало интересных передач, созданных редакцией «Народное творчество». Не могу согласиться с автором телеграммы... Скажите, а телеграммы о плохом приеме передач, скверном ремонте телевизионной аппаратуры были?

— Да, и много. До них не дошла очередь.

— Хорошо бы, если бы очередь дошла. Но это вопросы не к нам, а к Министерству связи СССР, службам быта.

— А почему бы не говорить об этом с телеэкрана, да и проследить за действенностью?

Леонид Петрович улыбнулся и ничего не ответил. Молчание тоже, как говорится, знак согласия...

Специально под конец нашей беседы я оставил несколько телеграмм, пришедших в редакцию первыми. Это были вопросы о том, как

работает аппарат Гостелерадио, что нового делается в связи со сменой руководства.

— Вполне резонные и правильные вопросы. Правда, все, о чем мы с вами говорили, как мне думается, и есть ответ на них, о перестройке телевидения. И я могу только добавить, что о том же мы говорим и на заседаниях нашей коллегии. У руководства Гостелерадио единодушное мнение по абсолютному большинству проблем. Конечно, все мы хотим, чтобы телевидение наше стало мобильнее, интереснее, разнообразнее, чтобы оно активно влияло на жизнь и помогало партии, нашему народу в осуществлении той великой перестройки, которая происходит в стране.

— И еще одна довольно странная телеграмма. Мне, Леонид Петрович, кажется, что ее прислали сотрудники нашего журнала, чтобы проверить, все ли телеграммы я вам покажу, все ли вопросы задам.

— Пожалуйста...

— Какой вопрос вы бы хотели задать читателям «Огонька»?

— Хочу спросить, возможно ли, чтобы среди миллионов читателей журнала «Огонек» возникло единодушное мнение хотя бы по одной из передач, созданных нами?

Что ж, вопрос задан. Ответят, я думаю, на него наши читатели. Что им нравится и что не нравится в телепрограммах? Какие у них есть предложения по улучшению телепрограмм? Все интересное увидит свет на страницах журнала. Все письма мы, конечно, передадим для рассмотрения руководству Гостелерадио и подготовим соответствующую публикацию в журнале.

Слово за вами, читатели. А каждое письмо, как мы договорились с Леонидом Петровичем Кравченко, будет рассмотрено самым внимательнейшим образом.

Мы от души благодарим всех приславших телеграммы. Из многих городов, практически из всех республик. Откликнулись люди всех возрастов. Ваши вопросы лишней раз доказывают заинтересованность в развитии молодого искусства телевидения. Что касается телеграмм-победительниц, то тут было немало споров. Лучшие телеграммы мы опубликовали. А кто лучший из лучших?

Решением редколлегии приз рубрики «Хочу спросить» — годовая подписка на журнал «Огонек» — присужден читательнице В. Малыгиной из Москвы.

«ПО СТРАНАМ МИРА»

— Эта экспозиция живописных полотен, акварелей, пастелей — результат моих поездок по Болгарии, ГДР, Чехословакии, Индии, Италии, Испании, Англии, Франции, Японии... — рассказывает народный художник СССР Дмитрий Аркадьевич Налбандян. — С чувством волнения я писал в своих пейзажах и знойный, пронизанный солнцем Джайпур, и прекрасные серебристые по колориту венецианские каналы, и заснеженные ландшафты Финляндии. В портретах, иногда быстрых этюдах, написанных «а-ля прим», хотел передать характеры своих моделей, яркие национальные черты, присущие им. Но это лишь малая толика того, что мною создано за восьмидесятилетнюю жизнь.

Памятна персональная выставка, прошедшая пять лет назад в Государственной Третьяковской галерее. Там было около тысячи работ: большая Лениниана, станковые картины, портреты современников, пейзажи, натюрморты, рисунки.

Всю свою творческую судьбу я был верен традициям отечественного, советского реалистического изобразительного искусства, — говорит Герой Социалистического Труда, академик живописи Д. А. Налбандян.

Выставка работ Д. А. Налбандяна в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Фото А. Бочинина

И. Бродский. 1884—1939. АВТОПОРТРЕТ С ДОЧЕРЬЮ. 1911.

Музей-квартира И. И. Бродского. Ленинград.

БОЙ БЫКОВ В МАДРИДЕ. 1910.

И. Бродский. ПОРТРЕТ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ. 1910.

НАЧАЛО ПУТИ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Осенние дни 1908 года надолго остались в памяти любителей искусства: почти четверть века петербургская Академия художеств не видела столь ярких и значительных конкурсных картин, как в этот раз. Тогда же Александр Бенуа отметил: «Благодаря двум художникам годичный экзамен Академии перед публикой оказался интереснее обыкновенного. Можно так или иначе относиться к работам Савинова и Бродского, но несомненно, что оба талантливы... Бродский — настоящий художник. Он — маниак, имея в виду, что «маньячество есть подкладка всякого таланта». И хотя самому Бенуа была не по душе такая живопись, он признал: «Бродский — художник, с которым надо считаться, который заслуживает уважения и который в будущем может дать вещи по-настоящему художественного значения».

Еще раньше, познакомившись с работами этого ученика Академии, Валентин Серов в статье «Молодые» заявил: «Бродский — одинаковый мастер во всех манерах и везде интересен. Предсказываю ему прекрасное будущее».

А мастеру только что исполнилось двадцать два года...

Победа на конкурсе означала право на заграничное пенсионерство, возможность познакомиться с лучшими европейскими музеями. Маршрут, составленный любимым учителем, Репиным, проходил через галереи Вены, Берлина, Мюнхена, Парижа. Заключительным аккордом были Мадрид, Прадо с потрясшими молодого живописца Веласкесом и Гойей, старинные ансамбли Гренады, о которой давняя испанская пословица говорит: «Кто не видел Гренады, не видел ничего». И конечно, коррида. Поначалу она оттолкнула, зрелище показалось отвратительным, но потом вдруг потянуло снова, и он уже не пропускал ни одного боя, понимая, что во всем этом много пережитков, дикости, и одновременно увлекался страстью, с какой сами испанцы воспринимают корриду. Представление захватывало яркой праздничностью, удивительным единением мыслей и эмоций зрителей, поистине живущих красочным, волнующим событием. Тема увлекала, он начал собирать этюдный материал, делал зарисовки, чтобы дома, в России, написать большое полотно.

Самые знойные два месяца, разгар лета, Бродский провел в Гренаде. Художники из разных стран съезжались сюда писать живописные окрестности — прекрасные старинные ансамбли Альгамбры и узкие городские улочки, дома с плоскими крышами, балконами, башенками. Обычно на этюды все отправлялись с осликами, тащившими на себе подрамники, мольберты, краску. Но бюджет пенсионера российской Академии таких расходов не предусматривал. Да и работал он не так, как другие. По девять-десять часов, на солнце, без зонта (чтобы не исказить естественное освещение), в сиесту, когда все пряталось от палящих лучей и никто не мешал одержимому художнику углубиться в поиски цветовых отношений. Тут, на юге, они совсем иные, чем в холодном Петербурге. К счастью, опыт у него уже был, и достаточный, полученный в Одессе, в рисовальной школе. Пригодилась и привычка писать подолгу. Товарищи по Одесскому училищу — среди них Митрофан Греков, Давид Бурлюк — называли его системе самоистязанием: написав удовлетворивший всех этюд, он вдруг счищал его мастихином и писал заново, лучше прежнего, снова счищал — и так по несколько раз за день.

В 30-е годы, став директором института Академии художеств, он часто повторял студентам: «Помните, апостол Лука был шефом-покровителем художников, его символом был вол, терпеливо обрабатывающий поле».

Краски от жары становились жидкими, текли по холсту, но Исаак научился с этим справляться. Местная критика нашла его испанские пейзажи наиболее интересными работами сезона, и гренадские газеты стали почтительно называть молодого человека «знаменитым русским художником».

Иногда он спасался от полуденного зноя в покоях и садах Хенералиф, бывшем дворце гренадских королей; писал прохладные интерьеры, уголки тенистого парка, столь непривычные российскому глазу. Как тот, например, что запечатлен на вкладки, с небольшим фонтанчиком и бассейном, окруженным цветами. Кажется, все здесь — и освещенный солнцем старый дом, и шпалеры растений, обвивших стены, и эта мягко журчащая вода, и чистенький, выложенный камнем дворик — усиливало внутреннюю гармонию, создавало ощущение покоя и душевного равновесия.

Вернувшись в Россию, в октябре, Бродский начал писать «Бой быков», работал, как всегда, быстро и скоро завершил картину, довольно большую по размерам: почти три метра на метр тридцать. Хотя дело шло не совсем гладко, и часто, неудовлетворенный, он отбрасывал палитру и кисти; потом еще дважды возвращался к ней, в последний раз — в начале зимы следующего, девятнадцатого года. И представил нам рассказ очевидца, поведавшего о корриде без экзальтации и драматизма, без неуместной патетики — выразительно, правдиво и просто.

Тогда же, осенью, художник показал на академическом совете работы, сделанные во время поездки, и совет профессоров, довольный результатами, согласился продлить срок его пребывания в Европе еще на год.

На этот раз были Флоренция, Падуа, музеи Рима... Искусство великих итальянцев завораживало и все же не могло исчерпать всех интересов

молодых живописцев, оказавшихся тогда на Апеннинах. Было решено ехать на Капри, к Горькому, писать его портрет. Имя Алексея Максимовича считалось символом всего передового, Бродский же никогда не был безразличен к тому, что происходило вокруг. Как и многие студенты, он был возмущен расправой с народом в кровавое январское воскресенье 1905 года, особенно тем, что командовал расстрелом великий князь Владимир — президент Академии художеств. Под впечатлением революционных событий того года Бродский пишет суровое трагическое полотно «Красные похороны» и представляет его на очередной экзаменационный конкурс. Картина, естественно, не была принята, а конкурсант, печатавший свои сатирические рисунки в прогрессивных изданиях и входивший к тому же в совет старост, избранный во время студенческих волнений, вынужден был покинуть Академию. Ему даже запретили как еврею жить в столице. И только год спустя, по ходатайству профессоров, он снова смог вернуться к занятиям.

На Капри художники почти каждый день навещали писателя. Засиживались далеко за полночь, в саду или на веранде. Пели русские, украинские песни; иногда низким, густым голосом, по-волжски окая, Горький читал им сказки Салтыкова-Щедрина. Начали писать Алексея Максимовича после того, как получили от него записку: «Готов, приходите». Он позировал им, сидя в плетеном кресле посреди дворика. Сейчас портрет, написанный тогда Бродским, находится в Москве, в Музее-квартире А. М. Горького.

Часто на сеансах и во время бесед, особенно, когда речь заходила о живописи, театре, музыке, бывала Мария Федоровна. Исаак знал, что это Андреева, известная актриса, слышал, что она оставила благополучную, обеспеченную жизнь, театр, славу и ушла вместе с Горьким в эмиграцию, стала его женой, соратником.

Тогда он и не мог предположить, что эта изящная женщина — член большевистской партии, финансовый агент ЦК и выполняет личные поручения Ленина, что Владимир Ильич называет ее «товарищ Феномен».

Он видел перед собой сподвижницу горячо любимого писателя, хозяйку дома, которая принимает их тепло и доброжелательно. Любозаис ее благородной сдержанностью, достоинством и простотой, лицом задумчивым и спокойным, чуждым внешним эффектам. И в один из дней, когда художники по обыкновению пришли к Алексею Максимовичу, написал ее, сидящую против окна, в белой шали. Чуть позже приписал кулисы из сплетенных тонких ветвей и листьев. Еще в Академии Бродский счастливо нашел эту свою манеру, «стиль ажур», применяя его обычно в пейзажах. Но в портрете Андреевой музыка линий, листвы, деревьев как нельзя более соответствует, полагал он, одухотворенной и тонкой натуре его героини.

Незадолго до отъезда в Италию у живописца родилась дочь, и теперь он очень скучал по своему семейству. Появление на свет маленького существа художник ощутил как чудо, как продолжение бытия, и, хотя мысль эта в мире была не нова, он прозрел ее неожиданно остро.

На холсте ему виделась старинный, нигде не существующий город, роскошные павильоны, сверкающие драгоценным оперением, пышные цветущие растения и среди этого буйства природы и красок, среди света и воздуха — крохотный ребенок. «На фоне старого города появляется молодая жизнь. Вечность черпает силы у молодости, молодость, живая, беззаботная, чистая, разнообразная и постоянно возобновляющаяся, сливается с вечностью: создается «вечная сказка», — так уже потом он определил идею картины, которую начал тогда писать. В том же году Бродский показал «Сказку» в Петербурге, на Всероссийском конкурсе Общества поощрения художеств. «Ее многоцветность и детальный рисунок сложной композиции», — вспоминал А. Рылов, — очаровывали зрителей. Жюри, в которое входили Репин, Кустодиев, Рерих, присудило произведению юбилейную премию.

Теперь живописец мог всей семьей отправиться в Италию, к Горькому, который в письмах постоянно звал его. «Очень рад буду видеть Вас, потому что люблю», — писал Алексей Максимович. И в послании к супруге художника повторял приглашение, обещая: «Все будут писать красками, чернилами, на холсте, на бумаге — на земле! Мы ее, несчастную красавицу, замученную и захватанную всякими пошлыми и грязными лапами, так распишем — не земля, сказка будет!».

В свой второй приезд на Капри Бродский среди других работ написал и «Автопортрет с дочерью». Тема постоянно обновляющейся жизни не оставляла его, и он продолжил ее в новом полотне; включил в композицию старой постройки дома и предметы современного быта, изобразил себя и свою чуть подросшую дочку, не подозревая, насколько окажется пророчество его интуитивного чувства. Девочка выросла, Лидия Исаковна Бродская стала народным художником СССР, членом-корреспондентом Академии художеств; ее пейзажи не раз публиковались в «Огоньке».

В этой картине, так же как и в «Бое быков», и в портрете Андреевой, больше всего проявился рисуночный стиль, столь любимый мастером в ранние годы. Он четко прорабатывает все детали, контуры и добивается удивительной достоверности. Детали, которыми он так увлекался, теснятся, перегружают холст, но темпераментная кисть превращает живописную поверхность в красочное, радостно звучащее панно.

...Шло время, с годами Бродский пришел к высокой, классической простоте. В 1934 году он стал первым в нашей стране художником, награжденным орденом Ленина.

Удостоверение № 8, выданное Терентию Мальцеву русской секцией при Коммунистической партии Германии. Дата вступления в коммунистическую группу — 1 февраля 1920 года.

Русская Секция при Коммунистической партии
в Германии
№ 8
Тов. Мальцев Терентий
Кведлинбург
Лагерь
Команда
Вступил в Комм. Группу с 1-2-20
Активным членом с 1-2-20
Симпатизирующим членом

Снимок 1918 года. Шляпу и бумажный воротничок военнопленному Т. С. Мальцеву одолжил фотограф, мундир выдал французский Красный Крест.

Митинг 7 ноября 1919 года в лагере военнопленных, где находился Т. Мальцев.

Лагерный комитет.
Т. С. Мальцев —
второй слева
в заднем ряду.
1920 год.

КАК Я СТАЛ КОММУНИСТОМ

— Я

Терентий МАЛЬЦЕВ,
дважды Герой
Социалистического
Труда

служил в 51-м Сибирском стрелковом полку. Он стоял на отдыхе в Галиции. Тогда позиционная война была, окопы немецкие совсем близко, а наступление не начинается. Шел семнадцатый год. 26 января к вечеру выпал большой снег. Меня направили в полевой караул. Недалеко, шагов пять всего от наших окопов. Было сказано, если увидим людей в белых маскировочных халатах, не стрелять — пойдет наша полевая разведка снимать немецкие посты. Я отстоял последнюю смену и зашел в землянку, нас там человек десять помещалось. Мне отделенный согрел чаю и говорит: «Ложись, спи». И вот перед самым утром вместо наших солдат пришли немецкие, они заставу сняли и ходом сообщения — прямо в наши окопы. У них не было винтовок, только пистолеты. Человек около ста. Стоит наш солдат у бойницы, его тихонько снимают, потом следующего. Дверь землянки раскрыли: «Аусл!» Подошли к нам, а я крепко спал. Проснулся, смотрю — своих ни одного человека нет в землянке. У входа, он плащ-

палаткой закрыт был, стоят два человека в белых халатах. Я подумал, что русские. Нам громко-то говорить не разрешалось, а эти что-то бормочут, не пойму. Смотрю, красный околыш виден под белым. «Немцы!» Нас 64 человека взяли.

Сначала оказался в Дрогобыче, потом в городе Стрый на лесопилке работал. Кончилось тем, что попал в военный госпиталь к немцам. Мы с немецкими солдатами дружбу завязали, — продолжает Терентий Семенович. — Если кто из них днем на кухне работает, принесет и нам поесть.

У меня еще с фронта сохранились кожаная папочка и цветные карандаши. И вот однажды в воскресенье сижу, рисую. Медсестра подошла: «О, Мальцев, бист ду малер?» («Ты художник?») «Нет», — говорю.

Часто приходил ко мне профессор. Утром и вечером приходил. И вот однажды дал задание: «Нарисуй мне рисунок!» Ну, ладно, я нарисовал, как врач делает операцию. Отдал ему, и он каждый вечер приносил по пачке си-

гарет с золотыми мундштуками. Ну я-то не курил, а товарищи, они-то радехоньки папиросам...

В сентябре 1918 года перевезли нас в лагерь Кведлинбург. А говорили, домой повезем. Немцы не были заинтересованы нас держать. Но Антанта знала, что русских пленных в Германии два миллиона и если всех их отправить домой, то они усилят Красную Армию.

В лагере плохо было в рабочих командах, очень плохо. Мы видели вышки с пулеметами, собак... Кормили нас так: картошку нечищеную, как свиньям, варили. Стали направлять на работу, кого на шахты, а я попал на сахарную фабрику. Работали там пленные французы, англичане, американцы.

Однажды среди ночи зашли к нам часовые и кричат: «Ауфштеен, ин Дойчланд революцион! Русские могут алле нах хаузе!» Мы обрадовались! Смотрим, кокарды у часовых вырваны, погоны сняты. Днем нас директор фабрики собрал, рассказал, что в Германии произошла революция, Вильгельм бежал за границу. Порядок, говорит, у нас не нарушится, и если вы

В Москве во время работы XXVII съезда КПСС Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР товарищ Эрих Хонеккер беседовал с одним из старейших делегатов — 90-летним Терентием Семеновичем Мальцевым. Речь шла о том бурном времени, когда в Германии с воодушевлением приветствовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

— Как я слышал, вы были тогда в Кведлинбурге, боролись за наше общее дело! — спросил товарищ Хонеккер.

— Да, — подтвердил Терентий Семенович и рассказал, как он с начала октября 1918 года до 19 января 1921 года, будучи военнопленным в лагере Кведлинбург, стал свидетелем революционных событий, которые происходили тогда в Германии.

— Я был членом лагерного комитета, — продолжал Терентий Семенович, — одной из организаций коммунистической ячейки лагеря. Вы ведь знаете, товарищ Хонеккер, что в 1919 году при создании Компартии Германии была образована русская секция. Я получил удостоверение за номером восемь. Копия у меня с собой.

Эрих Хонеккер и другие члены делегации СЕПГ с интересом слушали рассказ Терентия Семеновича о работе комитета, о совместных действиях немецких и русских товарищей, о выпуске газет, распространении литературы.

Почетный академик, дважды Герой Социалистического Труда, награжденный шестью орденами Ленина, Т. Мальцев вспоминал немецких коммунистов, вместе с которыми он начинал свою революционную деятельность, — Станислава Мюллера, руководителя группы коммунистов города Кведлинбург и секретаря Карла Шумана.

Эрих Хонеккер пригласил Мальцева в ГДР: «Вам есть что рассказать о том бурном времени! Приезжайте к нам, в новую, социалистическую Германию. Вы будете нашим желанным гостем».

...Вскоре после этой беседы в Мальцево в гости к Терентию Семеновичу приехали корреспонденты журнала «Фрайе вельт» — органа Общества германо-советской дружбы — Юрген Гайтнер и Фолькмар Биллеб. Они записали на пленку рассказ Терентия Семеновича Мальцева. С их согласия мы публикуем фрагменты этого рассказа.

будете работать до конца сезона, мы вас сразу отправим домой. Мы поверили. А в половине января девятнадцатого года фабрика остановилась. В то время какой революционный подъем царил среди немецкого населения!

В середине января нас привезли в лагерь. Все русские сбежались, разрыдались.

У всех одна мысль: домой, домой надо скорее!

А в лагерях взялись наводить порядок. Снова установили проволочные заграждения. Но при комендатуре еще раньше были образованы солдатские советы; они с нами работали в контакте.

Русским разрешили иметь лагерные комитеты. Выборные. В лагере Кведлинбург много было пленных американцев, французов. Сразу, как только Западный фронт прорвали, их всех отправили домой. Остались одни русские. Приехали к нам два представителя Коминтерна. Созвали митинг в лагере: «Дорогие товарищи, вы не думайте, что вас домой отправят. Скоро приедут белые русские офицеры, вам будут обещания да-

вать, что приедет американская миссия Красного Креста, станут вас кормить, поить, они постараются отправить вас в белую армию. Не поддавайтесь! Выбирайте в лагерный комитет тех, кого вы знаете».

Приезжают к нам пять офицеров русских, не в форме, пошли по баракам, начали нас уговаривать: «Вы изголодались, грязные. Вот наши союзники, Франция, Англия в благодарность за то, что вы помогли им победить немцев, решили вас подкормить, одеть и весной отправить домой». Ну, все кричат: «Домой, домой!» А офицеры говорят: «Что вы торопитесь, там же беспорядки! Ваши дети, матери голодают». Тут пленные поднялись: «Пусть и мы вместе с ними! Домой! Домой хотим!»

Потом решили лагерный комитет избрать. От каждой половины барака выбрали по два представителя на делегатское собрание. На том собрании меня избрали в лагерный комитет. Всего девять человек. Один был представитель из Петрограда — рабочий Петров. И еще товарищ Штиглиц с екате-

Фото Г. Леонтьева

ринославского завода, большевик. Потом Орлов с тульского завода. Тоже рабочий. Крестьянин Скоро-богатко с Украины. Они нас и воспитали...

А тут скоро приезжает миссия Красного Креста. Привезли трех русских офицеров в форме. Продовольствия, вещей всяких. Мыло даже. И вот приходят к нам в лагерный комитет эти три офицера. Смотрят, у нас всюду революционные лозунги, красный флаг. Председателем был Аузинь, латыш. А секретарем Елисеев из Архангельской губернии. «Мы приехали помогать вам распределять продовольствие», — говорят офицеры. «А мы, — отвечаем, — сами можем!» Они ушли. Потом майор американской миссии вызывает весь наш лагерный комитет к себе, уговаривает: «Три русских офицера будут посредниками». «Нам посредники не нужны!» — отвечаем им. Лагерный комитет все-таки стоял на своем.

В это время в Германии была создана компартия. Мы стали знакомиться с партийной организацией в Кведлинбурге. Секретарем там был каменщик Станислав Мюллер. Очень активный товарищ. При Компартии Германии была создана русская секция. По рекомендации Коминтерна в лагерях военнопленных стали организовываться коммунистические ячейки. Все это приходилось делать нелегально. Но как? Мы послали в Котбус на открытие памятника погибшим русским (там тоже был лагерь военнопленных) своих представителей — по два человека от лагеря. Послали Штиглица и Орлова. Они потом рассказывали: «На кладби-

ще шли с черным флагом. Там был митинг. Выкинули красный флаг. Обрато возвращались с революционными песнями под духовой оркестр». Мы решили послать нелегально в Берлин на всегерманский слет военнопленных своих представителей. Но для выхода из лагеря нужны пропуска. А комендант не хочет подписывать пропуска. Выручил коммунист, работавший в комендатуре. Проблема пропусков была решена. Наши делегаты отправились в Берлин.

Два дня проходил съезд. Избрали центральный комитет. Организовали газету «Красный набат». После съезда начали создавать лагерные коммунистические ячейки. Нелегально. Я был одним из организаторов.

Мы стали получать литературу. В охране лагеря служил немецкий коммунист. И однажды ночью он принес пять огромных пакетов литературы. А газеты мы проносили под одеждой.

Три раза меня приглашали на городские партийные собрания в Кведлинбург. Это было в 1920 году.

У меня сохранилось много фотографий того времени. Есть и открытка с портретом Ленина. Ее выпустил Коммунистический союз молодежи Германии. Я купил ее, когда был в Кведлинбурге. Сохранились и открытки с видами тех мест, где я работал, будучи пленным, в частности фотография гостиницы «Алексисбад», где я трудился дворником. На обороте этой открытки я написал: «Июль 20 года. Да здравствует СССР! Да здравствует коммунизм! Да здравствует наша свободная родина».

Чернобыль... Каких-то полгода назад название этого города и построенной неподалеку атомной электростанции было известно разве что жителям Киевской области да специалистам-энергетикам.

...О ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС «Огонек» уже рассказывал. Но чем дальше мы от грозных дней конца апреля, чем больше сдается новых поселков для переселенцев, чем чаще мы узнаем, что люди возвращаются в родные хаты родных деревень, тем ярче высвечиваются поступки людей — героические и, мягко говоря, негативные. Мы еще не раз вспомним об уроках Чернобыля и не раз еще порадуемся тому, что наши люди в сложнейших условиях снова явили свой советский характер.

Атмосфера, установившаяся в стране после XXVII съезда КПСС: откровенность оценок, умение извлекать уроки из побед и неудач, — все это нашло и находит отражение в происходящем вокруг Чернобыльской АЭС.

Эти заметки возвращают нас к тем тревожным дням, которые читателям «Огонька» знакомы по рассказанному в №№ 25 и 26.

ЗДЕСЬ ТВОЙ ПОСТ...

СЕЙЧАС — ВРЕМЯ ПОСТУПКОВ

«Киевляне — вне опасности!» — так сказал известный американский врач-радиолог Роберт Гейл, с самого начала чернобыльских событий принимавший активное участие в лечении пострадавших, в изучении последствий взрыва на четвертом реакторе. Не так давно он вновь посетил Чернобыль и Киев, на этот раз вместе с семьей. «Сейчас время поступков», — сказал он нашему корреспонденту. — Не хороших слов, а хороших дел. Я приехал в Киев с маленькими детьми и супругой, отдыхаю с ними на природе, разрешаю детям пить сырую воду из гостиничных кранов, подчеркивая этим, что радиационная ситуация, сложившаяся сегодня, не несет непосредственной опасности для жизни и здоровья киевлян, что бы ни писали об этом некоторые органы информации на Западе. Считаю свой поступок вкладом в лучшее взаимопонимание и сотрудничество наших народов...»

Фото Н. Козловского

Доктор Р. Гейл в Киеве.

— Дежурный наряд для несения службы в Припятском городском отделе внутренних дел построен, — доложил капитан милиции В. В. Стоцкий.

— Состав наряда? — уточнил командир.

— Младший лейтенант Яковлев — дозиметрист, старшина Киричек — постовой, рядовой Дубилей — водитель бронетранспортера, капитан Стоцкий — старший наряда, прикомандированный — корреспондент «Огонька».

— Одежда, обувь, мегафон, аптечка, респираторы, запас горючего в баке — все проверили?

— Так точно.

— Тогда счастливо...

Когда «бетеэр» набрал скорость и понесся, как гоночный автомобиль — чтобы быстрее проскакивать опасные зоны, здесь ездят очень лихо, — капитан спросил:

— Кто-нибудь в Припяти уже был?

Оказалось, никто, кроме дозиметриста.

— У меня там семь контрольных точек, — сказал В. А. Яковлев.

— Внимание, последний КПП, — заметил капитан. — Теперь мы одни, впереди ни души.

Поворот. Крутой подъем. Мост.

— Здесь нажми, — бросил дозиметрист водителю, — а то стрелка пошла вправо.

Минута невероятной тряски, визг тормозов, резкий разворот, и «бетеэр» остановился около здания Припятского горотдела.

Мы спрыгнули на асфальт, размяли ноги и вошли в помещение дежурной части. На стене — рельефная карта города и его цифровая характеристика. Территория — 5,7 квадратного километра, население — 45 тысяч, улиц — 11, их общая протяженность — 12 километров, сберкасс — 3, ресторанов, баров, кафе — 10, домов культуры, кинотеатров, танцплощадок — 3, общежитий — 23, медвытрезвителей — 2.

Цифровая характеристика города, безусловно, могла бы быть полнее, но, как я понял, это те цифры, которые прежде всего интересуют милицию.

— Я готов, — доложил дозиметрист. — Вперед?

— Вперед!

Мы вышли на улицу Леси Украинки и не спеша двинулись прямо по проезжей части.

Чисто вымытая, с зелеными газонами и раскидистыми деревьями улица вела к лесу. У светофора повернули на проспект Строителей. Проверяем, насколько надежно заколочены подъезды, смотрим, нет ли выбитых окон.

— Стоп, замер! — говорит дозиметрист.

Он тщательно измеряет уровень радиации на земле и в метре от нее. Разница большая, у земли гораздо выше. Володя сверяет эти цифры с позавчерашними.

— Порядок. На несколько делений меньше! — радостно сообщает он.

На улице Героев Сталинграда всполошился старшина Киричек.

— Открыта дверь почтового отделения!

Действительно, наружная дверь нараспашку, но внутренняя заперта надежно.

— А как со сберкассами, банком, ювелирными магазинами? — заинтересовался я. — Не было желающих посетить их, пока на весь город три милиционера?

— Не было. А если и были, то до Припяти не добрались. Вы в угрозыске спросите, там наши коллеги работают днем и ночью.

У торгового центра — новый замер: на асфальте одно, а на газоне — совсем другое. Почему?

— С асфальта радиоактивную пыль смыли, а в траве осталась. Сейчас проведем эксперимент, — оживился дозиметрист. — Коля, лопату!.. Итак, измеряем уровень радиации на газоне. Засекли? Теперь снимаем верхний слой земли вместе с травой. Много не надо, сантиметров пятнадцать... Так, хорошо. Смотрим на прибор. Ну, что скажете? В десять раз меньше! Так что бороться с радиацией можно, и город мы очистим.

Миновали кинотеатр «Прометей» и вышли к причалу. В памяти

Песня о Припяти.
Фото автора

ный день эвакуации он сослужил жителям города добрую службу.

Сорок пять тысяч жителей были эвакуированы из Припяти на автобусах и теплоходах. Люди уезжали, не взяв с собой самого необходимого. Но вот что характерно: никто не брызжит, не ворчит, не закатывает истерику. Люди понимают: случилась беда — и переносят ее достойно. Правда, не все. Я знаю фамилии дезертиров и трусов, которые драпали, набив служебные машины гарнитурками и барахлом. Их потом разыскивали по всей стране, потому что забивались они в самые темные норы. Но находили, исключали из партии и снимали с занимаемых должностей.

Появились мерзавцы похлеще дезертиров: откуда-то из глубин преступной муты всплыли выродки, которые на всеобщей беде пытаются нажиться. Я знаю имена этих типов, но считаю, что слишком много для них чести, чтобы их гнусные фамилии знала вся страна. Вот фанты, проверенные, запротоколированные фанты, которые сообщил начальник отдела УБХСС МВД Украины подполковник милиции Н. Т. Красножон:

— Немало работы было нам в местах расселения эвакуированных. На Иванковском молкомбинате было припрятано двадцать пять ящиков масла, а в продаже его нет. В кафе «Кринички» обнаружены излишки продовольствия на тысячу рублей. В Бородянском и Иванковском районах была попытка хищения двухсот тонн бензина. «Порезвились» и заготовители. Из опасной зоны вывезено семьдесят тысяч голов скота, немало и личного. Было указание у желающих скупать личный скот. Так вот некоторые заготовители, пользуясь безвыходным положением людей, платили за корову в два-три раза меньше стоимости. В Бородянском районе мы буквально за руку схватили продавца, который должен был бесплатно раздавать эвакуированным трусы, майки и другие трикотажные изделия, а он ими торговал. Такой же случай был в Страховесле: буфетчик получил тысячу банок тушенки, чтобы раздать людям, а он продавал. Нашлись дельцы, которые припрятали муку, а в селах не из чего печь хлеб; потом ее продавали, да еще по завышенным ценам. По всем этим фактам возбуждены уголовные дела. Суд будет скорый и правый! Думаю, общественность нас поймет и поддержит.

— Нашлась работа и угрозыску,— рассказал мне полковник ми-

лиции В. Х. Гора.— Появились «гастролеры», которые пытались проникнуть сюда из других областей. Пустые магазины, квартиры, склады — все это привлекает определенного сорта людей. Но мы провели ряд мероприятий и перехватили «гастролеров» на въезде в зону. И все же работа для нас есть. Когда с места на место переезжают десятки тысяч людей, непременно то там, то сям находится паршивая овца. Практически все преступления уже раскрыты, и по ним возбуждены уголовные дела.

...Я вспомнил эти беседы, патрулируя по улицам Припяти, улицам пустынным, беззащитным. Но эвакуированные жители города могут быть спокойны — эта беззащитность кажущаяся: подъезды домов надежно закрыты, квартиры заблокированы, а если найдется гнида, которая захочет поживиться на несчастье припятчан, она будет раздавлена.

Когда мы вернулись в здание горотдела внутренних дел, я поинтересовался, где же его хозяева, где люди, которые здесь служили.

— Одни в госпиталях, другие в Полесском. Ведь сотрудники милиции уходили из города последними,— ответил В. В. Стоцкий.— Кое-кому надо подлечиться, а те, кто здоров, собрались в Полесское: там размещен своеобразный филиал Припятского горотдела.

Вскоре приехала смена. Наш наряд город сдал, другой его принял.

* * *

А моя дорога лежала в Полесское. Вначале я встретился с заместителем начальника Припятского городского отдела внутренних дел по политчасти капитаном милиции А. П. Стельмахом. Пока что горотдел размещен в школе. Одни классы превращены в спальни, другие — в лаборатории, в третьих служебные кабинеты. Мы беседовали в одном из таких классов под придиричиво-требовательными взглядами Ушинского, Макаренки и Сухомлинского. Анатолий Петрович вымотан до предела, лицо черное, глаза красные, губы в трещинах.

— Трудновато? — посочувствовал я.

— Ничего, выдюжим. Быстрее

бы ребят собрать. Добровольцев много, заявления идут со всей Украины, но мы хотим сохранить костяк горотдела. И название! Ведь из боя мы вышли с честью и знамя вынесли! Колоссальным испытанием была организация эвакуации. Оповестить всех жильцов, обойти квартиры, не забыть купальщиков, рыбаков и грибников, успокоить женщин и детей, уговорить стариков, которые не хотели трогаться с места — были и такие, — что запирались и не открывали дверь, разработать наилучшие маршруты движения, чтобы не было пробок и заторов, — все это легло на плечи милиции... Скрылся последний автобус. Мы еще раз обшарили весь город, убедились, что он пуст, и ушли. Когда машины тронулись, когда проезжали последний дом, кто-то спохватился: пропал старшина Шундик. Как пропал, где пропал? Кинулись домой — закрыто. В горотдел — пусто. И вдруг с заднего двора донесся собачий лай. Прибежали и глазам не верим. В вольерах у нас было двенадцать служебно-розыскных собак, в том числе и Вега старшины. Глядим, а Иван моет, чистит и скоблит собак. «Что делаешь?» — кричим. «Дезактивирую. Собак надо вывезти». До собак ли тут?! Но когда я увидел его глаза, понял: лучше не возражать. Погрузили и собак. Вега еле шла. Иван взял ее на руки, мокрую, скулящую, протиснул в автобус, сел, а Вега с рук так и не спустил... Потом я попал в госпиталь.

— А Вега? Что с Вегой, с Иваном?

— Иван во дворе. Вон он, на скамеечке, — показал капитан.

Я вышел во двор. Кто-то чистит мотоцикл, кто-то моет машину, кто-то возится в моторе — все при деле, лишь Иван Шундик отрешенно сидел под деревом. Он явно не знал, куда деть свои жилистые крестьянские руки: то засовывал их под себя, то клал на колени, то пристально разглядывал царапины и ссадины.

Поздоровались. Познакомились.

— Как здоровье? — спросил я.

— В норме.

— А служба?

— Идет.

— Вега с вами?

Иван вздрогнул. Лицо передерну-

ла гримаса боли.

— Нет Веги, — каким-то серым

голосом сказал он.

— Как это нет? Ты же ее вынес!

— Вынес. И других собак вывез.

— Ну! И что дальше?

— А дальше... Дальше врачи

вынесли приговор. Обречена была Вега.

Я молчал... Нет, никому и никогда не понять до конца состояние Ивана. Ведь собаку для настоящего проводника — это не просто животное, это друг, это ребенок, это существо, преданность и верность которого не знает границ. Сколько вложено в такую собаку сил, ума, терпения! А сколько жертв пришлось принести ради нее. Пустяк вроде бы — накормить. Но ведь ни от кого другого, кроме хозяина, она ничего не возьмет. Так что где бы ты ни был — в отпуске, командировке, на собственной свадьбе или похоронах друга, — а два раза в день явись с бачком наши.

Опускался вечер. Стихла возня во дворе школы. Тихо переговаривались струны гитары, и так же тихо хрипловатые мужские голоса бережно несли песню. Ее сочинили сами ребята. Эта песня о прекрасном юном городе, о городе науки и любви, о городе, который всегда будет в сердце, о городе, который всю жизнь будет снится по ночам, — эта песня о Припяти.

А двадцать шестого, чуть дальше за полкоч
Такое случилось, что страшно
Взорвался реактор четвертого блока,
И город живой нужно срочно спасать.

Сержант, здесь твой пост, будь
геройски спокоен,
Ребенка возьми, помоги той жене,
Чей муж по колено в горящем
Врандспойт еле держит
в смертельном огне.

А в самом конце песня набрало силу. Последнюю строфу пели, как клятву!

Стряхну я с погон этот стронций смертельный
И вспомню тебя, дорогая моя.
Начнем все сначала, как с первого вздоха,
Как с первого колышка,
Припять моя!

Такая вот песня... В который раз убеждаешься в правоте фронтовиков: без многого можно обойтись после боя, но не без песни. Чуть свободная минута, чуть оттаяла душа — и сердце просит песни.

А на следующий день я узнал, что в Полесском райотделе есть три собаки, хозяева которых никак не могут установить с ними хороший контакт и не прочь взять других. Иван не сразу понял, зачем я пригласил его в райотдел. Лишь когда подошли к вольерам, я сказал, в чем дело. Иван напрягся. Он-то знал, что это глубокое заблуждение, будто человек выбирает собаку, чаще бывает наоборот: или собака на всю жизнь выбирает себе хозяина, или... ничего путного из их псевдодружбы не получится.

Два здоровенных кобеля, роняя с клыков пену, бросились на сетку, едва Иван подошел к дверце. Пытался поговорить, подкормить — в ответ лишь злобный хрип. Так же злобно вела себя и Пальма, но ее выдавал хвост: лаять-то она лаяла, но при этом не стегала себя по бокам, а извилисто виляла хвостом. Надоело ей, видно, заперти, да и без хозяина, без настоящего дела, когда стрелой летишь по следу, что за жизнь?!

Рядом висел поводок. Иван на секунду зашмырился, решительно открыл дверцу и пристегнул поводок к ошейнику. Мгновение! Но как чувствуют его собаки: враг пришел, просто охотник пообшариться или хозяин. Пальма на секунду замерла и взвизгнула загрызком. Стройная, легкая, прекрас-

ного черно-серого окраса, она могла бы без труда взлететь на грудь, но раздался строгий голос: «Рядом!» Пальма все поняла — это хозяин. Она послушно выскочила из вольера и с визгом начала носиться на длинном поводке: засиделась в тесном закутке. Иван дал ей побегать, проверил реакцию на команды «Голос! Ко мне! Сидеть!» и устало опустился на траву. Он еще не верил в удачу, не верил, что жизнь снова повернулась к нему светлой стороной, но в глазах уже загорелся азартный огонек, опущенные плечи распрямились, а руки привычно крепко сжимали поводок. Уголком глаза он все время следил за Пальмой. А она побегала-побегала, потом подошла к хозяину, аккуратно подбрав хвост, села рядом и... лизнула его в ухо.

Порядок! Теперь им жить и работать вместе.

* * *

Еще вчера я куда-то бежал, ехал, летел, но настало утро, когда пришлось расставаться с Чернобылем и чернобыльцами. Было грустно: здесь так прикипаешь к прекрасным людям и их большим делам. Но вот позади крепкие рукопожатия, дружеские объятия — и машина мчит в сторону Иванова. Тут последнее переодевание: оставляешь то, в чем ходил в Чернобыле, достаешь из пластикового мешка свою одежду, садишься в другую машину — и в Киев.

На следующий день я встретился с заместителем председателя Киевского облисполкома Ю. П. Каплиным.

— Что будет с поселками и деревнями, что будет с колхозами, совхозами и коллективами промышленных предприятий, эвакуированными из тридцатикилометровой зоны? — спросил я.

— Стратегия решения этого вопроса такова, — ответил Ю. П. Каплин. — Мы делаем все возможное, чтобы сохранить трудовые коллективы. Эвакуируемым колхозам нарезаются угодья, они будут иметь свое правление, свой инвентарь, сохраняют свои бригады и звенья. Все это, разумеется, на то время, пока зараженную зону не приведут в порядок.

— Эвакуированы десятки тысяч человек...

— Могу назвать точную цифру: 89 460. И обо всех мы позаботились. Уже сейчас выделено семь с половиной тысяч квартир в Киеве и пятисот в Чернигове. Десять тысяч мест нашли в общежитиях. Строятся семь тысяч домов усадебного типа. Нашли мы в области шесть тысяч пустующих домов, которые принадлежали частным лицам, живущим в городских квартирах. Мы выкупили эти дома и безвозмездно передали эвакуированным. Замечу, что поселки будут строиться со всеми удобствами, со школами, больницами, детскими садами и домами культуры. Все области Украины включились в это благородное дело. Принцип работы такой: каждая область присылает на отведенное место свою технику, материалы, людей и сдает поселок под ключ.

— А что потом? Ведь рано или поздно люди вернутся в свои родные дома.

— Освобождающееся жилье отдадим молодым. Думаю, это будет хорошим стимулом для выпускников вузов и ПТУ, которые иной раз не едут на село из-за отсутствия полноценного жилья и того, что мы называем социальным бытом... Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех, кто так или иначе старается помочь чернобыльцам: и тех, кто присылает деньги из своих личных сбережений, и работников различных предприятий, перечисляющих средства из премий и зарплат, и коллективы колхозов, отправляющих продовольствие пострадавшим. Всем огромное спасибо!

дебют

В «ОГОНЬКЕ»

Костромич Михаил Базанков — автор нескольких сборников рассказов и романа «Право памяти». Любовь к деревне, поэтическое восприятие природы придают его произведениям лирическую задушевность.

Михаил
БАЗАНКОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

РАССКАЗЫ

РЯБИНЫ ДА ТОПОЛЯ

На осенней лесной дороге вспомнился рассказ деда о том, что через наши леса был проложен тракт с направлением на Вятку, по которому ссыльных переправляли. Где-то здесь за третьим или четвертым оврагом должен сохраниться старый тополь. Дед мне его показывал, предупреждая при этом: «А ты кепку-то загодя сними. На тракте головные уборы иногда снимать полагается не где попало, а на памятном месте, вот возле памятного тополя. Гляди и помни».

Стоит еще тополь. Кажется, уперся он ветвями в низкие тучи, на загрубелых ветвях небо держит. А вокруг него — подрост, тянутся растут молодые деревца, прикрытые развесистой кроной от всяческой бури-непогоды. А среди подростка виднеется новая белая доска, на которой слова четко написаны: «Тополь этот посадили проходившие по тракту навечно в Сибирь за правду поселенные. Здесь была убита конвоем гимназистка Маша».

Небо опустилось еще ниже. Я снял кепку...

Отец мой в молодости тоже ходил по этому тракту. И он тут где-то посадил свой тополь — для памяти. Помнится и разговор с ним. «Пусть каждый, кто честен и правдив, оставит у этой дороги свое дерево, — говорил отец. — Весь волок и провешим...» Какой смысл вкладывал он в желание провешить дорогу?

Светлеет мрачный лес, расступается будто бы, стелет торный путь, ведет через болота и овраги, через чащи и буреломы, по сплошным вырубкам и молодым березнякам. Нет-нет да и встретится-попадет стайка тополей...

Когда идешь по осенним лесам и перелескам, каждая встреча бывает неожиданно интересной: и с человеком, и с одинокой лошадей, пасущейся на поляне, и с редкими в наших местах тополями.

Все прозрачнее становятся березовые перелески. В них уже гуляет ветер. Чем меньше перелесок, тем холоднее ветер. И оттого яркий

свет рябины, вышедшей на закраек, кажется, излучает тепло. И первая встреча с рябиной — неожиданная. Вдруг среди пестрой желтизны вспыхивают гроздья. А дальше — другие, еще ярче. Зовет, зовет этот рябиновый свет. И шагаешь бодрее. И чувствуешь, что скоро откроется перед тобой деревня. Оттуда тоже доходит теплый, зовущий свет, потому что возле каждого дома растут рябины. Мои земляки, особенно мальчишки и девчонки, так же, как и мы когда-то, любят сажать и растить пламенеющие деревья. Они будто бы знают, что когда-нибудь после долгой разлуки возвратятся домой, сядут у окна и будут думать о том, что пришлось пережить.

Рябины дороги мне с тех военных лет, когда не только что о сахаре, о настоящем хлебе не решались вслух вспоминать. Босоногие, бегали мы по первым заморозкам к манящим рябинам. И собирали зреющие ягоды, охапками носили на чердаки, заготавливали про запас. А несколько гроздьев вешали у чердачного окна, чтобы каждый прохожий мог их видеть.

Падут первые заморозки, пройдут первые непроглядные снегопады. И прилетят к рябинам птицы. Тогда я приду в лес, сломя несколько веток, принесу в деревенский дом. Две-три повешу на чердаке, несколько гроздьев увезу в город.

В разлуке с родными местами сквозь годы и

расстояния ощущаешь домашнее тепло рябинового света.

...Ночь была настолько темна, что каждый шаг я делал почти что на ощупь. Свернешь в сторону — зашуршит под ногами листва, хрустнет хворостина или коснется руки сердитая еловая ветка. Вокруг ни огонька, ни шороха, ни всплеска. И не сразу поймешь, что вышел наконец-то в поле.

До деревни бы добраться побыстрее. Поднимаюсь на один, на другой увал, а деревни все нет, все нет... Поля... Тут светлее и спокойнее, чем в лесу: угадывается недавнее присутствие людей, они работали от зари до зари. Еще гуляют едва ощутимые запахи бензина, сухой соломы и, кажется, папиросного дымка. Душа простору радуется. Не тревожусь, а иду себе обыкновенно, словно не раз тут бывал и знаю, куда выведет тропинка, едва угадываемая в жнивье. И предчувствую: встретится человек, покажет, если ошибусь, верную дорогу. Вот слышался тихий разговор. Значит, где-то есть люди и надо найти самый короткий путь к ним.

Вот и песня девичья. Нет, частушка:

Где-то ягодка моя,
Где ты, мой малиночка?..

У ручья, возле самой воды, при свете слабого фонаря сидела девушка, маленькая, худенькая, в обвислой фуфайке механизатора. Она поднялась спокойно и сказала:

— Здравствуйте!

И спросила:

— А до перелеска с вами никто не шел?

— Нет, я один.

— Славку жду. Одела его фуфайку и жду, — сказала она доверчиво. — Он из Павинском выселке пшеницу жал, а теперь, наверно, домой пора. Комбайна-то давно не слышно, — пояснила она и снова села на краешек доски, перекинутой через ручей. — Неужели поломка какая? Не должно быть. Где-то домой спешит. По какой тропе пойдет? Не знаю. Наверно, здесь. Всегда тут ходил.

Захотелось взглянуть на механизатора Славку, которого поджидают в широком поле, вдали от деревни, как раз в том месте, где он должен пройти. И решил подождать. Сел на противоположном берегу, объяснил, кто я, за чем здесь, и попросил:

— Если можно, спойте.

— Можно. Могу, — охотно и просто согласилась она. — Я много знаю частушек и песен: на ферме пою, дома пою, в поле пою. На сцене исполнила песенку «Коля-Колокольчик», и прозвали меня Колокольчиком. А мне и необидно. Славка тоже Колокольчиком называет. Ему нравится.

Поправила косынку, плотнее запахла фуфайку и запела. Сколько бы ни пела девушка, я все боялся, что вот замолчит она, и в это время усталый Славка пройдет мимо, не найдя ее в поле, заволнуется или с обидой заспешит домой. Я вспоминал деревенские частушки, которых в детстве знал множество, чтобы в тот момент, когда она, истратив весь запас, умолкнет, подсказать. Но девушка пела. Легко, увлеченно и счастливо пела она. И не было темноты, светило солнце! Отчетливо были видны по-осеннему расцвеченные окрестности близкой деревни. У дороги ярко пламенел желтой листвой будто бы тот самый тополь, а под ним стояла девушка в белом...

КРАПИВА

Как сейчас вижу наш высокий пятистенок в окружении старых, развалистых черемух, молодых лип и берез — эти посажены старшими братьями, а я свое дерево не успел посадить... Только два куста малины из лесу принес. Но теперь разросшийся малинник заглушила крапива, сильная, дружная, точно такая, что в бу-

реломаш да на вырубках буйно разрастается до тех пор, пока подрост силу не заберет, не заявит определенно: тут будет березовая роща.

Посреди Малого Тюкова высокие стояли березы. А деревенька-то наша чудо, как хороша! Большие бревенчатые дома с белыми наличниками будто взяли за руки — заборы их соединяют, точнее, и не заборы, а обыкновенный тын (с соседом дружись, а тын городи). Посреди деревни — ровная лужайка, ни трактор, ни машина не смели на нее въезжать. Тут, возле звонка — вагонный буфер на столбе висел, его подростки из Мантурова привезли, когда ездили на станцию хлебными обозами, — собирались на собрания, перед началом работы. В День Победы этот звонок созвал народ с полей. Здесь качали председательницу Любовь Майдакову и кричали «Ура!». Здесь вручали маме орден «Материнская слава». Здесь меня хотели опозорить крапивой за то, что выкапывал картошку-самосадку на пшеничном поле. За крапивой недалеко было ходить, тут, возле столба, и росла она...

Крапивный куст на зеленой лужайке посреди Малого Тюкова. Никто не сбивал его, не рубил сплеча палками, превращенными воображением в саблю. За этот куст не прятались при любой игре. А мы, дети, много всяких забав да игр знали: прятки, палочка-выручалочка, лапта, чиж, лепки, затаенки... Бежишь, пока «вода» считает, времени, чувствуешь, остается мало, надо бы за крапивой затаиться, а нет, нельзя почему-то; с давних пор так повелось: нельзя, и все. Традиция! За крапивой не таись!

Деревенька моя Малое Тюково. В сторону Дачки глянешь — так назывались дальние поля с перелесками, — вспомнишь, как, продираясь сквозь крапиву, подползал из оврага к клеверному полю и рвал пушистые розовые головки, из которых мама пекла лепешки. Перемешает с мукой из липовых да крапивных листьев, немножко крахмальцу для клейкости добавит — и

получаются зелено-дымчатые лепешки. Уж больно они вкусны, если достанется чашка синего обратка каждому из нас: шестнадцать лепешек — по две, восемь стаканов обратка... На восход солнца смотреть — значит, в сторону гороховых полей, так они всегда и назывались, хотя на них не только горох высевали. В тех полях однажды догнал меня сердитый всадник — он из райцентра ехал на вороном коне — и в наказание за горсточку стручков огрел кнутом, когда я уже вроде спасся, в бессилии упав на утине в высокую крапиву. Запомнилось: крапива тогда не жгла.

Говорят, обиды не помнятся, говорят, из детства остаются нам только светлые воспоминания. Конечно, есть и светлые, аж дух захватывает. Вот лечу на белом фронтовом коне, забыв, что он хромает — задняя левая нога у него короче, воображаю себя красным конником, взмахиваю прутиком налево и направо: расступись, вражья сила! Расступись, крапива, которая не виновата...

Или вот купаться на Федьковку бежим. Срываем рубахи, сбрасываем штанишки и несемся ватагой, ликуя в наготу! А почтальонка тетя Поля, как на грех, поднимается в гору и, всплеснув руками, кричит: «Ой, какие первобытные! Я вот вас крапивой!». Кто не успел до моста добежать да нырнуть суетливо, словно пескарик, на мелкоте скрыться, тот в закраек у дороги сунул. И вылезает потом весь в белых пупырышках, пыхтит-сопит, больно, конечно, разве не больно, а реветь-то нельзя, только что радостно улюлюкал и тут же в слезы?!

Крапивы в нашем детстве хватало. Не только щи из нее варили да лепешки пекли, бывало, крапивой наказывали. Может, на пользу, может, она тело лечила и душу закаляла.

Там, где пятистенок родной стоял, теперь крапива растет. А вот младшего сына веду по зарастающим тропинкам и предупреждаю: не обожгись, тут крапивы много...

то заставляет в осенние дожди и слякоть таскаться с ружьем (иногда очень немолодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота... Вы произносите это волшебное слово, и все становится понятно...

Действительно, кому не понятна волнующая

страсть, о которой так хорошо сказал С. Т. Аксаков. В некоторых странах полагают, что сейчас каждый третий мужчина — рыбак, а каждый пятый — непременно охотник. Во Франции за десять лет их число увеличилось вчетверо, достигнув почти двух миллионов. В США охотников насчитывается более 18 миллионов. За последние двадцать лет там их прибавилось 5,8 миллиона человек. И в нашей стране интерес к охоте растет из года в год. Число охотников подошло к четырем миллионам.

Когда мы говорим об охотниках, то нелишне помнить, что их подразделяют, как минимум, на две категории: промысловиков и любителей. Первые — те, кто охотой кормится. Эта самая древняя профессия на земле редет. Разные тому причины: во-первых, сельских жителей становится меньше, во-вторых, все труднее сыскать селян, желающих приобщаться к охотничьему ремеслу. Нелегкое это занятие — промысловая охота. Одно дело — побродить по лесу или провести зорьку где-либо на живописном озерце, а под вечер, возвратясь домой, сытно отужинать, посмотреть по телевизору интересную передачу. Другое — неделями скитаться по таежной глухомани, ночевать в шалаше или в охотничьей избушке, перехватив иной раз на сон грядущий лишь лежалый, размоченный в дымном кипятке сухарь. Средний возраст промысловиков из года в год растет, а число их, так же как и количество сдаваемых охотничьих трофеев, уменьшается. А ведь когда-то пушнина, добытая промысловиками, составляла весомую часть экспорта!

Добыча теперешних охотников в сопоставимых ценах не потянет и на пятую часть рекордных дедовских трофеев. Экспорт же ценного пушного зверя, добытого промысловиками, в общем объеме инвалютных операций стал совсем мизерным. Он едва достигает одного процента. Былая слава нашего пушного рынка поддерживается главным образом за счет клеточного звероводства.

Охота теперь не столько средство существования, сколько интересный досуг. Отток промысловиков с лихвою восполняют любители, приезжающие в лес отдохнуть. Хотя в их распоряжении может быть и то, что нынче недобирают из леса охотники-промысловики. Трофеи любителей редко когда окупают расходы, связанные с поездкой на охоту. И хороший проводник, квалифицированный егерь для любителей просто необходим. Особенно, если они надеются быть при трофее. Кому не лестно отчитаться перед близкими за время, проведенное в лесу, полным ягдташем! Обратимся к статистике, и станет очевидным: возможности такие есть. В нашей стране насчитывается 165 видов охотничьих птиц, 90 видов пушных зверей и 22 вида диких копытных. Только лосей в лесах страны живет 750 тысяч, из которых десятки тысяч ежегодно становятся добычей охотников. В наших лесах насчитывается по меньшей мере 20 миллионов тетеревов, из которых без ущерба для тетеревиной стаи можно изымать треть. Два с половиной миллиона зайцев оказываются добычей удачливых стрелков и не менее четырех миллионов рябчиков, куропаток и прочей боровой дичи попадает под их меткий выстрел. Наиболее удачливыми могут считать себя охотники на водоплавающую дичь. Занимаются этим делом 10—15 процентов от числа любителей ружейной охоты, но ежегодный отстрел водоплавающей птицы достигает в иные годы 30 миллионов штук.

Есть в стране условия для развития охотничьего промысла! Заинтересованы в этом все. И особенно лесоводы. Народу в лес приезжает с каждым годом все больше. Под отдых, или лесную рекреацию, попало 30 миллионов гектаров лучших лесов. Но их гостеприимство не беспредельно. Деревья теряют свою урожайность, повышается пожарная опасность. Вот почему мы так ратуем за упорядочение отдыха в лесу. Надо уплотнить отдыхающих в одних местах и рассредоточить в других. Добиться этого можно путем четкой организации, и охотничьи коллективы тут первые помощники. Да и в хозяйственном отношении без укрепления связей с охотниками не обойтись.

Иногда мы слышим: как хорошо, что в лесу развелось так много лосей! А ведь он превращается в лосиное пастбище, заросшее обглоданными и объеденными деревцами. Значит, плотность обитания этих животных здесь чрезмерно велика. Особенно достается сосновым и дубовым посадкам. Животные не спеша обходят их, ряд за рядом обкусывая верхние побеги саженцев. То же они делают и в дубовых культурах.

Страдает лес не только от лосей, но и от кабанов. В центральных областях России практически прекратили сеять дуб. Кабаны не собираются ждать, пока посевы дадут урожай. Желуди они съедают тотчас после того, как лесники их посеют. Совсем не безобидными оказываются и очаровательные, нежные косули...

Жизнью зеленого царства нужно уметь управлять. Иначе его не станет. Будут лишь чахлые пастбища для голодных животных. Потому и проявляется такой большой интерес к укреплению охотничьих хозяйств, расширению их сети. Там, где они хорошо действуют, лесники не тревожат избыток животных, вольности «неорганизованных отдыхающих». В межсезонье охотники подсевают травы, сажают корнеплоды для подкормки дикого зверя, устраивают гнездовья для птиц и убежища для косуль.

Вообще-то, если заглянуть в историю, можно убедиться в давних и тесных связях охотников и лесников. В этом деле мы намного обошли иные зарубежные страны. Уже в первом своде законов — «Русской правде» — права охотников получили юридическую защиту.

В конце прошлого столетия, а точнее, в 1886 году, талантливый ученый-биолог, охотовед Л. П. Сабанеев, выступая перед слушателями Петербургского лесного института, высказал мысль о том, что пора от охотничьего промысла переходить к научному ведению хозяйства, заботиться о воспроизводстве ресурсов природы. Последователей у Л. П. Сабанеева было немало.

Наша страна гордится трудами многих поколений ученых-охотоведов Отечества. И все же на практике как-то не всегда все получается. Особенно на территории РСФСР. Охотничий и лесной промыслы оказались по непонятным причинам в разных ведомствах. Оттого, наверное, и охотничьих хозяйств на территории РСФСР немного. Площадь их — менее одного процента общей площади лесного фонда! Больше при существующем порядке управления их создавать и нельзя, так как одной охотой в суровых таежных лесах свести концы с концами трудно. Доходы от реализации лесной продукции сейчас в десятки раз превышают доход от охоты. Они и покрывают убытки. Малочисленность охотничьих хозяйств порождает сомнительный подбор приезжающих туда охотников. Простому смертному попасть в их семью трудно. Чаще встретишь там гостей именитых, с которых плату за сервис вроде бы и брать нелегко.

Надо резко увеличить число охотничьих хозяйств. Причем с учетом новых веяний. Например, фотоохотники: их становится все больше, а официального прибежища они не имеют. Кстати, за рубежом уже десять лет назад стали тратить на охотничье снаряжение втрое меньше средств, чем на приборы по наблюдению за зверем и природой. Кроме того, и для любителей так называемой тихой охоты — грибников и ягодников есть в лесу большое поле деятельности. Собирают же этих даров леса едва ли десятую часть.

Многое надо было бы поправить в лесном и охотничьем хозяйствах. Хорошего опыта здесь достаточно! Есть немало мастеров вести дело с учетом интересов охотников. При рубке леса они думают не только о кубометрах, но и о зверье. В лесхозах прокладываются уширенные просеки — опять же для улучшения питания животных.

От лесоводов многое зависит, чтобы аборигены лесов благоденствовали, они могут так вести хозяйство, что и людям, и зверью лес станет щедрым кормильцем.

Разумеется, все это требует затрат. Но расходы окупятся благодарностью людей, для которых лес — не просто «деланка», но и кладовая душевной радости...

Сибирские дали * Журавль-красавка живет в Окском заповеднике * Живой цветок * Кедровые шишки * Дары осени.

На развороте вкладки: Хозяин тайги * Загадочные Курилы * Тетерева... на свидании * Свернула молния * О чем канюк задумался! * Красочное многоцветье * Чуткое ухо ловит малейший звук.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

ДУШЕВНОЙ
РАДОСТИ

ЖУРАВЛЬ

пот, ливень, гроза, дождь

Крылья «Накотне»

Николай БЫКОВ,
фото С. ПЕТРУХИНА
Специальные корреспонденты
«Огонька»

Земля в колхозе — колхозная, а небо? Что за вопрос, конечно, колхозное!

В латвийском колхозе «Накотне» давно считают небо своим, колхозным. Но по порядку.

Ровно через месяц исполнится 40 лет, как собрание уездных единоличников, подавших заявления в первый в республике колхоз, проголосовало за имя новорожденному — «Накотне». Тогда и начался полет без отрыва от земли...

Все началось с неумной фантазии председателя Артура Эдуардовича Чиксте. Ему всегда по душе были планы почти нереальные, на первый взгляд не осуществимые — почти! В отличие от большинства коллег он многие дела, связанные с полеводством и животноводством, еще лет двадцать назад переложил на плечи вполне компетентных агрономов и зооинженеров. Его конек — стратегия, в данном конкретном случае — жизнь колхозного села в развитии, во всех ее проявлениях. Артур Чиксте с давнего времени повторял: «Не хлебом единым!..» Да, не хлебом единым жив человек, не одним производством. Председатель буквально эксплуатировал гордое, не без претензии избранное отцами имя колхоза: «Накотне». По-русски «Будущее». Еще лучше — «Грядущее». В смысле неизбежное завтра. Завтра, которое, конечно же, делать следует сегодня, уже сегодня всемерно и всем миром приближать. Так вот председатель Артур Чиксте энергично привлекал в колхоз людей незаурядных: одаренного архитектора, вездливого юриста, инженера-химика, кожевенных, а позже и меховых дел мастеров, наконец, летчика-испытателя. А летчика зачем? Председатель объяснил: летать!

Обрел крылья колхоз. Молодежь без лишних слов увлеклась модным в свое время дельтапланизмом, а потом и собственным планизмом, а потом пересела на аэроплан. Летное дело вышло за границы колхоза.

Большое это хозяйство, аэроклуб. Земли занимает более семи-десяти гектаров (как ВДНХ в Москве). Правда, самолетов колхоз купить не мог. Год назад правление все же пошло навстречу руководству ДОСААФ, и председатель совершил с генералом от авиации купчую на пятьсот двадцать тысяч рублей. Десяток инстанций обошли, прежде чем состоялась столь необычная сделка. А все-таки летают уроженцы «Накотне», их не-

бо! Летает Ина Михалкевич, учащаяся, летают над полями малой родины и Олег Келданович, и Геннадий Караневский, и Айварс Малиновскис, его корни тоже в «Накотне».

В «Накотне» денег с каждым годом прибывало. В прошлом году прибыль составила шесть миллионов рублей, и нынче будет не меньше. И строят здесь сами, хозспособом, на миллион, а то и на два миллиона рублей в год.

Колхоз давно известен в стране. Но теперь не только своими делами, не только своими, как нигде, «небоскребами» и поселком индивидуальных коттеджей, не только заводом агар-агара, не только... Здесь работают мотогонщик, экс-чемпион республики механизатор Миткус Айгердис и мастер спорта, автогонщик Янко Лавринович, и его напарник — инженер Раймонд Покулис.

Колхоз в свое время построил, как многие хозяйства, и магазины, и поликлинику, и Дворец культуры, и великолепный спортзал, и детский сад по индивидуальному проекту. А в этой пятилетке приступают к строительству еще одной средней школы — суперсовременной. Замысел, представленный в макете и чертежах, очень хорош, проект индивидуальный, так сказать, линия выдерживается принципиальная: нигде, кроме как в «Накотне». Правда, на этот раз министерству просвещения не удалось возвести колхоз в ранг генподрядчика; велика честь, да ведь и размах строительства не мал!.. А денег заказчику не жаль, колхозники и проект, и смету одобрили. А вот соседи не всегда умеют осваивать прибыли.

— Свободное время — проблема, — осветил круг своих новых забот Артур Чиксте. — Серьезная проблема. Конечно, удочки, мотоциклы, даже автогонки увлекательны и по сей день. Я думаю, в наше время нужен именно взлет! Взлет возможностей!.. Иначе молодежь в селе не задержать. На музыкальных инструментах, даже самых современных, то есть самых дорогих для колхозного бухгалтера, тоже нам долго не продержаться. А вот небо!.. Небо — величина постоянная.

Рядом с поселком «Накотне» летом оживает шумный городок на колесах: десяток купейных вагонов. Колхоз дал возможность заняться с так называемыми «трудными», а проще сказать, с теми, кто никак не найдет себе дела в городе — ну, не лежит у них душа к филателии, бальным танцам, столлярному мастерству... Чувствуют ребята крылья за спиной — только отнюдь не ангельские...

И как тут не вспомнить мудрого Александра Петровича Довженко! Неистовый кинорежиссер с болью

однажды говорил о современном селе, потерявшем свои привлекательные достоинства. Речь шла тогда, лет тридцать назад, об архитектуре новых колхозно-совхозных застроек. Скорбела душа художника: «Почему при постройке их (в ту пору показательных сел. — Н. Б.) не была принята во внимание живая душа человеческая?» И далее: «Нужно в корне переменить это дело и приостановить насаждение уныния в нашей стране».

Как давно это высказано, и как современно, ко времени это звучит!

В елгавском колхозе давно и оригинальным образом приняли во внимание живую душу человеческую. Тут у жителей ни одного дня не проходит без подлинного отдохновения. Охотники лучшие где? В «Накотне». Стендовая стрельба — лучшие спортсмены здесь, а Айварс Катлс — мастер спорта, удачно стреляет по мишеням «бегущий кабан». Сандра Кактабула обожает лошадей и конный спорт, вокруг нее всегда толпятся мальчишки и девочки и молодежь постарше. А муж Сандры, мелиоратор Виестурс, — мотогонщик, и комбайнер Янис Друлле, и снабженец Вилис Кемпелис тоже мотогонщики, а заведующий киностудией Янис Строц — авторалист.

Отстояли честь колхоза и любители туризма. Совсем недавно диспетчер строителей Владимир Загнибеда, учащаяся Инга Кауниня и их товарищи выиграли многоборье по парусному туризму и привезли в колхоз кубок городов «Регата Московского моря». Они же и обладатели нескольких призов журнала «Катера и яхты».

Автогонщиков на этот раз я не повидал, они на соревновании в Чехословакии...

Артур Чиксте не только человек дела, он и философ и не чужд; сам напомнил слова К. Маркса: если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими.

Невольно завидуешь обстоятельствам жизни, то есть быта и бытия, созданным в знаменитом латвийском колхозе. Молодцы, умеют жить! И давно к нынешней полнокровной жизни готовились. Активно готовились, засучив рукава, немало сил отдавая работе в полях и на фермах. А председатель меньше всего обещал. Он содействовал осуществлению самых невероятных мечтаний. Артур Чиксте именно содействовал. И сегодня остается стратегом и работником...

— Прошу разрешить взлет.

— Взлет разрешаю!

Читатель! Напишите нам, как летаете вы? Во сне? Или и наяву? Как в «Накотне» под Елгавой?

И просится сердце в полет * Самолет тоже приносит счастье * Покоритель воздуха... в воздухе * Александр Фокин — юный планерист * Перед тем, как взлететь.

«...НОСИЛ ОН СОВЕСТЬ БЛИЗКО К СЕРДЦУ»

После того как в № 28 за этот год мы опубликовали воспоминания В. Золотухина о Владимире Высоцком, редакция получила много писем с просьбой рассказать о нем более подробно. «Хорошо бы узнать о Владимире Семеновиче больше,— пишет нам читатель А. Неделько (г. Брест).— Ведь столько людей встречалось с ним, и каждому этот многогранно талантливый человек дарил неповторимое». Выполняем вашу просьбу, дорогие читатели.

по просьбе читателей

Нина Максимовна с сыном Володей. Июнь 1950 года.

И

мя Владимира Высоцкого до сих пор окружено всевозможными легендами и небылицами. А хочется знать то, что было на самом деле. Кто лучше других знал его? Друзья? Родные? Кто же, если не мама...

В квартире на Малой Грузинской все, как было при нем. Старинные настенные часы из карельской березы замерли в гостиной на десяти минутах пятого. Здесь на рассвете 25 июля 1980 года остановилось сердце Владимира Высоцкого.

Он не имел звания «народный», но был настоящим народным певцом. Приходят и приходят люди к его могиле, море цветов у памятника. Кажется, будто он умер вчера.

Сегодня в квартире сына живет Нина Максимовна Высоцкая. Ветеран труда, она по специальности переводчик с немецкого языка. В последние перед пенсией годы работала начальником бюро научно-технической документации в НИИ химического машиностроения.

Мы пришли к ней поговорить о сыне. Гости-

ная увешана его фотографиями, заставлена книгами и материалами о человеке и художнике, которого знают сегодня во многих странах. Нина Максимовна перебирает свои записи, показывает снимки из семейного альбома...

— Когда Володя родился,— вспоминает Нина Максимовна,— мы жили против Рижского вокзала, на Первой Мещанской, теперь это проспект Мира. Он рос очень занятым ребенком, рано начал говорить. Первой его фразой, которую произнес, стоя вечером на крыльце дачи, была: «Вон она, луна». К двум годам он знал много стихов и читал их довольно выразительно. При этом неизменно забирался на какое-то возвышение, чаще всего на табурет. В июле 1941 года (Володе тогда исполнилось три года) немцы начали бомбить Москву. Мы с сыном спускались в убежище, и там он находил место повыше и читал стихи, громко и

выразительно, что-нибудь типа этого: «Товарищ Ворошилов, в нынешний год в Красную Армию брат мой идет...»

Однажды после такого «выступления» пожилой мужчина подошел ко мне, тихо сказал: «Спасибо за сына»— и поцеловал мне руку.

Вскоре мы выехали с сыном в Бузулук Оренбургской области, вместе пережили все трудности эвакуации. Жили в селе, иногда я приносила ему с работы чашку молока, он ею делился с другими детьми, говоря при этом: «У них здесь мамы нет, им никто не принесет». Меня часто спрашивают, откуда у сына такое знание военной жизни, ведь война кончилась, когда ему не было и семи лет. Война в его детской памяти осела тяжестью длинных-преддлинных переездов в товарных вагонах, изможденными лицами раненых и изголодавшихся людей, недоеданием, бомбежками, смертью родных. Его дядя, мой младший брат Володя, и тетя, моя старшая сестра Надежда, погибли в начале войны.

Конечно, сыграло свою роль и то, что отец Володи, Семен Владимирович, был кадровым военным, защищал Москву, освобождал Львов, Прагу, штурмовал Берлин.

Любил Володя общаться и со своим дядей, Алексеем Владимировичем Высоцким, участником войны, полковником, литератором, несомненно, оказавшим на него определенное влияние.

Когда Володя окончил десятый класс, естественно, встал вопрос, где учиться дальше. Володя довольно решительно заявил: хочу в театральную. Но мы все — и я, и его отец, и дедушка, Владимир Семенович Высоцкий, он был юрист, человек широко образованный,— мы этого не хотели. Особенно его отговаривал от театральной карьеры дедушка, а он обладал особым даром убеждать. И убедил. К тому же Володя школьный друг Игорь Кохановский решил поступать в инженерно-строительный. На пару они подали документы в МИСИ. И стали студентами.

Я у приятелей своих раздобыла чертежную доску: а как же, сын скоро будет инженером! Но чертил на ней все больше Игорь, усидчивый, старательный. А сына что-то все отвлекало, то он кофе пил, то просто ходил по комнате туда-сюда, думая о чем-то своем.

Хорошо помню, как однажды поздно вечером, точнее, даже ночью, они сидели и чертили у нас дома. Это было в середине первого курса. И вдруг я услышала, как сын кричит: «Все! Хватит! В этом институте я больше не учусь!» Я зашла к ним в комнату и вижу, как Володя выплескивает на свой чертеж тушь из банки. Этот чертеж я храню до сих пор.

Владимир Высоцкий.

Фото Н. Львова

«Инженерной деятельности с меня довольно, не могу больше», — говорит он смеясь. Наутро я бросаюсь к своему мудрому свекру за советом. Владимир Семенович сказал, что надо идти в деканат и там искать союзников, чтобы вместе удержать парня от глупости. Конечно, это казалось нам глупостью: поступить в институт и вдруг...

Я пошла в деканат. Декан института позвал при мне Володю и сказал ему: «Высоцкий, не делайте опрометчивого шага, у вас явные способности к математике».

«Вполне возможно, — уверенно ответил Володя, — но инженером я быть не хочу и не буду. Это не мое, понимаете? Так зачем же мне занимать место, предназначенное для другого, которому это нужнее, чем мне».

А вечером дома Владимир сказал мне: «Ты, мама, не волнуйся, я знаю, что придет время, я буду на сцене, а ты будешь сидеть в зале, и тебе захочется рядом сидящему незнакомому человеку шепнуть: это мой сын. Я стану актером, хорошим актером, и тебе стыдно за меня не будет».

И я как-то сразу ему поверила и уже не переживала так сильно.

— Эти полгода до поступления в театральную студию он, наверное, усиленно готовился?

— Да, это было очень напряженное для него время. Он тогда занимался в драматическом кружке, которым руководил актер МХАТа

Владимир Богомолов. Я как-то зашла к ним на репетицию. Володя изображал крестьянина, который пришел на вокзал и требует у кассирши билет, ему отвечают, что билетов нет, а он добивается своего. Я впервые увидела его на сцене и до сих пор помню свое удивление, настолько неожиданны были для меня все его актерские приемы. После репетиции я подошла к Богомолову и спросила (хотя уже знала ответ): «Может ли Володя посвятить свою жизнь сцене?»

«Не только может, но должен! У вашего сына талант», — ответил актер.

Володя до глубокой ночи пропадал в кружке. Он много мне рассказывал, как они репетируют, как сами готовят декорации, как шьют костюмы. Это было время одержимого ученичества, читал он запоем, впрочем, книги сын любил всегда, всю жизнь и собирал их с большим старанием.

— Скажите, Нина Максимовна, Володя писал тогда стихи?

— Они с Игорем Кохановским слагали стихи еще в школе. У Игоря осталась толстая тетрадь, исписанная их стихами. Темы они брали из школьной жизни, и стихи, как я помню, получались довольно веселые.

— А когда сын начал петь?

— Это было уже на первом курсе театрального. Кое-кто сегодня пытается приписать себе заслугу в том, что обучил Володю игре на

гитаре. А на самом деле было так. Перед своим семнадцатилетием он сказал: «Ты все равно подарок мне будешь искать, так купи гитару». Я купила. И еще самоучитель, а сын говорит: «Ну, это лишнее, я играть уже умею». На моих глазах он подстроил гитару и начал играть довольно сносно. Видно, у дворовых ребят кое-что перенял. Но петь свои песни он начал, уже будучи студентом театрального. Я ему несколько раз потом говорила, что он должен выучить нотную грамоту, если думает серьезно заниматься сочинением песен. А он все отнекивался: мол, зачем, я и так все запомню. И действительно, у него была удивительная память, он мог с одного раза запомнить почти дословно содержание прочитанного рассказа, услышанного большого стихотворения. Еще ребенком он мог во всех подробностях и очень образно пересказать содержание увиденного фильма или спектакля.

— Он легко поступил в театральный?

— Нет, эти экзамены дались ему трудно. Дело осложнялось его хрипловатым голосом. Помню, я услышала, как говорили тогда о сыне: «Это какой Высоцкий? Который хриплый?..» Володя обратился к профессору-отоларингологу, и ему дали справку, что голосовые связки у него в порядке и голос может быть поставлен. К экзаменам ему помогал готовиться Богомолов, которого можно назвать первым театральным учителем Володи.

Художественным руководителем их курса был Павел Массальский. Занимался Володя очень увлеченно, пропадал в студии целыми днями. Помню, как покупала в «Елисейском» магазине перед самым закрытием колбасу, несколько булок, масло и несла сыну и его товарищам. Володя много времени тратил на студенческие «капустники», вечера отдыха. Ведь он умел очень точно схватить и передать характер другого человека и бесстрашно пародировал своих педагогов — Массальского, Тарханова, Кедрова. Ректор студии Радомысленский как-то назвал Володю неисправимым сатириком. Умел он посмеяться и над собой. О себе иначе чем в шутку говорить не любил.

— Вы не помните своего впечатления от его первой песни? Какой она вам показалась?

— Вы знаете, мне его первые, далеко не изящные песни не нравились. Теперь их называют то блатными, то дворовыми. Откровенно говоря, я не принимала всерьез тогдашнего его сочинительства, да и он сам, по-моему, тоже. Потом он понял, что к слову надо относиться иначе, и тогда пошла глубокая работа. Впервые я осознала, что мой сын сочиняет настоящие песни, после фильма «Вертикаль». Позже я слушала его уже с восторгом. Да иначе и нельзя было его слушать: кому бы он ни пел, тысяче слушателей или одному человеку, который приходил к нему в гости, он всегда выкладывался полностью, словно пел в последний раз.

— А ваша любимая из его песен?

— «Охота на волков». Кстати говоря, когда она родилась, помню, Евгений Евтушенко прислал с Севера, где он гостил у моряков, телеграмму: «Слушали твою песню двадцать раз подряд. Становлюсь перед тобой на колени».

Все Володиные песни — это продолжение его жизни. Он часто приходил ко мне ночью и говорил: «Мама, я песню написал». И я была первой его слушательницей. Если было нехолодно, он раскрывал нараспашку окно, словно ему было тесно в квартире, и тогда обязательно под окном собирались запоздалые прохожие, и иногда они спорили, магнитофон это или пластинка звучит. Потом он все чаще стал петь только что рожденные песни Марине Влади, своей жене, хотя она нередко находилась за тысячи километров от него. Счета за телефонные разговоры, точнее, за его телефонные концерты, были чуть ли не из трехзначных цифр, но это его не смущало. «Мамочка, — говорил он, видя, что я беспокоюсь о его расходах, — деньги мы для того и зарабатываем, чтобы их тратить». Поначалу ему с его нетерпением было трудно дожидаться, когда его соединят с любимой женщиной, и песня «07» появилась как раз в один из вечеров, когда он ждал разговора с Парижем. Потом телефонистки уже хорошо его знали, соединяли сразу и порой сами были слушательницами этих необычных концертов.

САМЫЙ ДРЕВНИЙ КАЛЕНДАРЬ

Молодой болгарский археолог Стефан Чохаджиев во время раскопок у села Слатина Кюстендилского округа обнаружил предмет, похожий на утюг, испещренный какими-то знаками. Ученый считает, что это календарь, которому семь тысяч лет! На поверхности необычного предмета в определенной последовательности нанесены линии. Чохаджиеву удалось полностью расшифровать эти знаки. Он установил, что и по такому древнему календарю год состоял из 12 месяцев и 360 дней. Найденный болгарским археологом предмет сделан руками искусных мастеров керамики. Он может считаться самым древним из всех календарей, существовавших на Земле.

Первое представление

— Когда же он все успевал? Играл в театре, снимался в кино, изъездил весь Союз, многие страны мира, писал сценарии, прозу, свои бесчисленные песни. Ведь их у него сотни...

— Писал Володя в основном ночью. Это вошло у него в привычку давно, с юности. Когда он переехал сюда, на Грузинскую, я старалась у него не оставаться ночевать, потому что он почти до самого утра беспокойно ходил по квартире с карандашиком, «вышагивал» рифму. Раньше четырех не ложился. А к десяти надо было спешить на репетицию в театр. Утром иногда я приходила и будила его, он спрашивал, который час, я отвечала: без пяти девять. О, говорил он, так я могу еще пять минут спать. И тут же засыпал.

Вообще-то он считал, что сон — это пустая трата времени. Его любимая поговорка была: «Надо робить!» Конечно, такая чрезмерная нагрузка его подкосила. Я не один раз его предупреждала: «Володя, так нельзя, ты упадешь». У него ведь в детстве были неполадки с сердцем, недостаточность митрального клапана.

— И он это знал?

— Знал и тем не менее работал на износ. Спешил успеть... За несколько дней до смерти ему словно знак судьба подала, предупреждение. Они ехали с друзьями в машине, и ему вдруг стало плохо, он побелел, руки стали мокрые, вышел из машины и понял, что это сердце... И все-таки продолжал работать по-прежнему. К тому же у него была язва двенадцатиперстной...

— Но он хоть как-то лечился?

— Да нет же! Сколько мы его ни уговаривали... Один раз только лег с язвой в больницу, да и то положили его на сорок пять дней, а он и двух недель не выдержал, упросил Марину тихую принести ему одежду. Она приходила к нему в больницу утром и сидела до обеда, а вечером опять к нему шла, чтобы удержать там. А то он и этих двух недель там бы не пробыл. Марина привозила ему новейшие лекарства, язву в тот раз подлечить удалось, а вот сердце...

— Нина Максимовна, на чем Владимир писал стихи? На листках, в тетради?

— Нет, специальной тетради у него никогда не было. Писал в основном на листках. Но, бывало, и на театральной программке, на пачке папирос, на куске оберточной бумаги, на картонке.

— При жизни его печатать, мягко говоря, не спешили. Как он это воспринимал?

— Один раз я была свидетелем его телефонного разговора. Ему позвонили из редакции и сказали, что стихи опубликовать не могут. «Ну что ж, — ответил он в трубку, — извините за внимание». Потом отошел к окну, постоял немного и вдруг резко сказал: «А все равно меня будут печатать, хоть после смерти, но будут!»

Но при жизни его стихи «печатались» в самых заветных «изданиях» — на могилах погибших альпинистов.

— Вы хорошо знали его характер. Какое качество было в нем главным?

— Доброта. Она проявлялась в нем с детства. Он мог собрать детей из нашего дома на Первой Мещанской и всех кормить или всех одаривать своими вещами: кому игрушку, кому книгу, кому рубашку. Это осталось в нем навсегда. Когда приходили к нему, уже изве-

стному артисту, приятели после каких-то несчастий, он часто лез в шкаф, доставал свитер или пиджак и дарил. На многих я видела его вещи. Помочь человеку он считал своим долгом. Как бы ни был загружен делами, всегда спешил на помощь тем, кто в ней нуждался. Однажды привез домой ящик фруктов, а это зимой было, я его спрашиваю: кому? Оказывается, он едет в больницу — у товарища заболел сын, ему нужны витамины. Друг попал в автокатастрофу, и Володя бросает все дела, мчится далеко от Москвы, сидит сутками у его постели, а потом сам переводит его в столичную больницу.

— Друзей у него было много, и все же кого он считал самыми близкими?

— В школе, я уже говорила, он дружил с Кохановским, в театре долгое время ближе других ему были Валерий Золотухин и Иван Бортник. А в конце жизни, он сам мне как-то раз признался, особенно сблизился с известным геологом В. И. Тумановым.

Однажды он сидел вот на этом самом диване, где вы сейчас, и вдруг говорит: «Знаешь, мама, я прикинул, у меня никак не меньше тысячи друзей, с которыми у меня братские, открытые отношения». На общение с друзьями, на помощь им он тратил, как я думаю, восемьдесят процентов своего свободного времени. У него был какой-то особый дар, он умудрялся помогать, даже если помочь было очень трудно. Он любил говорить: «Людям должно быть хорошо». Именно «людям», чтобы не так высокопарно звучало... Уже поздно, за окном ночь. Мы прощаемся с Ниной Максимовной, выходим на улицу, молчим, но каждый думает об одном и том же человеке, по-прежнему живом.

В чем секрет его феноменального успеха?

Когда мы слушаем его песни, во всем — в напряжении слова и мысли, в тембре грубоватого голоса, в напоре мелодии — мы ощущаем трагедию его личности. Он был человек «преждевременный», он раньше других осмелился громко назвать вещи своими именами. Именно в этом он был впереди своего времени, и мы ощущаем это теперь особенно остро. Он был не просто личностью, он был явлением. И его надо принимать только как единое целое, только все его 42 года, вместе взятые, от первых его слов и деклараций, от решительного «Я буду актером, мама», от дружбы его и ненавистей до самой кончины; до яростной любви к России, Родине.

И тут вспомнились строчки из посвященного Высоцкому стихотворения, которое недавно написал и прислал в редакцию «Огонька» молодой читатель из Одессы Валентин Колот:

«...Носил он совесть слишком близко к сердцу,
Как свой осколок носит ветеран».

Хорошо, что его любит молодежь, которая чутко реагирует на фальшь и неискренность. Хорошо, что он любим теми, кто был на фронте, — фронтовики знают цену и слову, и делу...

Он всю жизнь спешил, спешил сказать людям правду. Правду о самом себе, о своих современниках, о нашем времени. Он спешил и успел...

Сергей ВЛАСОВ,
Феликс МЕДВЕДЕВ

ПОНИМ - КЛУБ

Отец и сын: мастер спорта Николай Владимирович Сафонов и Миша.

Как в цирке

Пони известны давно, когда их использовали в крестьянских хозяйствах, на шахтах. А сейчас у нас в стране пони шотландской породы разводят на конном заводе Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства, который находится в Рязанской области. Можно видеть этих маленьких лошадей и в детских парках, и на аренах цирка.

Вот уже год, как при конезаводе создан «Пони-клуб». Приходят сюда мальчики и девочки, кому уже четыре стукнуло, кому даже шесть, восемь, а то и десять.

С большим удовольствием все они обучаются верховой езде, выполняют вольты, заезды, осаживания, ездят парами... Все как у взрослых спортсме-

нов на спортивных лошадях: и преодолевают препятствия, и прыгают на высоту аж до метра! Это доставляет, пожалуй, наибольшее удовольствие ребятам, а может быть, и самим пони!

Дети ухаживают за пони. Так воспитывается доброта, дисциплинированность. Ребята участвуют в спортивных праздниках, в показательных выступлениях, вызывая восхищение у своих сверстников.

Обо всем этом мне рассказала зоотехник отдела селекции института Елена Борисовна Дубровская. Елена Борисовна — руководитель «Пони-клуба».

М. САВИН
Фото автора

Я люблю свою лошадку!

«Я самая счастливая из женщин».
Александрина Муравьева

«Мало любить хорошее, иногда надо это и выразить. Если это не принесет никакой пользы сейчас, это останется залогом для будущего».
Никита Муравьев

Письма писателей, ученых, художников нередко появлялись на страницах нашего журнала и неизменно привлекали внимание читателей и специалистов.

С этого номера мы открываем постоянную рубрику «Почтовая проза», под которой будет публиковаться эпистолярное наследие XIX и XX веков из государственных архивов и частных собраний.

Ломкие шероховатые листы в проступающем на свет тиснении: «Дж. Ватман, 1825». Бисерный французский почерк Александрины, корявые русские строчки Екатерины Федоровны. Сотни и сотни писем, переплетенные в толстенный том с надписью рукою Никиты Муравьева на французском вверху заглавной страницы: «Письма моей жены и матери. 1826»¹. Послания эти он увез из одиночки Алексеевского рavelина на каторгу, о чем свидетельствует вторая надпись: «Все сии письма, полученные через г-на иркутского губернатора, были мною читаны. Генерал-лейтенант Лепарский I-ой». Скачущая скоропись на русском и французском языках тюремных ответов декабриста заполняет нарезанные «лапшой» оберточные полоски бумаги и отдельные листки. Еще несколько пухлых папок писем Алек-

П. Соколов. Портрет А. Г. Муравьевой. 1825. Акварель. Государственный Эрмитаж. Этот портрет был передан Александрой Григорьевной мужу в Петропавловскую крепость 5 января 1826 г. Его он увез с собой в Сибирь.

Юрий ОСИПОВ

«ВМЕСТЕ С МУЖЕМ МОИМ...»

П. Соколов. Портрет Н. М. Муравьева. 1824. Акварель.

сандры Григорьевны к мужу помечены уже сибирскими адресами...

Уникальный эпистолярный свод этот, за исключением двух-трех фрагментов (в тексте хроники указанных), никогда не публиковался и покоится в обширном семейном фонде Муравьевых на полках Центрального государственного архива Октябрьской революции в Москве. Некоторые письма публикуются нами в отрывках. В композиции не всегда соблюдена строгая хронология.

Общезвестны «Записки» Марии Волконской, «Воспоминания» Полины Анненковой, переписка Трубецких. Активно переиздаются ныне тома литературного наследия декабристов в популярнейшей иркутской серии «Полярная звезда». И вот — поистине беспримерный диалог любви сквозь стены Петропавловской крепости и рудных острогов, надолго приковавший меня и переводчика С. Козицкого к читальному залу архива. Да еще чей диалог!

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи...

«Беспокойный», в ином варианте по записи Вяземского — «вдохновенный» Никита Муравьев, давним пушкинским знакомым мелькнувший в X сожженной главе «Евгения Онегина», вошел в историю как один из вождей и идеологов Северного общества, автор «Конститу-

¹ Все письма, кроме особо оговоренных, публикуются впервые. Перевод писем с французского С. Козицкого.

ции» — основной после радикальной «Русской правды» Пестеля программы восставших. Ему же принадлежат оригинальные военно-исторические труды, критический комментарий к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и, наконец, обличительный разбор совместно с Луниным лживого «Донесения Следственной комиссии» по «делу» декабристов.

Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Это — об Александре Григорьевне Муравьевой.

Некрасов собирался посвятить ей вторую часть своей знаменитой поэмы. Имя ее увенчало легендарный триумvirат первых добровольных изгнанниц из числа одиннадцати «русских женщин», которые, последовав за мужьями и братьями в Сибирь, «возвысились до прекрасного идеала героизма и самоотвержения» (А. Бестужев).

«Удивительный крах людей... Что за бойцы, что за характеры, что за люди!» Именно люди, подчеркивал Герцен. Их подвиг человечности, растянувшийся на десятилетия, едва ли не труднее залитой кровью Сенатской, отчаянного марша черниговцев, кандалных крепостных казематов, виселицы. Они выстояли везде; они обогатили отечественную науку, общественное движение, искусство и литературу, толкнули вперед просвещение, культуру и экономику Сибири, не переставая при этом страдать за близких, любить и быть любимыми,

радоваться горькому отцовству и мечтать о счастье.

Вот почему не только «дум высокое стремление», но и житейский, повседневный опыт и уроки долгой жизни той «гвардии между ссыльными» нам не дано забывать. Ибо, как мудро сказал Лев Толстой: «Декабристы всегда интересны и вызывают самые серьезные мысли и чувства».

* * *

«От петербургского военного генерал-губернатора. Секретно. Орловскому гражданскому губернатору. 18 декабря 1825 года. В числе лиц, дерзнувших на происшествие, о котором Вашему превосходительству известно из высочайшего манифеста, находился капитан гвардейского Генерального штаба Муравьев Никита, отправившийся к тестю своему Григорию Чернышеву в его имение Тагино, в аверенной Вашему превосходительству губернии. Имея высочайшее его императорского величества повеление преследовать сего мятежника, как одного из главных зачинщиков, прошу Вас, не теряя времени, поручить, кому следует, взять его под крепкий надзор и отправить сюда с моим нарочным, придав для караула другого чиновника. Везти скованного».

Н. Муравьев — жене:

«Мой добрый друг, я прибыл в Москву декабря 23-го дня в восемь часов утра. Было очень холодно, но благодаря предусмотрительности твоей, мой ангел, и отца твоего, я перенес холод великолепно... Крепко обними за меня матушку свою, папеньку и детушек наших. Тебя же целую так, как люблю. Помни о данном обещании беречь себя: мать семейства в твоём нынешнем положении имеет священные обязанности и, чтобы их исполнять, прежде всего нужно чувствовать себя хорошо».

«Коменданту Петропавловской крепости, генералу Сукину. Декабря 26-го. Государственного преступника Никиту Муравьева посадить по удобности под строжайший арест; дать, однако, бумагу. Николай».

Н. Муравьев — жене, 29 декабря 1825 года, в одиночной камере:

«Мой добрый друг, помнишь, как при моем отъезде ты говорила мне, что можно ли опастись, не сделав ничего дурного? Этот вопрос тогда пронзил мое сердце, и я не ответил на него. Увы! Да, мой ангел, я виновен, — я один из руководителей только что раскрытого Общества. Я виновен перед тобой, столько раз умолявшей меня не иметь никаких тайн от тебя. Сколько раз с момента нашей женитьбы я хотел раскрыть тебе эту роковую тайну... Я причинил горе тебе и всей твоей семье. Все твои меня проклинают... Мой ангел, я падаю к твоим ногам, прости меня! Во всем мире у меня остались только мать и ты. Молись за меня богу; твоя душа чиста, и ты сможешь вернуть мне благосклонность неба...»

А. Муравьева — мужу, 2 января 1826 года: «Мой добрый друг, мой ангел, я уже здесь следом за тобой, приехала 30-го дня. Когда я писала тебе в первый раз, твоя мать не передала мне еще твое письмо, оно было для меня ударом грома! Ты преступник! Ты виновный! Это не уместается в моей бедной голове... Ты просишь у меня прощения. Не говори со мною так, ты разрываешь мне сердце. Мне нечего тебе прощать. В течение почти трех лет, что я замужем, я не жила в этом мире, — я была в раю. Счастье не может быть вечным... Не поддавайся отчаянию, это слабость, не достойная тебя. Не бойся за меня, я все вынесла. Ты казнишь себя за то, что сделал меня кем-то вроде соучастницы такого преступника, как ты... Я самая счастливая из женщин».

Ты грешешь, полагая, что все мои тебя проклинают. Ты знаешь их безграничную привязанность к тебе. Если бы ты видел печаль бедной парализованной мамы! Последнее слово, которое я от нее услышала, было твое имя. Ты говоришь, что у тебя никого в мире нет, кроме матери и меня. А двое и даже скоро трое твоих детей, зачем их забывать? Нужно себя беречь для них больше, чем для меня. Ты способен учить их, твоя жизнь послужит им примером. Не теряй мужества...»

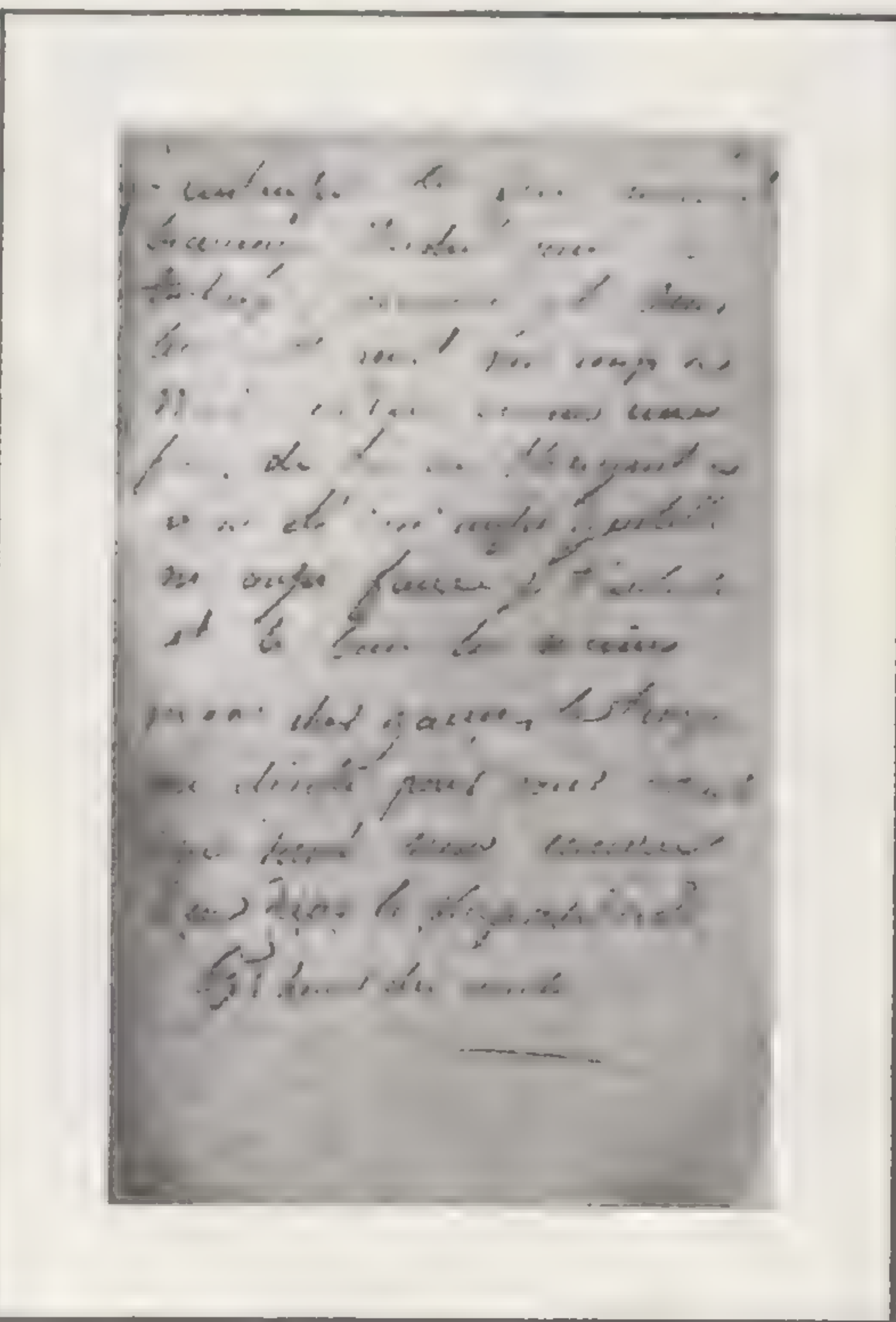
¹ Это и следующее письмо приводится в кн. Э. А. Павлюченко «В добровольном изгнании», М. 1976, с. 15—18.

Отвлечемся ненадолго на этой высокой ноте от писем и поближе познакомимся с семьями наших героев.

МИХАИЛ НИКИТИЧ МУРАВЬЕВ лично занимался воспитанием двух сыновей: старшего — Никиты и младшего — Александра, руководил их образованием. Да и немудрено. Эрудит, писатель, крупный культурный деятель старинного дворянского рода, он в 800-х годах, на склоне дней, занимал должности попечителя Московского университета и товарища министра просвещения. В семье и обществе его имя неизменно окружалось пиететом. Большой дом Муравьевых «всегда был открыт для друзей и родственников, которые, по тогдашнему обычаю, приезжали из провинции, иногда целыми семьями, подолгу жили у гостеприимной и бесконечно доброй ЕКАТЕРИНЫ ФЕДОРОВНЫ. По воскресеньям у них... случалось, что за стол садился человек семьдесят! Тут были и военные генералы, и сенаторы, и безудная молодежь, блестящие кавалергарды и скромные провинциалы — все это были родственники, близкие и дальние».

Мы находим меж ними и таких людей, как Батюшков, Лунин, И. М. Муравьев-Апостол, дипломат и литератор, отец трех будущих декабристов — Сергея, Матвея, Ипполита...

После смерти главы семьи все заботы легли на плечи тридцатилетней вдовы, оставившей ради детей светскую жизнь. Тем не менее дом ее по-прежнему посещали; и хотя Екатерина Федоровна, судя по письмам, явно не в ладах была и с русской, и с французской грамматикой и уж очевидно не отличалась образованностью, это не мешало подолгу гостить

Первая, карандашная записка Н. М. Муравьева жене от 29 декабря 1825 г. В конце указано: «Пять часов утра». Воспроизводится впервые.

у нее на Караванной Карамзину, Жуковскому, Пушкину...

Немало, собственно, чтобы с благодарностью помнить имя женщины, подарившей Отечеству двух декабристов. Однако неиссякаемый запас материнской любви ее распространялся на всех «государственных преступников», и до последнего часа она, не щадя сил, чем могла помогала им. Мало того, свято верившая в бога и государя, Екатерина Федоровна сама, по сути, оказалась «бунтовщицей». Недаром Полина Анненкова пишет, что братьев Муравьевых старались поскорее отправить на каторгу: слишком смелой и беспокойной была их мать.

Проводы декабристов запрещены, а она провозжает не только сыновей, но и племянника Лунина, Матвея Муравьева-Апостола, Янушкина... На первой же станции снабжает всех деньгами. Это она стыдит мать Ивана Анненкова за равнодушие и судьбу сына. Жена декабриста Юшневского сообщает брату мужа: «...Я еду теперь в Сибирь, имея все, что только мне нужно. Дала Екатерина Федоровна коляску, за которую заплатила 300 р. серебром и которая сделана на заказ лучшим мастером в С.-Петербурге. Одним словом, она меня так проводила в дорогу, что, если бы я была ее дочью любимой, она не могла бы больше войти во все подробности и во все мои надобности».

Вот какой предстает перед нами дочь крупного дельца екатерининской эпохи, откупщика Колокольцева, получившего баронский титул. «Бывают странные сближения», — говорил Пуш-

кин. Двадцати трех лет выйдя замуж за капитана гвардейского Генерального штаба и принеся ему миллионное состояние, Екатерина Федоровна сделала затем ревностной охранительницей самозабвенной любви невестки и «старшенького» — вновь гвардейского Генерального штаба капитана, сберегла для потомства их редкостную переписку. Да и как могло быть иначе, если в Историческом музее вам покажут трогательно перевязанную атласной лентой стопку листов с «тысячью поцелуев» в конце каждого, надписанную дрожащей старческой рукой: «Письма моего Друга ко мне с дежурства».

Когда Александрина отправилась вслед за мужем, Екатерина Федоровна взяла на воспитание трех внучат. Посылая невестке и сыновьям все, что требовалось для жизни в рудниках, а затем на поселении, она с готовностью выполняла любые просьбы их «соузыников-друзей»: искуснейший доктор Вольф получает от нее великолепную аптечку и набор хирургических инструментов, художник и изобретатель Николай Бестужев — рисовальные принадлежности, а впоследствии, когда он занялся изготовлением в подарок товарищам часов и хронометров, — «полный часовой механизм».

Неудивительно, что после 1826 года московский дом Е. Ф. Муравьевой стал своеобразным центром, куда стекалась вся информация о сибирских изгнанниках, их зачастую нелегальная корреспонденция. Там же можно было узнать, как лучше снестись с «заклученниками», отправить им деньги, посылки.

Умерла Екатерина Федоровна в 1848 году, на пять лет пережив Никиту и не дождавшись возвращения Александра. «Дитя каторги», дочь Никиты и Александрины С. Н. Бибинова (Нонушка) рассказывала о бабушке уже ее правнучке: «Она чуть с ума не сошла от горя и целые дни и ночи молилась. От долгого стояния на коленях у нее на них образовались мозоли, так что она не могла ходить и совершенно ослепла от слез».

* * *

Софья Никитична было что порассказать дочери о семействе боготворимой ею матери, которой она лишилась в раннем детстве.

Глава семьи, граф ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ, «офрануженный вельможа», считался изрядным чудачком и мотом, хоть и не успел спустить всего своего громадного состояния. Выручали имения, разбросанные «чуть ли не во всех губерниях», необозримые пашни, леса, тысячи крепостных.

Детям своим — одному сыну и шестерым дочерям — он сумел привить понятия чести, добра и красоты, которые привели в Сибирь блестящего ротмистра Кавалергардского полка, единственного наследника родового майората. Таким образом, через Захара, члена Северного общества, племянника Вадюковского, не говоря уже о муже Александрины и его родне, события 14 декабря непосредственно ударили также по этой до того столь счастливой семье.

Когда Александрина уехала в Сибирь, сестры держались так, будто они «тоже в изгнании». «Мы собираемся только, чтобы поговорить о дорогих предметах нашей страсти и нашей скорби! — писала Луину его сестра. — Союз, связывающий всех членов этой семьи, воистину замечательный».

И опять, как у Екатерины Федоровны Муравьевой, свое горе не делает их глухими и страданиям других. Старшая из сестер воспитывает двух дочерей дальнего родственника, декабриста В. Л. Давыдова, заслужив его восторженный отзыв («только одна в мире Софья Григорьевна, только одна», «можно ли быть добрее, внимательнее, нежнее она»). Действенное участие принимают сестры Чернышевы в судьбе отправлявшейся в Сибирь жены декабриста Розена. Причем Вера Григорьевна «со слезами просила взять ее с собою под видом служанки, чтобы она там могла помогать сестре своей» (Наталья Григорьевна тоже «просила тогда позволения у императора делить с сестрою изгнания и лишения»).

Старик Чернышев в результате обрушившихся на него несчастий утратил прежнюю веселость, впал в мистицизм, спать ложился в собственный гроб. И хотя все сестры благополучно вышли замуж (старшая — за И. Г. Кругликова, которому, по решению Комитета министров, были переданы майорат Чернышевых, графский титул и фамилия), они до конца дней свято хранили память об Александрина и ее муже, не вернувшихся из Сибири.

Такова домашняя атмосфера, окружавшая эту совершенную супружескую пару, таковы семейные устои и традиции, в которых наши герои черпали силы.

Ну, а сами они с их всепобеждающей любовью, до встречи друг с другом и в начальную безоблачную пору своего счастливого брака?

На первый взгляд полная противоположность. По крайней мере в юности. Увлеченная музыкой, литературой, порывистая и эмоциональная до экзальтации Александрина — «ум набекрень», как заявлено в ее девичьем дневнике. И — спокойный, уравновешенный, рассудительный Никита, уверенно продвигавшийся по генштабовской лестнице. Его ум трезв и аналитичен. Ранний интерес к истории, в пятнадцать лет — физио-математический факультет Московского университета; на службе — топографические съемки, составление маршрутов частей; на досуге — «Рассуждения о жизнеописаниях Суворова»... Но кроме того — побег из дому, из университета в армию, отступавшую на Бородино, с которой он потом дошел до Парижа; внезапные томления сердца, бросающие его из одной крайности в другую и лишь с трудом усмиряемые рассудком. Подобно многим своим будущим армей-

ским товарищам по борьбе, он возвращается в Россию из Парижа, где одно время проживал у Коленкура и в гневном недоумении наблюдал реставрацию Бурбонов, совсем другим человеком. «Беспокойный», «вдохновенный». Нет, эти пушкинские эпитеты отнюдь не произвольны. Было в нем, видимо, нечто такое, что прорывалось из-под покрова обычной сдержанности. Как была, несомненно, и та сокровенная страсть, которая питала любовную одержимость обессмертившей себя рядом с ним женщины.

А теперь пора вернуться к их письмам.

3

Н. Муравьев — жене, 8 января 1826 года:
«Душа моя, мой ангел! Опасаюсь, как бы ты не повредила свое здоровье, так быстро прижавшись из Орла в Петербург. Твое поздравление с Новым годом я получил и сполна заслужил наказание мучиться неизвестностью во время твоих близящихся родов, не имея возможности ухаживать за тобою, как в прошлые разы. Помни, мой ангел, что тебе нужны силы; поэтому постарайся не плакать, не поддаваться тоске и отчаянию... Я почти сердит на Кати, которая все повторяет: «папа, папа». Должно быть, у тебя от этого сжимается сердце. Рад, что нашли хорошего врача. Надо бы заранее уговориться с сиделкой.

Милый друг, отныне ты и дети — единственный смысл моего существования, если бог отпустит мне еще срок жизни. Перечитываю постоянно и целую строки, написанные твоей рукой. Они вселяют в меня бодрость и надежду. Поверь, дорога сюда закалила мою душу; никакие испытания мне теперь не страшны. Благословляю тебя и детей. Обнимаю вас от всего сердца.

Чуть было не забыл. Ты напрасно утруждала себя передачей мне кувшина для умывания. У меня здесь есть, правда, тяжелый...

А. Муравьева — мужу, 9 января:

«Дорогой Басинька! Всякий раз, как слышу шаги, кажется, будто это ты. Если б я только могла пойти за тобой в самый ужасный карцер, я бы чувствовала там себя с тобою счастливой. Несчастье лишь усиливает, если такое вообще возможно, все мои чувства к тебе... Я смогу все вынести, пока ты жив, и всю жизнь буду благодарить небо за то, что оно связало мою судьбу с твоей. Если б я только могла разделить с тобою твой горестный кров, если б только могла! — ты не увидишь бы на моем лице ни единого следа печали. Большого не скажу, дабы не причинить тебе нового страдания. Будем любить друг друга вечно, Никита, это — наше единственное счастье... Твоя жена и друг Александрина».

«...Могла ли я когда-нибудь помыслить, что мы окажемся в одном городе и не сможем увидеться...»

Н. Муравьев — жене:

«...Умоляю тебя, не перетруждайся и не носи ты, ради бога, на руках Кати. Она и так достаточно тяжела, а в твоём нынешнем положении способна причинить тебе серьезный вред. Ты непременно должна выезжать в карете с открытыми окнами — подышать свежим воздухом, если уж никак не можешь решиться ходить гулять. Во всяком случае, прошу тебя заглядывать в обе гостиницы; эти домашние проходы хоть как-то заменят тебе уличные прогулки. И все же, ангел мой, постарайся немного гулять, ради меня, лучше после обеда...»

«Хочу дать тебе, душа моя, одно поручение. Поищи у меня в кабинете, в третьем или четвертом застекленном шкафу справа от двери библию в сафьяновом переплете. Она стоит среди книг по истории, прямо на уровне глаз, так что тебе не придется наклоняться. Надеюсь, государь разрешит доставить ее мне...»

А. Муравьева — мужу:

«...Доволен ли ты моими распоряжениями? Кажется, я ничего не упустила из того, о чем ты просил. Нынче утром, когда, наконец, взяла себя в руки и вошла в твой кабинет, я слезно тебя увидела, ангел мой, Никита! Ты меня избаловал, приучил, глупую, к себе так, что я совсем пропала и осиротела без тебя... Если б ты мог меня видеть, это придало б тебе отваги, потому как я, всего лишь слабая женщина, упрямо все переносю. Ходила сегодня, послушавшись твоего совета, по комнатам; нелегко, милый мой друг, мне было в них входить. Ты так любил нашу гостиную, там твои шахматы — та шахматная доска, что мы

вместе выбирали... В отсутствие наше доделали, как ты хотел, большой камин... Я ощущаю себя телом без души, не могу никуда глаза обратить; везде, мне мерещится, тебя вижу. Вот уже четвертый день, как от тебя нету вестей...»

Из показаний Н. Муравьева Следственному комитету:

«Я полагал. Первое. Распространить между всеми состояниями людей множество экземпляров моей Конституции. Второе. Произвести возмущение в войске и обнародовать оную. Третье. По мере успехов военных, во всех занятых губерниях и областях приступить к собранию избирателей, выбору тысяцких, судей, местных правлений, учреждению областных палат, а в случае великих успехов — и Народного вече. Четвертое. Если б и тогда императорская фамилия не приняла конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение республиканского правления...»

А. Муравьева — мужу, 10 января:

«...Проезжала сегодня мимо крепости, милый друг, так близко к тебе! Глаз не могла отвести от этих стен, будто умею видеть сквозь камень... Всю ночь, наверно, готова была бы стоять перед крепостными воротами. О, как же я завидую тем, кто имеет право туда входить!...»

«Ты пытаешься обмануть меня своими письмами, милый Басинька, хочешь казаться спокойнее, чем ты есть, говоришь со мною о какой-то двери в салоне, о ковре; тебя все это интересует не больше моего. Не пиши о прошлом — его не вернуть, так чего ради его вспоминать. Помни, что любовь взаимная наша достаточна для нашего счастья и благополучия наше в нас самих. Я ведь не стремлюсь видеть вещи в розовом свете и готова ко всему; вот только эта мучительная неопределенность... Последние письма твои писаны очень неразборчиво, меня это пугает. По-моему, ты нездоров и скрываешь от меня. Представляю, сколь ты переменялся. Я думаю о тебе с такой живостью, что вдруг спохватываюсь: говорю-то сама с собой, и дыхание перехватит. А чем более стараюсь взять себя в руки, тем сильнее страдаю...»

У меня два твоих портрета; ни тем, ни другим я не довольна. Тот, акварельный, Соколова, вовсе не похож, а его же, карандашный, — поразительный, только, бог вест, куда ты на нем смотришь; на меня — никогда...»

Н. Муравьев — жене:

«Любезная Сашенька! Ты можешь не тревожиться насчет моего здоровья, пишу тебе истинную правду. Скверные перья и чернила — вот причина неразборчивости моих писем. Явственно ли я написал сегодня?

Душа моя, я совершенно спокоен, много занимаюсь, читаю. Постоянно в мыслях о тебе. Податель сей записки расскажет подробности обо мне, как очевидец... Я переведен в другую камеру и отделен от соседа деревянной стеной, что дает нам возможность беседовать целый день, и даже я передаю через него мои мысли своим соседям с другой стороны. Из окна я вижу, как ведут в баню моего шурина. Захар чувствует себя хорошо. Я тоже не жалуюсь на здоровье. Мы с соседом придумали играть в шахматы. Каждый смастерил себе доску, нарезал маленькие кусочки бумаги с обозначением фигур, и мы уже сыграли таким образом с десятков партий. Я роздал соседям все, что вы мне посылали, вот почему продукты израсходовались так быстро... Твоими распоряжениями я очень доволен. Нам подали надежду в скором завершении нашего дела. Прощай, мой ангел, целую тебя так крепко, как люблю! Этот человек — мой часовой и увидит меня еще до ночи...»

«Команданту Петропавловской крепости генералу Сукину. Необходимо тщательно расследовать непрекращающиеся случаи передачи тайной государственными преступниками писем на волю. Николай».

Исследователи утверждают, что через подкупленную стражу (за записку приходилось платить по 50 рублей) Муравьев давал указания жене и матери относительно уничтожения обличающих его бумаг. Академик Дружинин,

ссылаясь на полное отсутствие в сохранившемся архиве декабриста среди разнообразных исторических и военных записок каких-либо политических заметок, усматривает в этом очевидный факт: Муравьев «успел уничтожить руками своей жены все имевшиеся вещественные улики». А ведь письма Александры Григорьевны, как и воспоминания Марии Волконской, другие документы эпохи, показывают абсолютную неосведомленность жен декабристов в тайных делах мужей даже накануне выступления. И тем не менее двадцатидвулетняя красавица графиня сумела, значит, справиться с нелегким, опасным поручением, отведя еще большую беду от любимого человека.

А. Муравьева — мужу, 20 января, 8 часов вечера:

«Не могу прийти в себя, мой милый, мой дорогой Никита, после нашего первого свидания за этот мучительно долгий месяц. Какое счастье для меня! Я даже никому не рассказываю... Ты сказывал, что еще утром не гадал меня увидеть через несколько часов. Я же знала о свидании за два дня, но не писала тебе, боясь, как бы оно не сорвалось.

Вчера, направляясь в комнату, где мы должны были встретиться, я едва на ногах держалась, и сердце колотилось так, что дышать не могла. Но только тебя увидела и обняла, как почувствовала себя в покое и безопасности, как всегда испытываю рядом с тобой. Кажется, никакая беда не страшна, коли мой добрый Никита со мною...»

«...Настоящее несчастье — это, когда страдают те, кого любишь. Если б я имела возможность хоть изредка видеть тебя, ничто на свете меня бы не сломило, никакое физическое несчастье; я согласилась бы стать глухой, парализованной, лишь бы не расставаться с тобою, и все равно была бы счастлива!...»

«...До родов остается семь — восемь недель, за это время много чего может случиться — и хорошего и плохого. Постараюсь научиться переносить свою участь с большим терпением и самоотречением. Сколько видим мы примеров женщин куда несчастнее, чем я...»

Н. Муравьев — жене:

«Любезная Сашенька, жизнь моя, единственный милый мне человек! Вот и зима уже на исходе... Я, слава богу, здоров, занимаюсь и утешаю надежды на новое свидание. Сохраняй силы, не тоскуй. Как деточки наши? Вспоминает ли Кати обо мне?..»

А. Муравьева — мужу:

«Четырех строк, равно как четырех страниц, довольно, чтобы сообщить известия о себе; давно уже опасаясь я злоупотребить данным нам разрешением писать к тебе... Я не теряю мужества, я следую твоему примеру и полагаюсь на бога. В остальном я, словно девочка, хочу получать от тебя длинные письма. Скажи, мой милый друг, почему ты пишешь с каждым днем все меньше и неразборчивее избалованной тобою Александриной?»

Никитушка, ты так часто интересуешься, что поделявают наши дети. Признаться, я думала, ты просто желаешь отвлечь меня немного от грустных мыслей. Ну да все равно... Просыпаются они обыкновенно в шесть часов утра, редко когда спят до семи, и сразу начинают по-своему беседовать в кроватках; не плачут, но терпеливо ждут, пока няньки встанут и приготовят им завтрак. Спрашиваю у Кати, где папа, — она принимается тебя искать и при этом лопочет жалобно, а у меня сердце разбивается, на нее глядя.

Не в состоянии хладнокровно смотреть на счастливые супружеские пары. Увижу случайно в окно, как прогуливается муж со своею женой, тут и разрываюсь. Вчерашнего дня мелькнул на улице тот самый офицер из нашего штаба, что так похож на тебя, и я в прямом смысле чуть было не упала — невозможно без боли видеть этот мундир и черный плюмаж...»

«...Скажи мне, как ты хочешь назвать нашего будущего ребенка, — мы это с тобой никогда не обсуждали. Клянусь тебе, любое имя, которое ты выберешь, будет для меня самым желанным!»

«...По ночам мне все время снится крепость...»

Конец I части.

И. Бродский. ДВОРЕЦ ХЕНЕРАЛИФ. ГРЕНАДА. 1909.

Музей-квартира И. И. Бродского. Ленинград

См. 2-ю обложку.

— Приезжайте с товаром! Привозите лук, арбузы, чеснок, перец, яблоки — что наметили к продаже, все привозите...

Но первый десант был робким. Я размышлял: отчего так? Может, думал, мы так крепко усвоили запреты прошлых лет, что не смогли сразу расслышать сегодняшнее разрешение? А оно таково: тридцать процентов урожая полей и садов можно везти на базар. И все будет засчитано в план... Как-то нерешительно в тот день подкатили запыленные дальней дорогой грузовики и прямо на асфальт стали выгружать ящики с аппетитными крутобоками помидорами, золотистые дыни, сладкий перец... На проспекте Мира, на площадке перед универмагом, разгрузили две машины яблок из Армении. И пустили их по такой цене, что москвичи не сразу и поверили. А когда поняли, что это не шутка, вмиг раскупили.

Уже следующие приезды оказались более организованными. В одну из торговых суббот (продажа идет и в воскресенье) только из областей Российской Федерации привезли более 10 тысяч тонн разной плодоовощной продукции.

Торговля шла бойкая, товар оказался недорогим, несмотря на его добротность, на качество. Посудите, удержится ли при таком-то положении перекупщик, который привык диктовать свои цены? Он и отправился восвояси...

А торг набирал силу и масштабы. Кооператоры Кубани осваивают площадку перед Рижским рынком. Едва развернули свои прилавки, как цены на самом рынке стали ниже. А тут еще подоспели представители Чимкентского облагпрома, воронежцы; а из Рязанской области, из совхоза «Октябрьский» привезли такие «коричневые» яблоки, что я не удержался, купил два килограмма. И потом жалел: почему только два?.. На подходах к Рижскому рынку, на большой и просторной площадке, тесно от машин, от продавцов и покупателей. Картошка из Рязанской области (прекрасная, отборная по 16 копеек за килограмм), яблоки из-под Курска, несколько машин из Воронежской области.

Красивый идет торг. Шумный, как и положено ярмарке. Подчас даже излишне шумный. Каким-то образом тут оказался бойкий инструментальный ансамбль, — а эти могут перекричать кого и что угодно. Да и магнитофоны откуда-то взялись: один, второй, третий... На ярмарку приехали столичные магазины и решили удивить не товаром, а громкой музыкой. И никто не догадался использовать всю эту электронику для того, чтобы время от времени

давать полезную, нужную информацию: так, мол, и так, сейчас есть огурцы, капуста и баклажаны; на подходе еще две машины с картошкой; а во второй половине дня ждем яблоки. Могли бы по такому радио объяснить продавцам, где они могут съесть суп (и второе!), выпить стакан горячего чая. Потому что без нормального обеда работать два дня — такая диета не каждым была запланирована. Тут я скажу, что искреннее радушие, с которым москвичи встретили корабейников из разных областей страны, не всюду было подкреплено организацией дела. Правда, с гостиницами и распределением по районам вроде бы разобрались — Моссовет, райисполкомы тут сработали хорошо. Но вот столовые для приехавших, похоже, так и не наладили. На той же площади перед Рижским рынком подторговывал холодной буфетной едой вокзальный ресторан. Ходила разносчица с лотками бутербродов. Обед ли это для водителя рефрижератора, что день и ночь гнал автомобиль, что привык у себя дома к наваристому горячему борщу?

Базар. Но уже нет таких беспардонных цен, к которым приучали те, уехавшие. Помните, «гранат один штук 2 руб.», помидоры два с полтиной, а то и три. А виноград — тут уж не торгуйся, не обсуждай... Даже морковь шла не на килограммы, а на штуки. Теперь по субботам и воскресеньям такого произвола нет. И в понедельник цены божеские — обычный, не колхозный продавец все еще находится под впечатлением вчерашнего торга. Но со вторника снова начинает набирать силу и власть частный торговец. Предположить, что «частный сектор» (а перекупщик тем паче) сдаст сам собой свои позиции? Нет, рынок не тотчас расстанется с привычками. И поэтому город должен всячески помочь тому, чтобы колхозный и совхозный десант закрепился на столичной площадке. Город должен пойти навстречу продавцу коллективному, колхозному и совхозному. Прежде всего озаботиться тем, чтобы встретить такого продавца деловым гостеприимством. Тут и гостиницы, и хорошая, недорогая столовая.

И о культурной программе пора подумать: вечера-то у корабейников свободны. Пока не просчитана экономика привозной торговли, а она непроста и неоднородна: приезжают не пять — десять человек, а многие сотни. Может, найти им какую-то подмогу среди самих москвичей? Может, кто-то из горожан согласится поработать за таким прилавком?

Формула любого дела — дело!

И надо искать продолжение хорошего начинания по-деловому...

А. Сабонис в атаке.

Фото А. Бочинина

МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ КУБОК У «ЖАЛЬГИРИСА»

В Литве много прекрасных баскетбольных команд, а каунасская команда «Жальгирис», которую умело ведет от успеха к успеху ее тренер Владас Гарастанас, стала сильнейшей командой Советского Союза. И вот теперь чемпионы страны завоевали один из самых престижных международных призов — Межконтинентальный кубок.

Сильнейшие команды мира встретились в Аргентине, и свой победный путь советские баскетболисты начали в Кордове, где они победили чемпионов Южной Америки — баскетболистов бразильского клуба «Монте Либерано». Затем, выиграв матч у пуэрто-риканской команды «Карибурос», наша команда завоевала право играть в полуфинале, в котором она победила югославскую «Цибону» с разгромным счетом 104:77. В финале «Жальгирис» со счетом 84:78 победил аргентинский клуб «Ферро Каррил Оесте». Героями этого решающего матча были Арвидас Сабонис и Вольдемар Хомичус.

позовите светило!

Собственному корреспонденту «Огонька» по республикам Закавказья Ие Семеновне Месхи исполнилось... Ну, словом, исполнилось... Репортаж, который мы предлагаем вниманию читателей, говорит о том, что юбиляр находится в хорошей спортивно-журналистской форме.

Все происходит далеко не так феерично, как это описано в «Необычайном приключении, бывшем с Владимиром Маяковским летом на даче». Но главное все же соответствует сценарному плану: человек приглашает к себе солнце (можно и на дачу!), и оно, злато-лобо, представьте себе, заявляется. Правда, не с тем, чтобы чаевничать. Отношение у нас к нему меркантильное.

Что оно может? Может отдавать нам свою энергию. Это общеизвестно, над этим давно работают ученые: ищут, пробуют, сооружают большие и сложные солнечные установки. А что бы заполучить от него попроще, поближе к обыкновенным человеческим потребностям? Ну хотя бы самое необходимое в быту — теплую воду. Можно позвать светило для такой работы?

— Можно. И мы этим занимаемся.

Это говорит Нугзар Варламович Меладзе, кандидат технических наук. Он возглавляет в Грузии Управление по монтажу и наладке гелиотехнических систем. Он энтузиаст этого дела и, как все энтузиасты, сколотил вокруг себя ма-

ленький коллектив инженеров, молодых горячих приверженцев гелиозации (новый термин!) быта. Вместе они следят за научной литературой, привлекают к своим проблемам такие научные учреждения, как Институт высоких температур АН СССР, Энергетический институт имени Г. М. Кржижановского Минэнерго, Ленинградский институт точной механики и оптики, ВНИИ синтетических смол. Не говоря уже о тбилисских институтах, в одном из которых (гидроэнергетики и сооружений) Нугзар Меладзе продолжает сотрудничать и сейчас.

Главное действующее лицо гелиотехнической системы — солнечный коллектор. Внешне, как портфель-дипломат, только побольше размером. Один бок стеклянный. Под стеклом черный радиатор, поглотитель тепла, под ним — термопласт, его задержатель. В радиаторе нагревается и циркулирует вода, примерно со-

рока-шестидесятиградусная. Она поступает в бак-аккумулятор и дальше по назначению. Всего двадцать деталей в коллекторе, считая каждый винтик.

С некоторых пор коллекторы стали продаваться в тбилисском магазине «Все для дома». Два коллектора со столитровым баком могут обеспечить теплой водой одного человека (для семьи нужно больше!). В общем, покупка вместе с монтажом и наладкой, гарантируемой управлением, обходится в двести рублей. Но на этом затраты клиента заканчиваются. Ни тебе денежных взносов, ни квитанций, ни контролеров.

— Теперь мы лучше чувствуем своего потребителя, — говорит Нугзар Меладзе, — потому что проверяем свою работу в большой и разнообразной практике. Главное — сделать коллектор еще проще и экономичнее, еще дешевле и эстетичнее. Все, что мы возьмем от солнца, нужно удер-

жать как можно дольше и надежнее.

У него много интересных идей, которые постепенно прорабатываются и уточняются. Например, идея создания маленьких турбин (от 0,5 до 1,5 киловатта) на солнечных коллекторах. Первая сушилка для хурмы уже отправилась на испытания в субтропики. Волнует проблема использования зимнего солнца, которое может, оказываясь, накопить теплую воду вперед на пять бессолнечных дней.

Уже выпущено более одиннадцати тысяч квадратных метров гелиоколлекторов, которые несут в республике самую различную службу.

Идет монтаж солнечных панелей на территории автотранспортного предприятия № 4. Бригадир монтажников из меладзевского хозяйства А. А. Васильев крепит панели (72 штуки!) на большой наклонной крыше-стене, под которой распо-

У солнечного дома. Кандидат технических наук Н. В. Меладзе (справа) и бригадир монтажников А. А. Васильев.

Фото С. Киладзе

ложатся кабины с душем. Работа подходит к концу. Таксисты, изнывающие от летнего пекла, похоже, не будут уже так неистово ругать тбилисское солнце: оно печет, но оно же и освежит после смены...

Меладзе везет за город в Телетский животноводческий комплекс. Здесь в одном из отделений смонтирована установка во дворе. Вода по трубам поступает в коровник. Нас обступают доярки.

— Да, уже второй год как пользуемся, и очень нравится, — дружно отвечают на вопрос о новинке. — Восемь месяцев не зависим от электроэнергии, всегда есть чем обмыть коровам вымя, прополоскать молочную посуду...

— Кто же обслуживает установку?

— А что ее обслуживать? Сам бригадир зимой выпускает воду, а весной снова заполняет. И все заботы.

В каких же еще сферах человеческого быта применимы гелиоустановки? Успехом пользуются они на Черноморском побережье, в домах отдыха, в пионерских лагерях, которые работают в летние месяцы, и не нужны им никакие котельные. Всего гелиозировано по Грузии 62 объекта — не так много, как хотелось бы. Меладзе завален письмами-заказами и просьбами. Суммарная потребность на коллекторы по этим письмам составляет 20 000 квадратных метров.

Откуда взять эти метры? На энтузиазме начали все дело, пристроились на чужой территории, достали списанные станки и вдохнули в них жизнь, сами наладили поточную коллекторную линию. Но в какой тесноте все это делается! Как ограничены возможности производства! В так называемых цехах просто негде повернуться...

Хотя Меладзе и не жалуется на отсутствие помощи со стороны Грузминмонтажспецстроя, под эгидой которого создана эта солнечная контора. Напротив, у него к нему лишь чувство благодарности. Не сетует он и на отсутствие внимания со стороны республиканского Госкомитета по науке и технике. И все же... Завершилась пора первых испытаний делом, проверок и наблюдений. Гелиозация быта себя оправдывает, и надо существенно ее расширить на хорошем техническом уровне. Сколько достоинств у новинки: экономия топлива, дешевизна, простота эксплуатации. И еще очень важный момент. Один житель Гагры, обладатель солнечной панели для душа, сказал так: «Мне особенно приятно, что вода подогревается самым чистым на свете источником энергии — солнцем!» Наверно, и с этим тоже надо считаться.

Триста дней в году шпарит солнце в солнечной Грузии. Но разве мало у нас других, не менее солнечных республик? Или в том же Подмосковье с его животноводческими хозяйствами, домами отдыха, пионерлагерями, садово-огородными участками мало погожих солнечных дней?

Приглашайте, люди, светило. С ним, если снова обратиться к Маяковскому, всегда можно на «ты».

Владимир САВЕЛЬЕВ

РАБОЧИЙ РИТМ

Рабочая моя юность прошла на волжских берегах, и значительная ее часть — на Саратовском судоремонтном заводе, в котельном цехе, где среди грохота и огня особо не отвлеешься от дела, но и бездумно тоже не проведешь смену. В ту пору телевидение распространялось не по всем градам и весям, мы много читали, в том числе и поэзию, знали наизусть строки из «Рабочего дня» М. Луконина, «Любавы» Б. Ручьева, «Строгой любви» Я. Смелякова, ибо в чертах героев этих «рабочих» поэм находили родственные нам самим черты. У заводских мастеров я проходил школу жизни, а у мастеров поэзии постигал науку поэтического труда.

СЛОВО О КРАНОВЩИЦЕ

В цеховом пролете кран скрипит в полете.
А в кабине крана Нюрка при заботе.
А на хмурой Нюрке синяя косынка.
А фигурой Нюрка — ровно хворостинка.
Худенькая Нюрка. Новенькая роба.
За народом Нюрка наблюдает в оба.
Новенькая роба. Старые ботинки.
Нет простора косам под крылом косынки.
Нет им воли — мягким, толстым,
темно-русым.

Вот шумнула Нюрка:
— Не балуй под грузом!
Не клонись с утра-то, как рябина, долу! —
Возражать слабо тут слабому-то полу,
и никто не тратит порох на ответы.

Не слабо лишь Нюрке расточать советы.
Учинять разносы. Делать замечанья.
А по сути Нюрка — хрупкое создание...
Хрупкое, да все же вроде бы не очень,
судя по усмешкам молодых рабочих.
Нюрка, доскаты, наша (вон ее кабина!)
не равна мужчине — выше, чем мужчина.
Всех нас, бедных, жучит, яблоки моченые.
Всех нас, бедных, учит — все мы тут ученые.
Стреляные, битые, тертые — работа:
кулаки — с кувалду, плечи — в полпролета.
Все мы тут впритирку к трудовым основам.
Все в карман не лазим за ответным словом.
За таким соленым, крепким да рабочим,
что для ушек женских иногда не очень...

Но кидает Нюрку в стычки, точно в битвы:
язычок у Нюрки поострее бритвы.
Слышь, прорабу Нюрка лепит точка

в точку:
— С этакой-то прытью не прокормишь
дочку!

А ведь дочке надо это и раззито:
как-никак студентка университета! —
Слышь, летит подначка в темя бригадиру:
— Тяп да ляп латаешь палубу буксиру!
Не твое ли фото, что вполоборота,
давеча сменили на Доске почета? —
Слышь, еще кому-то сверху перепало:
— На тележку проку — на вагон металла!
На минуту дела — на день разговоров!
Не числом — умением побеждал Суворов!
Не балуй под грузом! —

Даже и со скуки
кто, скажи, такую выберет в супруги?
Кто решится, право, жить бок о бок с нею?
Я стою, бледнея. Я стою, краснея.
Я с самим собою не играю в жмурки:
кран — ничто без Нюрки, цех — ничто без
Нюрки.

Вся страна без Нюрки, так сказать,
ни к шути.
Да и мне без Нюрки грустно почему-то...
Пусть меня судила строго крановщица —
наши с ней в металле отражались лица.
Рядом отражались, байки пресекая:
мол, она такая да еще саякая.

А еще какая? Говорю открыто:
никому такую я не дам в обиду.
Именно такую. С перцем. Из рабочих.
Понадежней прочих. Посмелее прочих.

Мне нужна такая. Бойкая. Что надо.
Будет от какого ежиться мне взгляда.
Будет с кем до свадьбы отводить мне душу.
С кем потом делить мне и жару и стужу.
С кем на час браниться — навсегда
мириться.
Стань моей женою, Нюрка-крановщица!

Я сознавал: дважды два не четыре
в сегодняшнем, в переменившемся мире,
хоть был он по виду такой, как всегда.
Хвостом ли за Альпы задела комета,
вулкан пробудился ли, пала ли где-то
на грешную землю святая звезда.

Я чувствовал: всюду творится такое,
что больше нельзя оставаться в покое
ни в глубях Вселенной, ни в центре двора.
Пресечь надо серые будни и строки,
поскольку особые грянули сроки
и экстренная наступила пора.

Все в мире лишалось застоя и косности.
Все в нем становилось таким, будто
в космосе,
сыскавшись, открылась заветная дверь.
Приветно махала любая рука мне.
Вокруг меня были машины и камни,
но все они были иными теперь.

Повсюду трещали и рамки и пути.
И сам я уже улыбался чему-то,
конечно, с приветливостью неземной.
И сердце стучало в груди моей бешено.
И гостьей небесной казалась мне женщина,
привычно идущая рядом со мной.

Не на полотне и не в сказке
рвались за деревней фугаски.
А тут еще мы — детвора...
Мы — дети глубокого тыла...
Я помню, когда это было.
Вчера еще только. Вчера.

Вчера, а не в давние годы,
ревушие те самолеты
прицельно срывались в пике.
Вчера над недвижимым Сашкой
стоял я со смятой фуражкой
в мальчишеском, злом кулаке.

Стоял я живой-невредимый.
Семье своей необходимый.
И только с лица — словно мел.
Вчера это было. У станции.
Я лишь по вине пигментации
сегодня совсем поседел.

Да, я из того поколенья,
чей счет на века и мгновенья.
Я знаю, где фронт и где тыл.
Все то, что зовется войною,
вчера лишь случилось со мною.
И я ничего не забыл.

АНАТОМИЯ КАСТЫ

Дмитрий ЛИХАНОВ

В апреле Николай Петрович Трегубов выпи-
сался из больницы. Настроение было скверное.
Спал плохо, мучили какие-то непонятные пред-
чувствия. Придя на работу, он вызвал к себе
Петрикова. Печально взглянул на своего пер-
вого зама сквозь линзы очков, тяжело вздох-
нул:

— Тебе надо заявление писать...

— Какое? — испуганно спросил Андрей Анд-
реевич. Нехороший озноб пробежал под ру-
башкой.

— На пенсию. Напиши заявление. Для тебя
это будет самый лучший выход, Андрей Андре-
евич, потому что в том положении, в котором
ты оказался, органы могут учесть, что ты уво-
лен на пенсию, что ты инвалид, и тебя могут не
привлечь к уголовной ответственности.

— А может быть такое? — Спина взмокла от
внезапного пота.

— Да, Андрей Андреевич. Я советовался с
одним очень осведомленным человеком по
этому вопросу. Он мне заявил, что такая воз-
можность не исключается.

— Николай Петрович, а надежный это че-
ловек?

— Очень надежный, но ты меня о нем не
спрашивай, я тебе его никогда не назову.

— Но, Николай Петрович, вы же знаете, что
я без работы не могу, я всю жизнь привык
трудиться. Может быть, когда все обойдется,
вы мне дадите какую-нибудь работу...

— Я тебе все сделаю, только ты веди себя
хорошо, смотри никому ничего не рассказы-
вай о наших взаимоотношениях. Помогут тебе
с работой, сделаю все от меня зависящее, что-
бы избавить тебя от уголовного наказания.

«Николай Петрович — уважаемый человек, —
думал про себя Петриков после этого разго-
вора, — я не знаю, есть ли еще в Москве та-
кой руководитель, который имел бы такие свя-
зи, такие знакомства. Как я могу ему не ве-
рить?!»

Яснее ясного, что трегубовщина не могла
появиться на свет и существовать словно в без-
воздушном пространстве, в эдаком экономи-
ко-административном вакууме. Что-то непре-
менно поддерживало ее, чье-то — на поверку
оказавшееся преступным — попустительством и
благодущие позволяли ей процветать столь
долго и безнаказанно. Иными словами, Глав-
торг окружала благодатная и питательная сре-
да, в которой день ото дня набирал силы и
креп уродливый мутант.

Руководители Главторга не были наивными
людьми и прекрасно понимали, что и от выше-
стоящих начальников требуют роста, победно-
го шествия и значительных успехов, что за не-
порядки с них спросят куда как строже, семь
шкур сдерут, понимали они и то, что никто из
вышестоящих не хочет получать нагоняй, а уж
тем более лишаться насиженного кресла, зна-
ли, что руководство интересуется только план,

план любой ценой (кстати, применительно к
торговле не такая уж безобидная формулиров-
ка), а уж как ты его исполнишь, какой ценой, —
это, как говорится, дело хозяйское. Словом,
благополучный отчет был той самой точкой со-
прикосновения, где сходились интересы глав-
ка и вышестоящего руководства. Именно от-
чет, а не подлинная работа, не реальное по-
ложение дел, как оно должно было бы обсто-
ять в действительности.

«Вопросы работы с кадрами, — расскажет в
своих показаниях А. А. Петриков, — борьба с
хищениями очень редко выносились на обсуж-
дение исполкома Моссовета. Зачастую это де-
лалось не по инициативе руководителей Мос-
горисполкома, а по представлениям финансо-
вых и контролирующих органов. Подготовка
материалов и проектов решений Моссовета
по различным вопросам поручалась в основ-
ном работникам аппарата главка, а не сотру-
дникам секретариата курировавшего торговлю
зампредисполкома, как это должно быть на
самом деле. Редко для этого привлекался и
депутатский актив. При таком положении от-
дельные решения исполкома не вскрывали всех
недостатков, причин, порождающих эти недо-
статки. Очень часто готовились для обсужде-
ния так называемые «пожарные вопросы». Де-
лалось это, как правило, после замечаний и по-
сещений торговых предприятий руководителя-
ми вышестоящих советских и партийных орга-
нов.

Было немало и таких случаев, когда Тре-
губов, узнав о том, что какой-то вопрос по
работе Главторга готовится для обсуждения в
МГК КПСС, старался «протолкнуть» его для об-
суждения на исполкоме. Делалось это вовсе не
для того, чтобы быстро и по-деловому ликви-
дировать допущенные безобразия, а затем,
чтобы на заседании бюро горкома партии от-
читаться о якобы принятых мерах.

Люди, на которых возлагался контроль за
исполнением решений, этой работой занима-
лись неудовлетворительно: сотрудники редко
бывали на местах, не интересовались, как на
деле выполняется то или иное решение Мос-
горисполкома. Вся их роль в основном своди-
лась к получению от Главторга справок и от-
четов о ходе или выполнении решений.

В исполкоме Моссовета не раз поднимался
вопрос об упрощении громоздкой четырех-
звенной системы управления московской тор-
говлей — главка, управления, торги, магазины —
и переходе на трех- или даже двухзвенную
систему управления. Однако Трегубов убедил
руководство Моссовета не делать этого и все
оставить по-старому. Поступая так, Трегубов
руководствовался не государственными, а
личными интересами, для того, чтобы сохра-
нить отраслевые управления как своеобраз-
ный буфер для Главторга, — на них в случае
необходимости можно было отвести удар.

Одним из основных условий соцсоревнова-
ния между торгующими системами страны яв-

ляется обязательное выполнение планов по
вводу дополнительных торговых площадей и
освоению выделенных на эти цели капиталов-
ложений. Было немало случаев, когда при
подведении итогов соревнования эти показа-
тели в Москве не выполнялись. Тогда по
предложению Трегубова в горплане эти пока-
затели непосредственно подгонялись под фак-
тическое выполнение, и это автоматически
давало право торговым организациям Москвы
представляться для участия во всесоюзном или
республиканском соревнованиях.

Ранее уже упоминалось о незаконных кор-
ректировках планов, столь распространенных
в системе московской торговли, рассказыва-
лось об их экономическом вреде и нравствен-
ной пагубности. Однако позвольте, скорректи-
ровать план — это ведь не батон колбасы ук-
расть, дело это сложное, сопровождаемое
ворохом различных обоснований, приказов и
телефонных звонков. Неужели о снижении
плана, ну, положим, Куйбышевскому райпи-
щеторгу, не было известно хотя бы в город-
ской плановой комиссии города Москвы? Да
нет, конечно, все было известно. Мало того,
Николай Петрович Трегубов находился в дру-
жеских отношениях с заместителем председа-
теля горплана В. А. Митрофановым. Результа-
том этой «дружбы», незаметно перешедшей
из домашних условий в служебные кабинеты,
стали хронические нарушения плановой дис-
циплины. Планы корректировались по квар-
тально и подчас ежемесячно, так что уже
и не план получался, а насмешка над пла-
ном. Однако как вспомнишь, сколько государ-
ственных денег было положено на выплату
«липовых» премий, как представишь себе до-
вольные лица казнокрадов, прикрепляющих
на лацкан пиджака значки победителей соц-
соревнования, становится не до смеха, горько
от этого становится. И дело тут даже не в зна-
ках, а в том, что такие вот «победители» и
«ударники», завоевав, так сказать, обществен-
ное признание, уже не казнокрадами чувсто-
вали себя, а передовым отрядом и прочее,
прочее, прочее, а потому и шли по жизни, как по
тайге — напролом, внаглую круша и оттирая
подлинно честных людей.

Вот ведь какая взрывная волна идет от
обычной корректировки плана, а вред от нее
уже не только экономический, но и нравствен-
ный, ибо фальсифицируются уже не только
цифры, но понятия, идеалы, жизненные кри-
терии. Думал ли об этом Трегубов, договари-
ваясь об очередной корректировке с зампре-
дом горплана? Нет, конечно. Не до нравствен-
ности, когда речь идет о ведомственном пре-
стиже, а по сути, о собственной шкуре.

Мутный ручеек трегубовщины не пересы-
хал, как бы нам того хотелось. Напротив, пи-
таемый другими ручьями, он год от года толь-
ко полнился, набирая силу. И какие бы плоти-
ны ни воздвигали мы на его пути, он, как это
и положено в природе, выискивал и нахо-
дил-таки самые слабые места, самых нестой-

Окончание. См. «Огонек» № 37.

ких, продажных по своей сути людей, просачивался и вновь устремлялся вперед.

«Назначения на должности директоров крупных магазинов, их поощрения и премирование,— продолжает свой рассказ А. А. Петриков,— происходили при активном содействии заведующего отделом торговли и бытового обслуживания МГК КПСС В. А. Митрофанова (приговоренного Московским городским судом за взяточничество к 12 годам лишения свободы.— Д. Л.).

Он твердо опирался на известных ему «деловых людей». В подборе и расстановке кадров Митрофанов руководствовался не партийными принципами, а соображениями личной преданности ему определенных людей, для которых он составлял протекции, а порой давал прямые указания к их выдвижению.

Передо мной лежит список. Его составил один из бывших руководителей в системе московской торговли, ранее приговоренный судом к исключительной мере наказания — расстрелу. В нем — фамилии бывших ответственных работников, не устоявших перед липкой паутиной трегубовщины. Одни брали взятки, другие предпочитали деньгам бесплатные продуктовые заказы... С ними еще предстоит разобраться следствию. Однако волнует меня другое: хочу и не могу понять, почему они не устояли?..

Анатолию Дмитриевичу Сельдемирову около сорока. В свое время он окончил институт торговли, работал в райпищеторге. Так что торговое дело знает, как говорится, «от и до». Сейчас он заместитель начальника московского УБХСС. Мы говорим о компромиссе.

— Все начинается с мелочей,— размышляет вслух Сельдемиров.— Когда я только начинал работать в УБХСС, со всяким приходилось встречаться. Бывало, придеешь в магазин на проверку и завязнешь на целый день. Работашь, а есть так хочется, да еще вдруг сигареты кончатся. Отлучиться нельзя — вмиг все переиначат. Но стоит только попросить у них сигарету или хотя бы стакан воды, все, считай, что вляпался... Сигарету? Какая малость, берите всю пачку! Воды? А может, пепси-колы или чего покрепче? Тут же обложат, купят со всеми потрохами. Это я сейчас умнее стал: если иду на проверку, так заранее запасаюсь и куревом, и бутербродами...

В самом деле, любой компромисс начинается с малого, с того еле уловимого движения души, с того минутного послабления принципов, после которого — желаем мы того или нет — обратного хода быть не может. Подчас компромисс принимает разные формы: от безобидных уступок до преступных подлогов. Однако последствия сговора с совестью, а тем более в торговле, всегда одинаковы — вслед за ним приходит расплата.

Я не знаю, с чего начинался сговор с совестью у Трегубова, Петрикова, у их покровителей и заступников. Могу только предполагать — и у них он начинался с малого. Окончился же преступлением, моральным и политическим падением. Такова цена компромисса...

В начале прошлой недели в актовом зале Первомайского районного суда состоялось оглашение приговора Верховного суда РСФСР по делу Трегубова и других руководителей Главного управления торговли Мосгорисполкома. За получение взяток и злоупотребление служебным положением осуждены: бывший начальник Главного управления торговли Трегубов Н. П. — к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества; бывший первый заместитель начальника Главного управления торговли Петриков А. А. — к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества; бывшие начальники отделов Главного управления торговли Хохлов Г. М. и Кириев В. П. — к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества каждый.

За дачу взяток осужден бывший директор Куйбышевского райпищеторга г. Москвы Байгельман М. Я. к 8 годам лишения свободы с конфискацией имущества; за взяточничество, злоупотребление служебным положением и хищения — бывшие директора магазинов «Гастроном-ГУМ» и «Гастроном-Новоарбатский» Тверитинов Б. С. и Филиппов В. И. соответственно к 10 и 11 годам лишения свободы с конфискацией имущества; кроме них, к раз-

личным наказаниям осуждены 18 других работников торговли.

В целях устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, Верховным судом РСФСР вынесены частные определения в адрес Министерства торговли СССР и исполкома Моссовета.

Верховным судом РСФСР в Президиум Верховного Совета СССР внесено представление о лишении осужденных полученных ими ранее государственных наград.

Определением Верховного суда РСФСР против ряда свидетелей по этому уголовному делу, давших судебной коллегии заведомо ложные показания, возбуждены уголовные дела по статье 181-й УК РСФСР — за лжесвидетельство.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

И сейчас я думаю о других — о тех, кто, возможно, будет еще привлечен по «делу Главторга» в столице ли или в иных городах и весях. Трегубов и иже с ним осуждены, система Главторга очищена от многих, очень многих нечистоплотных людей, однако отдельные семена дали ростки, и они, как метастазы, проникали вширь и вглубь.

Пути перестройки народного хозяйства, стили всей деятельности нашего общества со всей объективностью определил XXVII съезд КПСС. Одними из главных в ней являются вопросы контроля и подбора кадров. Так определил съезд, а по сути, сама жизнь.

«Главное сейчас,— подчеркнул на состоявшемся недавно пленуме МГК КПСС первый секретарь горкома партии Б. Н. Ельцин,— повсеместное утверждение демократических принципов, повышение роли и ответственности первичных партийных организаций, трудовых коллективов в проведении кадровой политики партии. Очень важен демократизм в решении кадровых вопросов. Здесь его еще совсем мало».

Кадровый вопрос в торговле особенно болезненный. Тут немало грубейших ошибок и просчетов. Подумать больно, кто руководил, а некоторые и по сей день руководят и работают на ключевых участках этого важнейшего сектора. По самым последним данным, в системе московской торговли 35 процентов бухгалтеров и 18 процентов инвентаризаторов не имеют специального образования. Только в одном Красногвардейском райпищеторге у 164 человек дубликаты трудовых книжек, у 98 сотрудников — разрыв трудового стажа. А ведь за всеми этими разрывами и дубликатами, как правило, стоят прежние грехи: увольнения по статье либо привлечение к уголовной ответственности.

Полное закономерно, что следствие поочти стило авгиевы конюшни Главторга, избавило систему от многих хапуг. Но осталось еще немало проблем.

От одного из руководителей торговли услышал эдакую не терпящую возражений фразу: мол, да, многие директора магазинов, многие заведующие не имеют специального образования, но зато у них есть опыт работы в торговле. А у молодежи есть образование, но нет опыта, потому ее, дескать, и не выдвигают. Но не старается ли кто-то выдать за опыт умелое ведение «черной бухгалтерии», искусное манипулирование с «естественкой», совершенное владение азами пересортицы?

Это вовсе не означает, что всех ветеранов торговли нужно в ближайшее время проводить на пенсию. Необходимо другое — наполнить торговлю свежей, молодой кровью, решительно выдвигать на руководящие посты двадцатипятилетних, тридцатилетних людей. Двадцати, как справедливо заметил на встрече с трудящимися Хабаровска М. С. Горбачев, «когда выдвигают человека на руководящую должность, не грех — и это должно стать правилом — прийти к людям, которые его хорошо знают, и сказать: вот мы хотим его выдвинуть на районную или городскую работу, руководить. Как вы считаете, можно ему доверить? Надо больше советоваться с людьми».

Вспомним ленинский призыв контролировать местные органы и местным надзором работу центрального аппарата и обратно, достигая этим устранения волокиты и бюрократизма.

Фактически же, если судить по материалам «дела Главторга», этот принцип был ополовинен и перевернут с ног на голову, ибо контроль в системе главка осуществлялся только сверху донизу, но не наоборот, как это следовало бы на самом деле. Да и эта, к слову сказать, «половинка контроля» потеряла всяческую объективность, ибо содержалась на денежные дотации контролируемых. Фактически же проверяющие оказались в материальной зависимости от проверяемых, система вышла из-под контроля.

Анализируя негативные процессы семидесятих годов, партийный съезд с полной ясностью определил стратегию контроля: «В партии нет и не должно быть организаций вне контроля, закрытых для критики, нет и не должно быть руководителей, огражденных от партийной ответственности». При этом движущую силу контроля партия усматривает в самих трудящихся, в энергии трудовых коллективов.

Я уже говорил о том, что самые незаинтересованные в обмане и воровстве люди — это низовые работники торговли: фасовщики, кассиры, продавцы. Конечно, и среди них попадаются нечистоплотные люди, но все же в подавляющей своей массе они воровать не хотят, ибо знают: откроется обман, так полетишь в тартарары «общего режима». А ведь по большей части это женщины, у многих семьи, дети. Так что для них, для низовых работников торговли, просто по-человечески спокойнее не обвешивать, не воровать, а честно работать, как и все, за свою зарплату. Подумалось: именно на этом желании и должна строиться система ведомственного контроля в торговле.

Собственно, это уже позволяет сделать и Закон о трудовых коллективах, то есть имеется даже юридическая платформа для необходимых действий. Однако пользуются ею коллективы торговых предприятий пока еще неумело, со стеснением, а вот когда поймут, что в конце концов правда и закон на их стороне, тогда уж и не будут пасовать перед зарвавшимся директором: ах, ты нас к воровству понуждаешь, так будь добр — катись колбаской по Малой Спасской, увольняем тебя за недоверие. Конечно, наивно полагать (об этом тоже говорилось на недавнем пленуме МГК КПСС), «что годами формировавшаяся атмосфера безответственности, бюрократизма, отрыва от конкретной работы и нужд людей можно преодолеть полностью и повсеместно». В этом преодолении заключается сегодня главная трудность.

В то время, когда готовился к печати этот материал, мне удалось побывать на собрании партийно-хозяйственного актива работников московской торговли. Повестка дня самая что ни на есть актуальная: «О мерах по усилению борьбы за сохранность социалистической собственности и повышению ответственности руководящих кадров торговли за соблюдение правопорядка и искоренение злоупотреблений в системе Главного управления торговли». И хотя по своей форме напоминало собрание это совещания эпохи семидесятых, по сути оно отличалось от них неожиданной остротой и критичностью. Назывались нелепые факты, вскрывались причинные взаимосвязи, указывались конкретные виновные. Поначалу радостно сделалось: ну, вот, хоть заговорили открыто, чуток поднажать, авось, и дело сдвинется с мертвой точки. Но лишь только собрание актива закончилось (а закончилось оно строго в соответствии с отпущенным регламентом, два человека так и не высказались, а вынуждены были сдать свои выступления в президиум), лишь только актив поднялся со своих мест и двинулся к выходу, моя радость сразу стала куда-то исчезать.

Шел я вместе со всеми, прислушивался, о чем люди говорят. Казалось бы, тема-то какая наболевшая, какие цифры, факты произносились с высокой трибуны, скольких критиковали,— задуматься бы, устыдиться хотя бы. Однако шедшие рядом со мною люди (и ведь не просто люди, а руководители) говорили о том, что сегодня еще предстоит тещу встречать, о том, что у кого-то собака с утра не кормлена, о вчерашнем телебоевке — словом, о чем угодно, но не о состоявшемся только что собрании.

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

ПРАЗДНИК ШАХМАТ НА НЕБЕ

Признаюсь откровенно, с необыкновенным интересом ждал второй половины матча-реванша ваш шахматный обозреватель — и не только потому, что ленинградцу радостно видеть в родном городе шахматный праздник. Ведь впервые за все эти долгие периоды матчевого соперничества двух великих шахматистов я на целый месяц оказался оторванным от непосредственного участия в их состязаниях в качестве комментатора и журналиста. Каное-то время лишь с расстояния в десять тысяч километров — из Индонезии, где находился для шахматных выступлений, — мог я следить за волнующими перипетиями борьбы.

Правда, это дало мне редкую возможность убедиться, как велики даже в самых отдаленных от эпицентра шахматных событий уголках земли интерес к соперничеству Каспарова с Карповым. Но одно дело — наблюдать за событиями издалека, другое — активно включиться в ход волнующего состязания. И хотя за первую неделю было сыграно всего три партии из намеченных пяти (один таймаут в самом начале — очевидно, ради акклиматизации — взял Карпов, другой — после победы, а потому особенно интригующий по мотивам, объявил Каспаров), их разбор потребовал все свободные от игры дни.

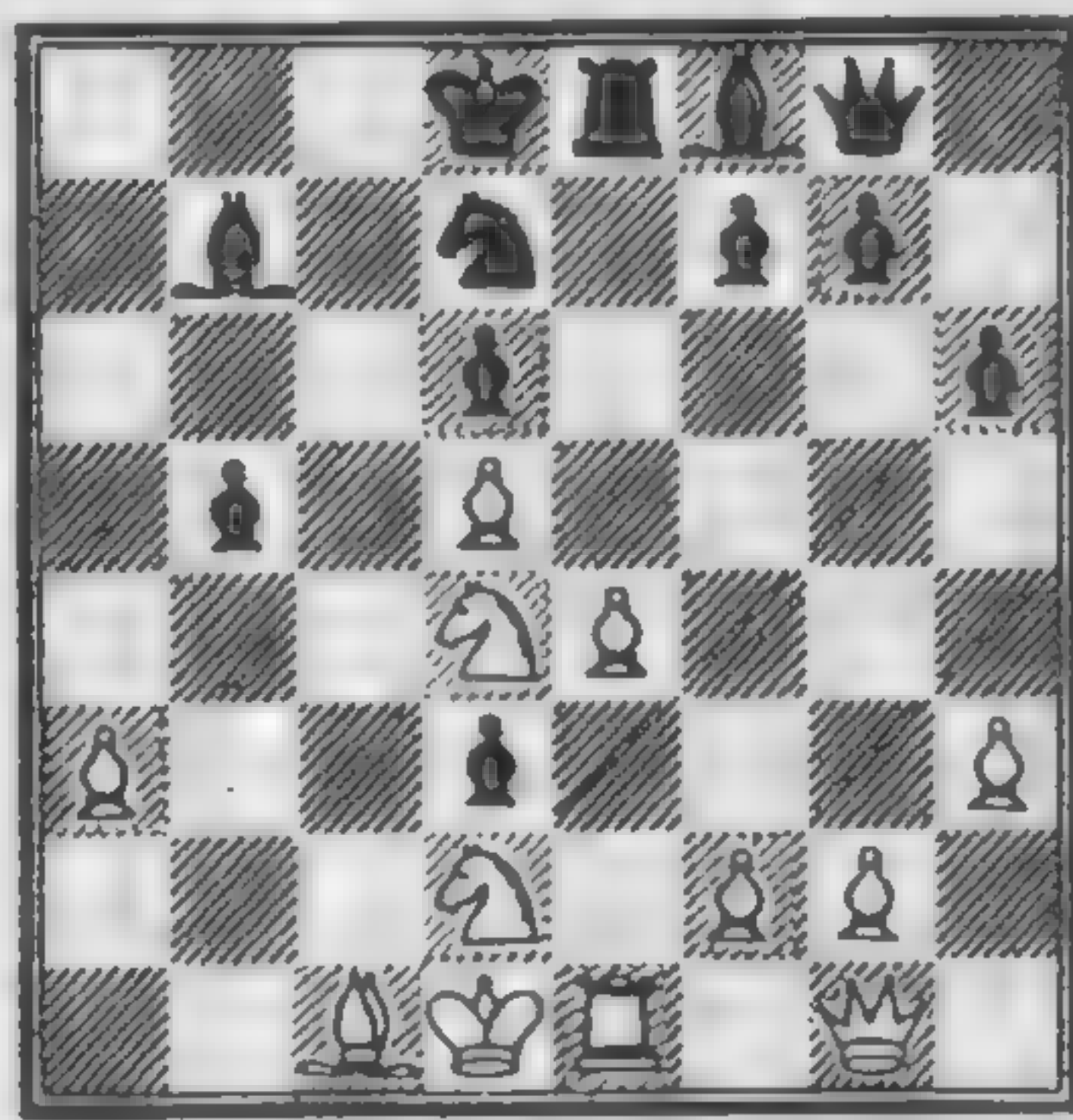
Любопытная деталь: ни в одной из ленинградских партий (и, добавим, лишь однажды в Лондоне) партнерам не понадобилось более пяти часов для того, чтобы определить исход сражения. Отложенных партий практически не было. А это значит, что борьба идет на таком накале, когда события словно спрессовываются во времени и содержание каждого замысла, каждого хода обретает особую насыщенность и динамизм.

Все три сыгранные во второй половине матча партии были своеобразны и по сюжету, и по глубокому подтексту. Чем дальше противоборствуют два замечательных шахматиста (а они уже отметили своеобразный юбилей — пятнадцатая партия была 90-й в их многосерийной эпопее), чем скупознее разбираются они в творческой и личностной манере друг друга, тем более глубокий психологический смысл вкладывается ими в

каждое принимаемое за доской (и, разумеется, в процессе подготовки) решение. Вот почему их идеи и даже отдельные ходы не всегда вписываются в хрестоматийные толкования законов шахматной стратегии и порой с трудом расшифровываются даже искусными экспертами.

Как справедливо отметил недавно известный шведский мастер А. Орнштейн, Каспаров и Карпов то и дело предстают перед нами в новом обличье, утрачивая свой привычный, устоявшийся «имидж»: гроссмейстер с репутацией «короля комбинаций» охотно ведет спокойную маневренную игру, а его соперник, прославившийся искусством упрощения запутанных позиций, вдруг сам начинает искать осложнения. Подчас создается впечатление, что один участник матча пытается сразить другого участника его собственным фирменным оружием.

Возьмем пример из увлекательной и исключительно сложной 14-й партии матча, одной из самых ярких в нынешнем единоборстве.

Это положение возникло после 21-го хода. Достаточно беглого взгляда на диаграмму, чтобы сделать вывод о бескомпромиссности протекшего сражения. Действительно, неожиданные события начались в этом поединке уже в дебюте. Каспаров своим первым ходом двинул вперед королевскую пешку, что случается в партиях

матча крайне редко. Это испытанное оружие было одинаково нечастливой и для Каспарова, и для Карпова. Статистика свидетельствует, что в прошлом единоборстве Карпов таким образом проиграл две партии, а Каспаров — одну. И вот снова испанская партия, и притом в одном из сложнейших ее вариантов, где сначала оригинальную теоретическую новинку (на 17-м ходу) применил Каспаров, а затем смелой репликой еще более закрутил игру Карпов.

Словом, в позиции, где мы начинаем разбор, стратегический конфликт уже принял самые острые формы. Обратите внимание: ценой заметного ослабления своей пешечной цепи экс-чемпион получил перспективы активной фигурной игры (давление по вертикали е, опорные пункты на с5 и е5), и судя по тому, что к этой позиции Карпов пришел без особых раздумий и колебаний, можно сделать вывод, что вся трантовка дебютной стадии им была разработана заранее. Таким образом, перед Каспаровым возникла непростая задача найти за доской достойное возражение на глубокий замысел соперника. К чести чемпиона мира, он блестяще сориентировался в создавшейся ситуации. Отказавшись от данайского дара (принятие жертвы пешки b5, что открыло бы перед черными отличные перспективы), Каспаров нашел многообещающий план активизации своих сил в центре и на королевском фланге. В позиции, изображенной на диаграмме, он сыграл 22. Сb2 Фa5 23. Кf5, создавая конкретную тактическую угрозу 24. С:g7! С:g7 25. Фg4 Фc3 26. e5! По-видимому, лучшей защитой от этого было 23... g6 24. Ke3 Сa6, но Карпов поостерегся ослаблять диагональ a1 — h8 и попытался надежнее ее перекрыть ходом 23... Ke5. В пресс-центре после этого долго рассматривали продолжение f4 Кg6 25. Lf1 с неясными разветвлениями, но Каспаров трантовал позицию неожиданно и оригинально. Последовало 24. С:e5! de (на 24... Л:e5 неприятен ответ 25. Кf3 25. Кb3 Фb6. Пожалуй, Карпову следовало сразу взять пешку, хотя и в этом случае после 25... Ф:a3 26. Ф:d3 Фa6 27. Лc1 у белых инициатива. 26. Ф:d3 Ла8 На 26... С:a3 сильно возмущение 27. d6 и слон черных отрезан от защиты королевского фланга). 27. Лc1! g6. А

здесь на 27... С:a3 нужно уже считаться с ответом 28. Фg3, если же 27... Л:a3, снова сильно 28. d6 28. Ke3 С:a3. Материальное равновесие экс-чемпиону мира восстановить наконец удалось, но за время, которое он на это затратил, Каспаров решительным образом активизировал свои силы. 29. Ла1 Ла4. 30. Кg4! Cf8. Карпов изыскивает все возможности для защиты, но сделать уже ничего нельзя... Плохо было 30. ...h5 31. К:e5 Сb2 ввиду 32. Л:a4 ba 33. Кc4. 31. Лc1. Вновь белые захватывают и уже с решающим эффектом открытую вертикаль с. Не годилось, конечно, 31. К:e5 из-за возможных, разнобразных связей по диагонали h8 — a1 31... Фd6 в случае 31... Сg7 возможно 32. Кc5 Лd4 33. Фg3 Фc7 34. Фe3 со страшной угрозой 35. Ке6! 32. Кc5 Лc4, и здесь на 32... Лd4 сильно 33. Фg3, теперь же события развиваются форсированно 33. Л:c4 bc 34. К:b7 cd 35. К:d6 С:d6 36. Кpf1! Кpg7 37. f3 f5 38. Кf2 d2 39. Кpe2 Сb4 40. Кb3 Сc3 41. Кc5.

Этот ход был записан Каспаровым, но на следующий день, не возобновляя игры, Карпов признал себя побежденным. Причина тому — неизбежная гибель пешки d2, которая, кстати, сделала в этой партии фантастическую «карьеру». Вспомните, она прошла с поля a7 почти до поля превращения в ферзи и истребила на своем пути последовательно пешку, ладью и ферзя белых.

Эта впечатляющая победа упрочила лидирующее положение чемпиона мира. Счет стал 8:6, а после перемирия в содержательной 15-й встрече финиш еще на шаг стал ближе.

...Эти строки были мною переданы в редакцию утром 15 сентября, а вечером в тот же день Каспаров вышел победителем еще в одной партии. Но об этом самом драматическом эпизоде матча-реванша в следующем репортаже.

С учетом привилегии чемпиона мира даже при общем ничейном исходе поединка Каспаров имеет все основания для оптимизма. Ситуация же Карпова заметно осложнилась. В оставшихся восьми встречах ему для достижения заветной цели нужно выиграть четыре партии, не проиграв при этом ни одной. Что и говорить, задача трудная... Но шахматы созданы для сильных духом.

Что же это? Благодушие? Самоуспокоивание? До чего же важно сейчас не ослаблять страстной всенародной борьбы за справедливость!

...Поздний вечер. Рабочий день давно закончился. Крохотный кабинет старшего следователя по особо важным делам при Прокуратуре РСФСР Владимира Ивановича Олейника прокурорен насквозь, до последней половицы. Через каждые полчаса Олейник пьет крепчайший чай, это еще хоть как-то позволяет держаться в форме. За телевизором — раскладушка. Я знаю, что на ней Олейник зачастую ночевал, когда вел кропотливое «дело Главторга».

— Думаешь, они сдались? — усмехается Владимир Иванович. — Как бы не так. Вот посмотри, — открывает он верхний ящик стола и протягивает мне рекламную открытку с типографским оттиском «Главторг», — это я нашел в своем почтовом ящике. Намекают... В самый разгар следствия вдруг сокращают на работе зятя, мою жену. Не говорю уж о таких мелочах, как угрозы расправы, клевета... То и дело они давили на следствие, на свидетелей, которые вдруг ни с того ни с сего меняли свои показания на противоположные... Изобретаются и распространяются мифы о незаконных методах следствия. Как объяснить все это? Ты знаешь, честно скажу, руки порой опускались, уйти хотел, бросить все это к чертовой матери...

Сигарета истлела до самого фильтра и обожгла пальцы. Олейник ткнул ее в пепельницу и тут же закурил следующую...

Да, много еще вокруг нас беспорядка, много еще рвачей, хапуг, скрытых и откровенных взяточников. Это и понятно: слишком долго не хотели их замечать.

Жизнь показала, что от этой пусть порою и горькой реальности никуда не деться.

Часто слышу расхожее мнение: да, беспорядка много, но ведь это порождение прошлых лет, а коли так, забудем-ка поскорее о старом и новой жизнью заживем.

Так что же, забыть, отмахнуться от неприятного прошлого и тем самым объявить идейную амнистию трегубовщине?

Добро и зло, старое и новое — вечный, как мир, закон единства и борьбы противоположностей. Сейчас, когда, устав от долгого безгласия, мы наконец-то — пусть и не всегда умело — повели фронтальное наступление на окружающий нас бюрократический хлам, на всех, кто не желает жить честно, эта борьба обострилась особенно. И было бы просто стратегической ошибкой полагать, что противник сдастся без боя. Нет, драться он будет до последнего патрона, поскольку речь идет о самом главном в его жизни — о собственном благополучии, о сытном куске, незаслуженных благах.

Что же делать? Как излечить запущенные

недуги? Тут, конечно, у самих торговых работников должно быть желание лечить и менять стиль работы. Это первое.

Второе и самое, наверное, важное — организовать систему торговли таким образом, чтобы и продавцы, и «материальщики», и директора магазинов — вся цепочка — были поставлены в условия, чтобы не было интереса ни обещивать, ни воровать, ни заниматься разного рода махинациями; словом, добиться такого положения вещей, при котором трудиться честно было бы выгоднее, чем жульничать. Перевод различных отраслей народного хозяйства на систему хозрасчета, видимо, самый верный путь к таким переменам.

И еще один, столь же существенный момент. Экономике нужен отлаженный хозяйственный механизм, но без совестливых, бескомпромиссных, честных руководителей и он станет пробуксовывать. В сфере торговли такие люди нужны особенно...

Сегодня, на крутом изломе нашей истории, когда трудно, но верно идет перестройка экономики, методов хозяйствования, управления, когда все полнее раскрывается потенциал человеческого фактора, надо чаще вспоминать ленинские заветы. Ведь все предвидевший Ильич писал: «Главки» «сбросить»? Пустяки. Что вы поставите вместо них? Вы этого не знаете. Не сбрасывать, а чистить, лечить, лечить и чистить десять и сто раз. И не падать духом».

Алексей ПЯНОВ

АРБАТСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ,

или Стихи, написанные на
скамейке в присутствии Зиновия Гердта

(Булат Окуджава)

Я сидел в арбатском скверике.
Тихо было на земле.
Дама ехала на венике.
Нет, все же на метле.

Несомненно, благородная,
Что заметит и глупец.
На ней юбка старомодная
И плюсовый чепец.

Довоенная, прекрасная
Песня из окна текла,
И виднелась роза красная
В склянке темного стекла.

Тут, пожалуй, время самое
Вам открыть, мои друзья,
Что сидел я вместе с Зямою —
Зиновий Гердт и я.

Воробьи трещали крыльями,
Кот таился, словно вор.
С упоением курили мы
Петербургский «Беломор».

И никто нас не третировал,
Со скамейки не сгонял.
Зяма громко репетировал,
Я тихо сочинял.

Не для дамы истерической —
Уж ее простыл и след,
А для драмы исторической
Придумывал сюжет.

Чтобы в нем гусары прыткие
В битвах расширяли лбы...
И выдергивал по нитке я
Из собственной судьбы.

Чтобы платье подвенечное
В полночь сшила вам луна
И была любовью вечною
Ваша жизнь озарена.

Чтоб над вашей кроватью
Пели птицы, как в раю...
Если хочется нам сладкого —
Нам горькое дают.

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК

ЯБЛОЧНАЯ БАЛЛАДА

(Юнна Мориц)

Этот случай знает каждый,
Только так ли он случаен?..
Лег под яблоней однажды
Утомленный англичанин.

Подремать решил он сладко...
Ты внимательнее слушай:
Тут не в яблоне разгадка —
Мог прилечь он и под грушей.

Ну лежит себе — и ладно,
И кому какое дело?
Было тихо и прохладно.
Вдруг листва зашелестела,

И ранет упал на темя,
Тайному подобный знаку,
И законы тяготенья
Вмиг открылись Исааку.

Он вскричал: «Ну это слишком!
И в саду покоя нету!»

И погладил нежно шишку,
И отъел кусок рванета...

Байка яблочная эта,
Вспоминаемая часто,
Лапидарностью сюжета
И к поэзии причастна.

Тщетно тужишься, мой друг, ты,
День и ночь в садах гуляешь,
И под зреющие фрукты
Зря головку подставляешь.

Тут, заметим мы, однако,
Не помогут яблок тонны:
Мало зваться Исааком,
Надо быть еще Ньютоном!

ПОЕДИНОК С БУДИЛЬНИКОМ

(Белла Ахмадулина)

С будильником неравен
поединок,
Не превозмочь железный
организм.
Едва засну, как вновь блажит
будильник,
Сей Хроноса дотошный
механизм.
Кем он научен этот час
отметить?

Кто бодрствования жаждет
моего?
Но некому на мой вопрос
ответить:
Глухая ночь. И больше никого.

Я раньше просыпаюсь от
свирели,
В обратность дней, вспять
времени брела,
Где Северным сиянием сырели
Кустов сирени пряные тела.

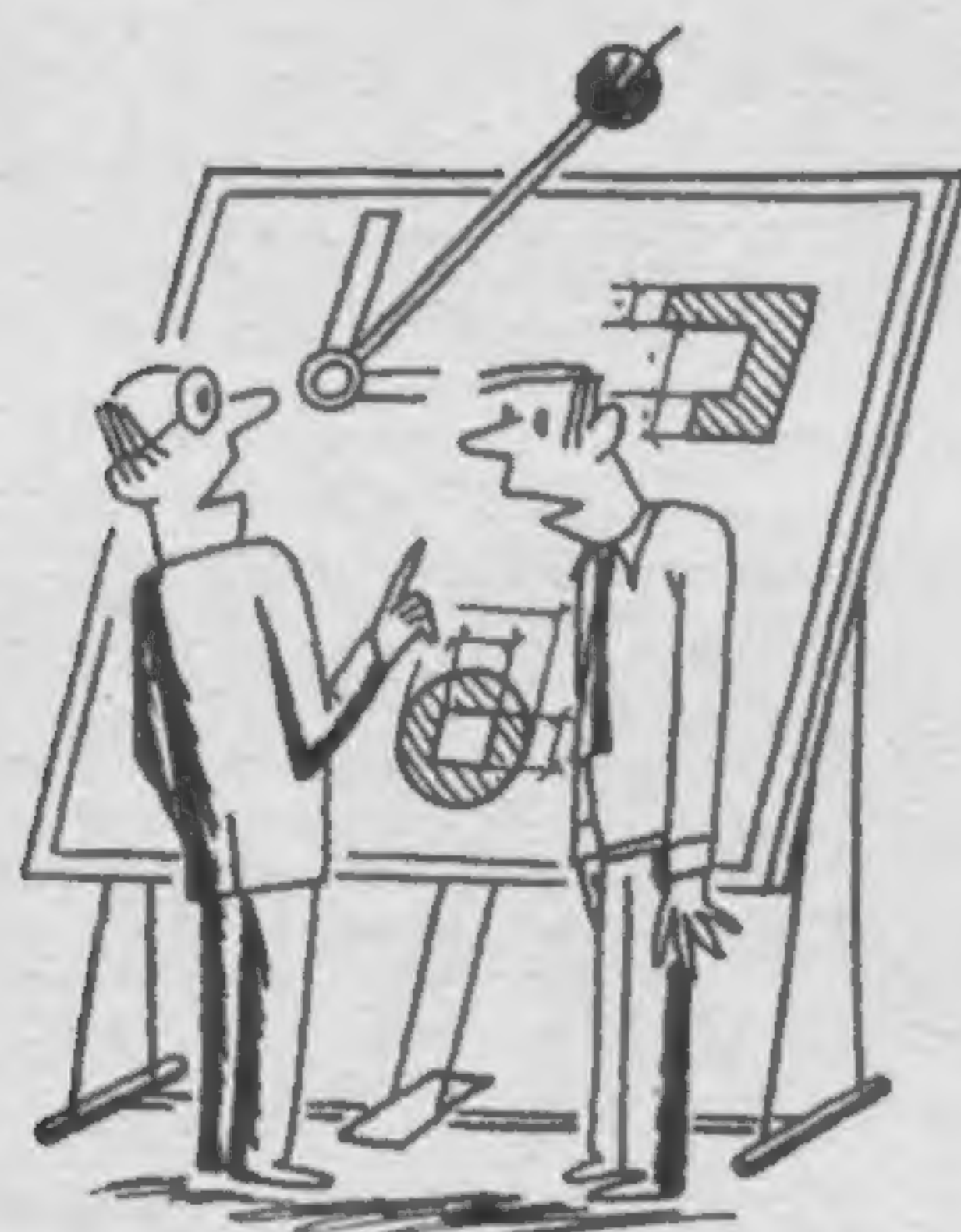
Зачем мой взгляд в чужой
цветник вломился?
Что жаждал он — утратить,
обрести?
Сирень упруга, как пейзаж
Вламинка,
Но ей — угаснуть, а ему —
цвести.

Сиреневые очи полусонны,
Ознобно им в полунощной
розе...
Вдруг — сноп огня, и карканье
клаксона,
И шелест шин, летящих по
шоссе.

Как тяжка тишины и тьмы
утрата.
Кому угоден этот горький миг?
Кто, посягнув на лавры
Герострата,
Сжигает ночь — бессмертный
черновик?

Я проиграла этот поединок...
Сирень, сирень... Соперница?
Сестра?
Над Сортавалой властвует
будильник.
Сажусь за стол. Хоть страшно,
но пора.

ИЗ ЖИЗНИ СИДОРОВА

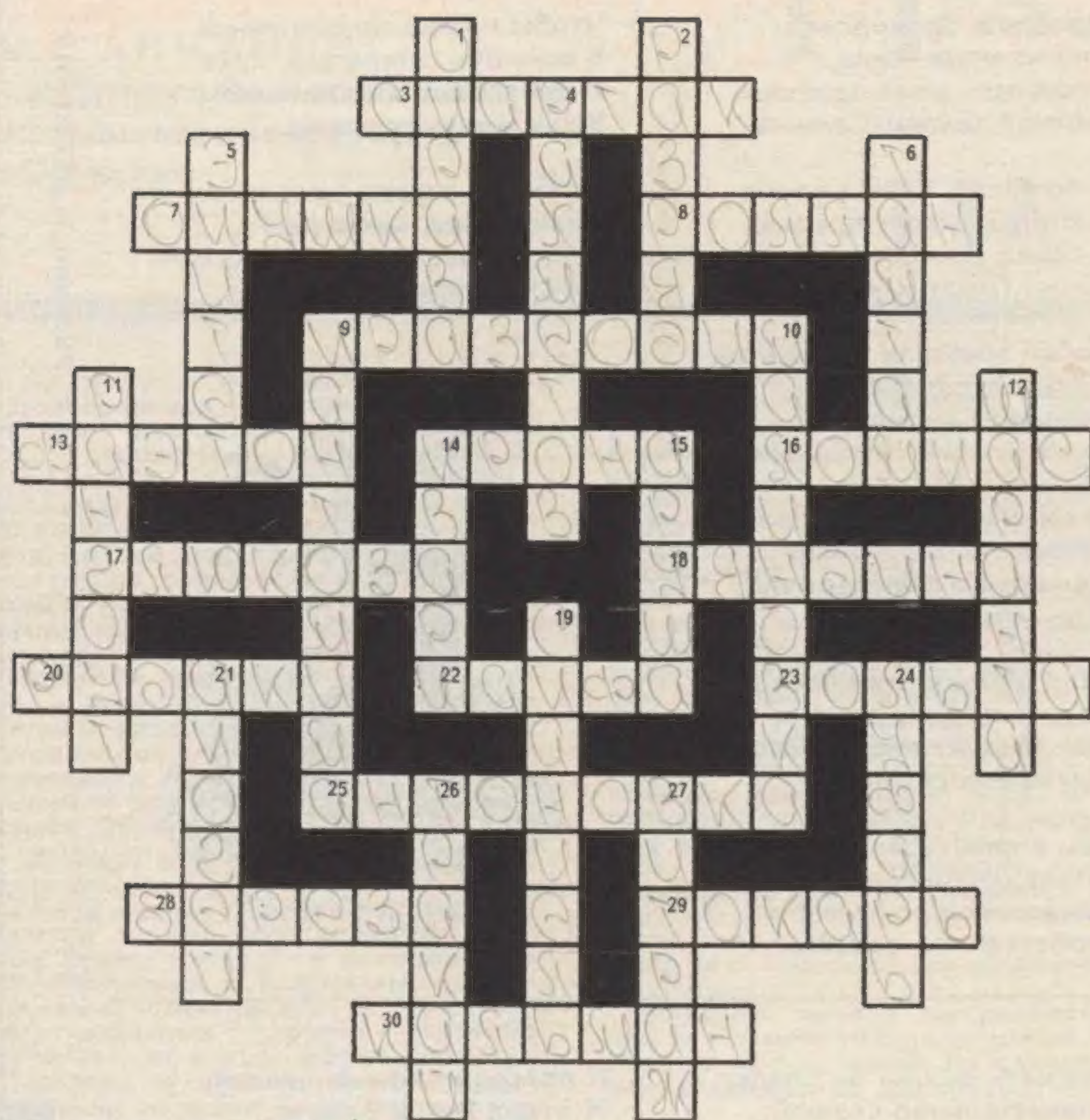
— Затянули вы, Сидоров, с конструированием
двигателя!
— Хочу сделать получше — вечный...

— Конечно, Сидоров — злостный прогульщик,
но он все же живой человек. Поэтому мы ре-
шили по сокращению штатов уволить вас.

Рис. В. Влагова

ОТДЕЛ КАДРОВ

крессворд

По горизонтали: 3. Всесоюзное спортивное общество. 7. Край леса. 8. Французский писатель, музыковед. 9. Химический элемент, металл. 13. Кузов легкового автомобиля с открывающимся верхом. 14. Разветвленная часть дерева. 16. Цветная нашивка на форменных брюках. 17. Виноградный сахар. 18. Приток Индигирки. 20. Таджикский и персидский поэт IX—X веков. 22. Опорная часть оси, вала. 23. Итальянский физик и физиолог. 25. Сорт яблок. 28. Стихотворение С. А. Есенина. 29. Специалист по обработке металла, дерева. 30. Венгерский композитор.

По вертикали: 1. Рамка. 2. Степень квалификации в профессии, спорте. 4. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 5. Образное определение, сравнение. 6. Разновидность гонга. 9. Вид сценического искусства. 10. Лесная певчая птица. 11. Надпалубное судовое оборудование. 12. Река на западе Франции. 14. Распространенный минерал. 15. Город в Танзании. 19. Охотничья собака. 21. Наиболее удаленная от Земли точка орбиты Луны. 24. Промысловая морская рыба. 26. Город в Литве. 27. Узор из цветного стекла.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 4. Ломидзе. 5. Сметанина. 9. Равноденствие. 11. Рапс. 13. Трак. 14. Леонкавалло. 17. Физиули. 18. Сливки. 19. Государство. 20. Шарнир. 21. Виледь. 22. Аспирантура. 26. Диск. 27. «Трое». 28. Диалектология. 29. Балакирев. 30. Ибараки.

По вертикали: 1. Елизавета. 2. Фламинго. 3. Чернотал. 6. Каллиграфия. 7. Силосование. 8. Навигация. 10. Танкодорм. 12. «Спутник». 13. Триолет. 15. Кодар. 16. Ворон. 23. Палладио. 24. «Аптекарьша». 25. Уборевич.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: в свободном полете — Сергей Бороздин. (См. в номере материал «Крылья «Накотне».)

Фото С. ПЕТРУХИНА

ПОДВИГ ПЕРВОКЛАССНИКА

Справедливо говорится, что человеческая жизнь измеряется добрыми делами. Это в полной мере можно отнести к смелому поступку Романа Ружина, живущего в маленькой белорусской деревне. Роман еще далеко не «разменял» первый десяток лет жизни — он учится только во втором классе. А свой подвиг юный смельчак свершил, будучи первоклассником. Трое детей обязаны ему своим спасением.

О смелом поступке октябренька Романа Ружина вы узнаете из фоторепортажа наших корреспондентов А. Щербакова и А. Награльяна в ближайшем номере «Огонька».

«ПОЖЕЛАЙТЕ НАМ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ!..»

«А кому это все нужно?» — такой вопрос слышу чаще всего, — говорит Роберт Ряйккенен, создатель полимарана «СПРУТ-М». — Стараюсь объяснить, что главное в этом судне — безопасность. Вижу, сомневаются. И так уже более двадцати лет...»

О судьбе этого изобретения вы сможете прочитать в журнале.

«ДАЮ УРОКИ»

Лазарь Карелин, автор широко известных читателям романов «Землетрясение», «Змеелов», «Последний переулочек», и в своем новом романе «Даю уроки» продолжает оставаться верным теме современности, всматривается в острые проблемы наших дней. В центре повествования — борьба с подпольными изготовителями наркотиков. Вступив в схватку с преступниками, готовыми на все, герои романа рискуют жизнью. Им помогают друзья. Ими руководит высокое чувство долга. Публикация романа Л. Карелина начинается в № 39.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ПЕВЦЕ?

Фото С. Шахиджяна.

Валерий Леонтьев — артист популярный. Но что знают о нем даже те, кто называет его своим любимым исполнителем? Ведь эстрадно-рекламный облик часто так обманчив...

Выполняя многочисленные просьбы наших читателей, мы в одном из ближайших номеров расскажем о певце, его работе, планах, о его жизни.

В одном из очередных номеров журнала под рубрикой «Вернисаж «Огонька» мы расскажем о творчестве известного литовского фотографа Антанаса Суткуса.

Творчество А. Суткуса многообразно и плодотворно. Фотокнижки и альбомы, выставки в нашей стране и в различных частях мира, а главное, непрерывный труд — съемки, съемки... А. Суткус — один из создателей Общества фотоискусства Литовской ССР. Это общество сделало многое, чтобы литовская фотография стала широко известна. Заслуженный деятель культуры Литовской ССР А. Суткус в 1985 году стал лауреатом Государственной премии республики.

Публикуем фотографию «Фестиваль» из серии «Люди Литвы».

ДЕВИЗ «ОГОНЬКА»:

ярче,

скорее,

смелее,

чем в других

изданиях

ОГОНЬКА

*Будущие богатыри:
Андрей Большаков,
Владимир Петров
и Дмитрий Почкин.*

Фото М. Савина
(См. в номере материал «Пони-клуб».)